

**ИСТОРИКО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЕ
ОБЩЕСТВО «РАДЕТЕЛЬ»**

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

23

МОСКВА

2022

Главный редактор: д.и.н., проф. С.В. Алексеев

Редакционная коллегия:

д. и. н. Д.М. Володихин (заместитель главного редактора),
д.и.н. О.А. Плотникова,
к.и.н., доц. Г.А. Елисеев,
к.и.н., доц. О.И. Елисеева,
к.и.н., доц. А.А. Инков (ответственный секретарь)

Редакционный совет:

д.и.н., проф., заслуженный деятель науки РФ А.А. Королев (председатель),
д.и.н., проф. С.В. Алексеев,
д.и.н. А.П. Богданов,
д.и.н., проф. Ю.А. Васильев,
д.и.н., проф. Д.Д. Пеньковский,
д.и.н. А.Б. Ручкин
д.и.н., проф. Г.В. Талина,

Историческое обозрение. Вып. 23. М.: НП «Историко-просветительское общество «Радетель»»; Изд-во НИБ, 2022. — 165 с.

Двадцать третий выпуск ежегодного альманаха «Историческое обозрение» включает статьи, посвященные различным проблемам истории и культуры Руси и России, публикации исторических источников. В сборнике представлены материалы конференции «Народное культурное наследие: традиции и современность», прошедшей в мае 2021 г. в Московском государственном институте культуры.

© НП ИПО «Радетель», 2022
© Авторы статей, 2022

Издательство Национального института бизнеса
111395, г. Москва, ул. Юности, д. 5, к. 6

ОГЛАВЛЕНИЕ

Алексеев С.В. Никоновская летопись об истории IX в.	4
Богданов А.П. Рождение Хованщины	13
Мальцев М.С. Таманский клад испанских монет конца XVI — начала XVII в.	54
Иртенина Н.В. Эволюции малороссийского казачества в XVIII — начале XX в. (из истории одного рода)	88
Охлопкова В.А. Расходные книги Патриаршего Казенного приказа как источник для изучения истории Моисеевского монастыря в Москве	105
<i>ПУБЛИКАЦИИ</i>	112
Белов Н.В. Поминания родов всероссийских митрополитов XVI века в синодике Московского Новинского монастыря	112
Левандовский А.Н., Панкрашин С.А. Материалы Н.И. Маркова из архива княгини Юрьевской. Предисловие Н.И. Маркова «К читателям»	125
<i>МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА В.М. ЩУРОВА «НАРОДНОЕ КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ»</i>	132
Володихин Д.М. Владельческие записи на книгах московской печати времен царствования Михаила Федоровича (1613—1645 гг.) из частной коллекции	135
Боронина Е.Г. Духовные стихи Московской области (Из записей 1990-х)	138
Денисов В.Н., Денисова О.А. Роль звуковых архивов Вены и Берлина в сохранении фольклора народов России (по материалам записей российских военнопленных Первой мировой войны)	141
Чернова А.Е. Историко-фольклорные истоки образа прекрасной пустыни в лирике Н. Рубцова	147
Щекатурова Д.Н. О новейших записях песен усёрдской традиции (По определению В.М. Щурова)	153
<i>КРИТИКА</i>	
Алексеев С.В. Новое о «Слове»	156
Сведения об авторах и аннотации статей	160
Правила представления рукописей авторами	165

НИКОНОВСКАЯ ЛЕТОПИСЬ ОБ ИСТОРИИ IX ВЕКА

Уникальные известия Никоновской летописи (Ник.) о древнерусской истории были введены в научный оборот на самой заре российской критической историографии. Если для В.Н. Татищева проблемы их достоверности вовсе не существовало, то уже в XIX в. обозначились два полярных к ним подхода. Сохранялись они и в науке новейшего времени. Одни исследователи видели в записях Ник. подлинную «летопись Аскольда», иногда возводя ее к первоначальному тексту Повести временных лет (ПВЛ) (Рыбаков, 1982: 114–116, 304–306). Другие ученые отрицают достоверность известий Ник. как тенденциозных вымыслов XVI в. (Клосс, 1980: 186–189).

Основные летописные источники Ник. по истории IX–XI вв. установлены: это Новгородская V летопись (Н5Л) и Русский Хронограф. Привлекались также Устюжский летописный свод (Уст.) и Владимирский летописец, либо близкие к ним тексты (см.: Клосс, 1980). Однако сведения Ник. по истории домонгольской Руси, в том числе древнейшей, не исчерпываются ни данными этих источников, ни собственными дополнениями составителей. Внимательный учет особенностей текста и сюжетики Ник. не подтверждает, что нам известны все ее источники. Но эти особенности редко анализируются с чисто текстологических позиций. Анализ *происхождения* уникальных известий часто подменяется анализом их *достоверности*. Между тем, безотносительно последней, есть отдельные факты, ясно указывающие на наличие несохранившихся до нас источников Ник., будь то достоверных или нет. Это касается и древнейшей истории Руси.

Если появление известия о ссылке княгиней Ольгой матери Владимира Малуши в Будотино (6478 г.) объяснимо использованием Уст., то известия о посольстве в Киев «греческого царя» (6487 г.) в источниках Ник. нет. В Хронографический список Н5Л эти сведения, наряду с другими уникальными сведениями под этим годом, вписаны как в черновик при работе над Ник. Однако конкретно это известие под тем же 6487 г. имеется также в Воскресенской летописи (Воскр.), составители которой не пользовались ни Ник., ни Н5Л. Другие уникальные сообщения Ник. из статьи этого года (о печенежском князе Илдее, о посольстве от папы) там отсутствуют. Этот факт, пусть единственный, тем не менее, ясно указывает на наличие некоего общего и неизвестного нам источника Ник. и Воскр. с дополнительными сведениями по истории Древней Руси. Поскольку сходжение единично, у нас нет оснований судить о времени создания источника, степени его достоверности и содержании. Но существование его также нет никаких оснований отрицать (см. также: Назаренко, 2001: 339, 356–360, 433–434).

Хронологическая сетка и костяк русских известий IX в. восходит в Ник. к ПВЛ по Н5Л. Из статьи 6370 г. Н5Л в основном заимствован рассказ об изгнании и призвании варягов (6367, 6369, 6370, 6373 гг. — до смерти Синеуса и Трувора и раздачи Рюриком городов включительно). Из того же источника взяты статьи 6374 г. о походе на Царьград, 6387 г. о смерти Рюрика, 6389 г. о вокняжении Олега (в Н5Л 6389–6390), 6391 г. о покорении древлян и северы, 6406 г. об уграх. Отклонения от Н5Л в перечисленных сюжетах ограничены датами и в основном незначительными дополнениями, о которых пойдет речь далее.

Все известия о походах Аскольда и Дира на Византию, за вычетом восходящего к ПВЛ рассказа под 6374 г., восходят к иностранным источникам. Это два известия из недатированной части (Ник.: 7–8; оба относятся к тому же походу 860 г., дублированному из-за расхождений в датировке) и одно под 6384 г. в части датированной (здесь же о крещении руси). Первое и последнее почти в точности совпадают с Русским Хро-

нографом, восходя в конечном счете к переводам византийских хроник «семьи Симеона Логофета» и Зонары (а через него к Скилице и Константину Багрянородному). Составитель Ник. только вставил во всех случаях имена киевских князей, по очевидным хронологическим соображениям. Именно появлением Аскольда и Дира во вводной части, с другой стороны, объяснимо исчезновение из Ник. сведений о них как о боярах Рюрика. Летописец на основании хронографических данных удостоверился в том, что они впервые напали на Константинополь еще до призвания Рюрика. Выкладки были ошибочны — составитель Ник. на основе Хронографа решил, что Василий I стал соправителем Михаила III уже к 6369 (861) г., тогда как на самом деле это имело место в 866 г. Интересно, что летописца не смутило даже почти полное совпадение обстоятельств описываемых им на основании Хронографа и ПВЛ по Н5Л «разных» походов. Парадоксальным образом эта цепь ошибок привела к соответствующему данным киевского Начального свода (НС) выводу о появлении Аскольда и Дира в Киеве независимо от появления Рюрика в Новгороде.

Но наряду со всем перечисленным есть в Ник. и полностью оригинальные известия. Все подобные сведения в летописных памятниках позднего периода делятся на три группы. Первую группу, довольно обширную, но особенно с учетом памятников XVII в., составляют сведения, почерпнутые из устной традиции. Это преимущественно пересказы местных преданий, оставшихся вне поля зрения писателей предшествующих времен, реже — сюжеты былинного эпоса. Ценность этих переложений и как памятников устного творчества, и как историко-культурных источников велика. Однако оценивая их как источник по истории описываемого периода, надо учесть не только специфику отражения реальности, но и временную дистанцию, и утрату устной традицией «официального» статуса. В целом предания и былинные сюжеты, зафиксированные в XVI–XVII вв., однотипны известным по ранним донаучным и научным записям XVIII–XIX вв. Оценивать степень их «историзма» следует исходя из этого. Вместе с тем отдельные предания XVI в. могли сохранять историческую информацию о явлениях многовековой давности.

Вторую группу составляют сведения, появление которых явилось следствием вымыслов и доммыслов летописцев. Русская литература почти до XVII в. не знала оригинальных произведений типа западноевропейских романа и новеллы, с осознанным «литературным» вымыслом в качестве основы творчества. Но категория доммысла пользовалась уже в раннесредневековой исторической (то есть фактически во всей повествовательной) литературе Руси, как и других стран, немалыми правами. Со временем доммыслы летописцев и иных историописателей становились всё более смелыми, включаемые в повествования предположительные суждения — всё более пространными и выразительными. Как ни парадоксально, пика эта тенденция достигла у родоначальников критической историографии от Иннокентия (Гизеля) до В.Н. Татищева.

С другой стороны, уже в XVI в. некоторые авторы решительно перешли границу, отделяющую доммысел на основе предшествующего источника от не имеющего в нём основания вымысла. Сперва этот вымысел мотивировался политическими соображениями (как в Сказании о князьях Владимирских). Поскольку такой вымысел имел конкретные политические или иные конъюнктурные задачи, постольку для современного ученого обличить его не составляет особого труда. В силу этого во многих случаях вымысел в источниках XVI–XVII вв. вскрывается сравнительно легко. Однако постепенно в историописании проявляется тенденция к откровенному «литературному» вымыслу, не мотивируемому ничем, кроме украшательских соображений. Обычно недостоверность таких сведений легко определима, но иногда отграничить их от данных, почерпнутых, например, из устной традиции — интерпретируемой автором — непросто. «Украшение» истории баснословием особенно расцвело во второй половине XVII

в., однако первые его признаки находятся уже в летописных сводах XVI в., где политические и литературные мотивы «дополнения» исторической реальности подчас гармонично соединены.

Третью группу, наконец, составляют известия, которые не могут быть ни возведены к устной традиции XVI–XVII вв., ни признаны вымыслами авторов. Вероятность заимствования таких известий из несохранившихся письменных источников остается, а изредка, как в случае со статьей 6487 г. Ник. и Воскр., речь об очевидности. При этом время и место создания, степень достоверности и в целом характер таких источников ничем достоверно не определяются. Это, однако, не является основанием для того, чтобы в поисках «простого решения» закрыть глаза на факты, подтверждающие их существование.

Разделяя известия Ник. об истории Руси IX в. на указанные группы, получаем следующую картину. Первая группа (данные, восходящие к современной летописцу устной традиции) на известиях IX в. не выделяется с очевидностью. Однако такие данные в распоряжении летописца имелись, о чем свидетельствуют в первую очередь известия о временах Владимира Святого (Ник., 6508, 6509, 6512). Здесь рассказывается о богатырях Владимира (этим эпическим словом и называемых). Наряду с летописным героем-кожемякой (здесь Ян Усмошвец) богатырем Владимира выступает и Александр Попович. Он именно в Ник. впервые попадает из истории начала XIII в., когда действовал его прототип, ко двору Владимира и во вневременное пространство эпоса. Это притом не мешает ему действовать и спустя два с половиной века, в свое «собственное» время (Ник., 6725, 6733). Можно предположить, что в распоряжении составителей Ник. имелась некая сводка былинных сюжетов, которыми они распорядились по своему усмотрению. На северное (вероятно, новгородское) происхождение этого компендиума указывает упоминание под 6508 г. в качестве приближенного Владимира Рагдая «Удалого», в одиночку бившегося с 300 врагами. В нём трудно увидеть кого-то, кроме силача Рахты Рагнозерского, персонажа онежских (русских и карельских) преданий и эпических песен, где к тому же имеется и сходный сюжет. По времени создания «былинный источник», должно быть, недалеко отстоял от самой Ник.

Что касается известий за IX в., то здесь признаки использования эпических сказаний можно увидеть в породившем обширную литературу сообщении о «восстании» Вадима. Под 6372 г. летописец сообщает: **Того же лѣта оскорвишася новгородци, глаголюще, яко «быти намъ равомъ, и многа зла всячески пострадати отъ Рюрика и отъ рода его». Того же лѣта ѹби Рюрикъ Вадима храбраго, и иныхъ многихъ изви новгородцевъ съвѣтниковъ его.** Уже при первом взгляде на это известие обращает на себя внимание эпитет «храбрый», перекликающийся с древним обозначением эпического героя «храбр». Как положительная аттестация персонажа, эпитет к тому же несколько противоречит политической тенденции эпизода. Новгородцы бунтуют, предвидя власть над ними Рюриковичей, — очевидный намек на подчинение Новгорода Москвой, которое в Ник., естественно, оценено сугубо положительно. В маргиналии летописного сборника XVIII в. со статьями из Ник. к числу сподвижников Вадима отнесен былинный богатырь Буислав (Буслай) (Гиляров, 1878: 131). Всё это приводит к выводу, что Вадима следует считать персонажем былинного эпоса.

К сказанию о Вадиме, помимо сообщения собственно о нём, следует относить и упоминание о бегстве новгородцев в Киев под 6375 г.: **Того же лѣта избѣжаша отъ Рюрика изъ Новагорода въ Кіевъ много новгородцкихъ мѹжей.** Связь этого известия с «восстанием» Вадима совершенно прозрачна и была ясна еще В.Н. Татищеву. Логика распределения материала, предоставленного былинным сказанием, по погодным статьям в основном ясна. «Восстание» датировано временем накануне смерти братьев Рюрика, через два года на третий после «призвания варягов». Аналогичным и почти тем же

традиционным фольклорным сроком отделено от «восстания» и бегство «мужей» — через три года, — надо думать, на основании самого источника. Можно отметить, что в последнем, скорее всего, говорилось и о «призвании». Сюда могут восходить некоторые оригинальные подробности статьи 6367 г. Ник., а именно перечень племен, к которым будто бы предполагали обратиться новгородцы: **пощемъ межъ себе, да кто бы въ насъ князь былъ и владѣлъ нами; пощемъ и ѹставимъ таковаго или от насъ, или отъ казаръ, или отъ полянъ, или от дѹнайчевъ, или от варягъ.** Вместе с тем все перечисленные этнонимы фигурировали в Ник. раньше, и их перечисление здесь может быть домыслом. В пользу принадлежности к новгородской традиции говорит, пожалуй, упоминание «дунайцев». Оно перекликается с известным с начала XV в. образом «Дуная» как прародины не только славян вообще, но и конкретно новгородцев.

Эпическое сказание о Вадиме, очень лаконично отраженное в Ник., представляет несомненный интерес. Но использовать его сведения как источник по описываемому времени следует с большой осторожностью. В качестве ключевого для исторических реконструкций момента здесь выступает противостояние Вадима Рюрику и гибель от его рук¹. Но это же ядро сказания с очевидностью содержит аллюзию на исторические события времен непосредственно перед его «записью» — противостояние Новгорода с Москвой в третьей четверти XV в. События сами по себе могли породить эпический «ответ», возводящий противоборство свободолюбивых новгородцев с династией ко временам ее основателя. О степени «конкретного» историзма былинного эпоса XVI в. можно судить по другим эпическим сюжетам в Ник., и она невелика. В пользу того, что применительно к сказанию о Вадиме может быть иначе, говорит лишь то, что оно как будто не потеряло связь с историческим преданием. Но связь эта может быть не обязательно первичной, и сам Рюрик, прежде чем исчезнуть из живой устной памяти, уже мог стать таким же обобщенно-эпическим персонажем, как Владимир. Позднее XVII в. устная традиция о Рюрике почти не отмечена², а следы традиции о Вадиме почти исчерпываются известием Ник. Сказание о Вадиме и Рюрике, отраженное в Ник., — или уже «умирающее», от которого не следует ждать исторической конкретики, или отклик на события XV в., в традиции не закрепившийся.

Имя Вадима не имеет общепризнанной этимологии. Обычно его считают славянским, хотя среди святых Православной Церкви есть св. Вадим (Βάδιμος) Персидский, мученик IV в. Степень известности и почитания его на Руси не исследована, причины присвоения этого имени славянскому персонажу языческих времен, если произошло именно это, необъяснимы³. Славянских этимологий предлагались две. Согласно одной, это либо усечение двусоставного имени «Вадим(ир)» от глагола *vaditi ‘спорить, приручать, приучать’, либо производное самого глагола. Согласно другой, менее распространенной, основой усечения могло послужить имя «Владимир» (см.: Фасмер,

¹ Б.А. Рыбаков видел в Вадиме вождя сопротивления славян пришлым варягам Рюрика (Рыбаков, 1982: 306–313). И.Я. Фроянов выдвигал гипотезу о Вадиме как племенном вожде словен, непосредственном предшественнике Рюрика в Новгороде-Городище (Фроянов, 2012: 914). Оба исследователя исходили из общей недостоверности легенды о «призвании» в ее летописной форме, видя в Рюрике вождя норманнов-завоевателей. М.Б. Свердлов, напротив, рассматривает Вадима как чисто легендарного персонажа в одном ряду с Гостомыслом (Свердлов, 2003: 122–125). Е.А. Шинаков полагает, что в сведениях Ник. могли отразиться «насилие против дезинтеграции», «попытки ликвидации или ослабления позиций местной знати» (Шинаков, 2020: 269, 280).

² За единственным исключением онежского предания о «Юрике-новоселе» (см.: Криничная, 1991: 201).

³ Теоретически можно представить сложную литературно-устную судьбу сюжета, наподобие той, что превратила св. Михаила Воина из Потука в богатыря Михаила Потыка, былина о котором никак с житием святого не связана. Однако Михаил Воин — святой славянский и хорошо известный на Руси по славянскому житию. Житие св. Вадима Персидского в славянской версии ранее XVIII в., кажется, неизвестно, или не введено в научный оборот. Неизвестны и примеры присвоения имени «Вадим» ни в Древней Руси, ни в XIV — начале XVI в.

1, 1986: 265; ЕСУМ, 1, 1982: 318; Чучка, 2011: 92–93). Учитывая, что в России XVI в. имя «Вадим» было как минимум редким, вероятно, его можно считать древним и отнести к первоначальной основе сказания. Но больше этого сказать невозможно.

Вторая группа (явные домыслы и вымыслы) очевидна. Легче всего вычлениаются носящие чисто «литературный» характер дополнительные мотивировки событий. Помимо вышеупомянутого перечня народов, летописец додумал к рассказу о призвании варягов еще одну подробность. Те якобы боялись «звериного обычая и нрава» призывающих племен, почему и «едва избрались» только три брата со своими родами (Ник., 6367). Следует отметить, что этот мотив задавал и подходящий контекст для сведений о Вадиме. Летописец как бы уравнивал вольнолюбивый пафос новгородского сказания, косвенно объяснив возмущение новгородцев против княжеской власти их дикостью. С дополнительными мотивировками дается и рассказ о захвате Олегом Киева (Ник., 6389). В Ник. Олег выдает себя за больного и заманивает Аскольда и Дира к себе в ладью, предложив им богатые дары. Всё это служит объяснению того, почему князья пришли к безвестным купцам. Для авторов НС и ПВЛ объяснения не требовалось, но в XVI в. подобная простота нравов казалась уже неуместной.

К домыслам относится и дата рождения Игоря — 6373 г. Это был результат истолкования ряда сообщений Н5Л. Там о рождении Игоря говорилось после восходящей к Своду 1418 г. и далее в основе к ПВЛ статьи 6370 г. Тут же вслед за Н1Лм отмечалось, что Игорь «возрос», но в статье 6387 г. о смерти Рюрика его «вельми детский» возраст оценивался согласно ПВЛ. В статье 6389 г. он в одном месте по Н1Лм действует вместе с Олегом и называется прежде него, но в сцене на берегу у Берестова Олег берет его на руки. Составитель Ник., перенеся убийство Аскольда и Дира к Олегу в ладью, последнюю деталь удалил, но прочие противоречия в основном остались. Ввиду этого, стремясь создать согласованное повествование, составитель выделил смерть Синеуса и Трувора в отдельную погодную статью и сюда же отнес рождение Игоря. При смерти отца Игорь в итоге оставался 15-летним, что в принципе еще можно было назвать «детским» возрастом. В статье 6389 г. ему уже 17 лет, и он может выступать как действующее лицо наряду с Олегом, — правда, причины вокняжения Олега, а не Игоря, в Киеве остаются не очень понятны. В конечном счете, виной всему было расхождение между НС и ПВЛ, чьи версии в Н5Л механически соединены.

Скорее домыслом на основе текста ПВЛ по Н5Л выглядит и сообщение о том, что Аскольд и Дир после бедствия под Царьградом возвратились в Киев **въ малѣ дружнѣ, и бысть в Кіевѣ плачь велій**. Известие помещено под 6375 г., следом за восходящей к источнику статьей 6374 г. о самом походе. Оно производит впечатление чисто «литературного» развития и завершения сюжета с использованием традиционных для летописания формулировок. Непосредственно следующая далее фраза — **Того же лѣта бысть в Кіевѣ гладъ велій** — перекликается с предыдущей. Ее тоже можно истолковать как домысел, «усугубляющий» постигшую киевлян катастрофу, хотя, строго говоря, «литературной» необходимости в этом добавлении уже не видится.

В итоге за пределами рассмотренных групп остаются три известия под 6372, 6373 и 6375 гг. Все они представляют собой краткие заметки о событиях, связанных с Аскольдом и в двух случаях Диром. Эти лаконичные известия не могут восходить к устной традиции XVI в., да и более раннего времени едва ли. По характеру изложения они практически однотипны группе уникальных известий Ник. времен Ярополка и Владимира Святого. Если они не вымышлены составителем Ник., то логично было бы возводить их все к одному источнику. Вот известия, о которых идет речь.

Въ лѣто 6372 ѹбіенъ бысть отъ болгаръ Осколдовъ сынъ [далее следует известие о возмущении новгородцев и о Вадиме]

Въ лѣто 6373... [смерть Синеуса и Трувора, раздача Рюриком городов, рождение

Игоря] **Того же лѣта воеваша Аскольдъ и Диръ полочанъ и много зла сътвориша.**

Въ лѣто 6375... [возвращение Аскольда и Диры в Киев, плач и голод в городе]
Того же лѣта избиша множество печенѣгъ Оскольдъ и Диръ [далее о бегстве в Киев новгородцев]

Как в пользу вымышленности этих известий, так и в пользу их заимствования из неизвестного письменного источника можно выдвинуть целый ряд аргументов, никак не связанных с проблемой «достоверности». Вообще, следует отметить, что «достоверность», часто как аргумент используемая, в большинстве случаев *сама по себе* аргументом не является вообще. Она может быть продуктом и случайных совпадений, и правильных умозаключений или догадок средневекового автора. Исключение представляет лишь прямое и недвусмысленное упоминание подлинных фактов, известных по другим, неизвестным летописцу, источникам — но таких среди уникальных известий Ник. IX–X вв. нет.

Что касается известий об Аскольде и Дире, то первымстораживающим фактором можно счесть то, что все три появляются там, где составитель Ник. отвлеклся от своих основных источников и «насыщал» повествование. Известие о гибели сына Аскольда предшествует рассказу о бунте новгородцев и восстании Вадима. Известие о походе на полочан следует за додуманым, хотя на основе имеющегося источника, упоминанием о рождении Игоря. Известие о победе над печенегами находится в статье, целиком составленной самим летописцем на разного рода «новом» материале. Эта статья (6375 г.), кроме того, демонстрирует, что летописец *стремился* расширить повествование об Аскольде и Дире, как за счет новгородского сказания о Вадиме, так и за счет собственных домыслов.

В то же время какой-то явной тенденции, побудившей летописца вставить эти известия в текст, не просматривается. Лишь в известии о походе Аскольда на полочан можно усмотреть характерный для времен борьбы Москвы с Литвой политический интерес. Здесь законный князь, предок Московского дома, владеющий великорусским Новгородом, сажает наместника в Полоцк, после чего владеющие Киевом князья на полочан нападают и причиняют им «много зла». Но и такое истолкование не лежит на поверхности.

Известие об убийстве болгарами сына Аскольда может рассматриваться как политически мотивированный вымысел, только если соотнести болгар с волжскими, предшественниками и предками казанских татар. Действительно, в Ник. имеется ряд уникальных известий о древних войнах с «волжскими и камскими» болгарами, которые рассматриваются именно как предки «казанцев». Вымышленность этих известий становится более чем вероятной, если учесть, что первое из них — о войне с волжскими болгарами Кия. Летописец сначала отождествил «дунайцев», с которыми боролся легендарный князь, с дунайскими болгарами, а затем, как бы по аналогии, добавил: **Таже на воложскіа и камскіа болгары ходивъ и побѣди** (Ник.: 4).

Но уже в этом известии в качестве просто «болгар» выступают именно дунайские, а «волжские и камские» появляются здесь и далее только под этим поясняющим определением. Никаких оснований соотносить болгар из статьи 6372 г. с волжскими летописный текст не дает. Образованный читатель XVI в., встретив упоминание болгар без дополнительных указаний и зная географическое положение княжества Аскольда, скорее подумал бы как раз о дунайских. То, что имелись в виду именно они, однозначно подтверждается контекстом. Предшествующая летописная статья 6371 г. целиком посвящена крещению дунайских болгар. Вот как выглядит с учетом окончания данной статьи известие о сыне Аскольда:

...И тако весь родъ болгарскій святое крещеніе воспріатъ. Въ лѣто 6372 үбіенъ бысть отъ болгаръ Осколовъ сынъ.

Ясно, что имеются в виду те же болгары, что и в предшествующей статье. Неясно лишь, какая политическая тенденция могла побудить летописца XVI в. приписать им убийство сына киевского князя. Что же касается известия о войне с печенегами, то вся группа «печенежских» известий Ник. в рамках концепции «политического» происхождения не имеет мотивов.

Однако проблема в том, что мотивы автора XVI в. могли быть не только политические, легко определяемые нами, но и чисто «литературные». И с этой точки зрения при внимательном взгляде на все три известия IX в. они уже выглядят подозрительно. Если признать, что летописец стремился насытить немногочисленные сведения о ранней русской истории за счет логики и фантазии, то его умозаключения не так сложно восстановить.

«Достоверное» на первый взгляд известие о гибели сына Аскольда объяснимо именно тем контекстом, в котором находим его. Аскольд и Дир в летописи выступают на этом отрезке как давние враги Византии, постоянно воюющие с ней. После того как болгары были побеждены императором Михаилом и принуждены креститься, они должны были стать врагами киевских князей. Начало статьи 6372 г. демонстрирует это, заодно лишний раз показывая губительность вражды Аскольда и Дира с христианским царством.

Следует отметить, что Аскольд и Дир, враждующие и с Византией, и с основателем русской династии, принимающие у себя новгородских смутьянов, для составителя Ник. — персонажи в основном «отрицательные». Все их беды выглядят вполне заслуженными. Единственное, что вносит реальный диссонанс в эту картину, — почерпнутая из Хронографа информация о крещении отождествленного с Аскольдом русского князя. Но это имело место уже в царствование Василия I, то есть позже времени действия всех уникальных известий, являясь итогом и логичным следствием описанных ранее невзгод.

В этой связи логично смотрится и известие о походе Аскольда и Дира на Полоцк после того, как Рюрик посадил в Полоцк наместника. С одной стороны, воюющие против Рюрика киевские князья действительно могли ассоциироваться у автора и читателей с воюющими против Москвы литовскими. С другой стороны, военные действия Аскольда и Дира против Рюрика являлись гораздо лучшим оправданием для позднейших действий Олега, чем любое традиционное. Тема самозванчества Аскольда и Дира в Ник. совершенно исчезает, Олег и не обвиняет их в нём. Но известие о походе на Полоцк как бы заменяет собой присутствующий во всех летописных источниках Ник. и сочтенный составителем недостоверным рассказ о неверных боярах Рюрика. Не исключено, что, по мнению летописца, более логичным и достойным было именно предложенное им объяснение вражды. Нечего и говорить, что никакой правоты за Аскольдом и Диром Ник. не видит — они без повода нападают на соседей, причиняют «много зла», а после еще принимают у себя бунтовщиков-перебежчиков. Поведение Олега, пусть коварное, вследствие всего этого выглядит намного более оправданным, чем в ПВЛ или даже усиливающим тему самозванчества и неверности Уст.

Даже труднее поддающееся подобному «литературному» истолкованию известие о войне с печенегами вместе с тем несет определенную «сюжетную» нагрузку. Статья 6375 г. как бы делится на две части. Сначала описываются катастрофические последствия похода на Царьград, но затем — восстановление сил Киева. Последнее в глазах летописца подтверждалось бегством туда новгородских мужей и позднейшей новой войной с Византией, приведшей к крещению. Победа Аскольда и Дира над печенегами сразу после гибели большей части войска и голода в Киеве подтверждает, что они всё еще сильны, и «объясняет» описанное сразу после этого бегство новгородцев. В ином случае последнее выглядело бы менее логично.

Но известие о печенегах отличается от двух других тем, что оно имеет более широкий контекст в пределах Ник. — уже упоминавшуюся группу «печенежских» известий X — начала XI в. Они же, в свою очередь, оказываются связаны, с одной стороны, с «былинными» сведениями об эпохе Владимира Святого, с другой — с группой «посольских» известий о дипломатической активности Руси. В Хронографический список Н5Л под 6487 г. «печенежское» известие о князе Илдее было вставлено писцом Ник. вместе с двумя «посольскими» известиями. Поскольку это так, постольку логично заключить, что все они взяты из одного источника. Что такой источник существовал и не являлся, допустим, каким-либо черновиком Ник., подтверждает присутствие одного из этих «посольских» известий в Воскр., от Ник. независимой. Так что основания предполагать, как минимум, за «печенежскими» (в т.ч. 6375 г.) и «посольскими» уникальными известиями Ник. несохранившийся письменный источник имеются.

Не исключено, правда, что это был тот же письменный источник, из которого составитель Ник. черпал сюжеты «былинного» характера, для эпохи Владимира едва ли отделимые от «печенежских». Тогда искомым памятник предстает как свод кратких летописных записей частично фольклорного происхождения, составленный, возможно, как альтернатива картине истории ПВЛ. Хронологически он вряд ли, как отмечалось в связи с предполагаемой сводкой эпических сюжетов, далеко отстоял от самой Ник. Наличие у этого корпуса записей собственных письменных источников и степень вольности его гипотетического составителя останутся совершенно загадочны.

Если же идти в поисках источника не от предполагаемого позднего сочинения, а от намного более гипотетических «анналов» или отдельных записей IX в., то здесь возникают, ожидаемо, еще большие трудности интерпретации. Проблема даже не в том, что в 860-х гг. еще не существовало кириллического письма, а только появившаяся глаголица не была известна восточным славянам. Если в предполагаемом памятнике использовалось византийское летоисчисление, то он мог быть написан греком и на греческом языке.

Можно допустить, как сравнительно убедительный вариант¹, создание краткой хроники о событиях последних лет в связи с основанием первой Русской епископии времен Фотия. Хронологически известия 864, 865 и 867 гг. как раз укладываются в соответствующий отрезок времени. Однако это не отвечает на вопрос, каким образом и через какое посредство записи такого рода могли дойти до составителей Ник., не отразившись при этом более нигде². Если принять по умолчанию их воспроизведение в какой-либо позднейшей компиляции, то встает вопрос о качестве их перевода и интерпретации. Наличие и характер такой компиляции, как уже сказано, тоже остаются под вопросом. Версия же о как-то дожившем без малейших следов в иных источниках до XVI в. «первоначальном тексте» ПВЛ с самого начала являлась голословной. Как бы то ни было, из всей суммы уникальных известий Ник. о древней истории в независимом от нее источнике мы находим только одно, чему должно быть какое-то объяснение. На сегодняшний день, однако, такого объяснения нет, а значит, нет и достаточных оснований использовать Ник. как самостоятельный источник по истории IX–X вв.

Проблему достоверности рассматриваемой группы известий имеет смысл решать только после решения проблемы их происхождения и в связи с ней. Проблема же

¹ Как в моей статье более чем 20-летней давности, посвященной этому вопросу (Алексеев, 2000).

² В.Н. Татищев дает под 867 г., после взятого из Ник. известия о войне с печенегами, стилистически очень похожую краткую запись о походе Аскольда на кривичей и победе над ними (Татищев, 4, 1995: 113). Ее сопоставлял с известиями Ник. Б.А. Рыбаков (Рыбаков, 1982: 309). Однако Татищев не указывает источник этого сообщения. Вероятнее всего, это не более чем интерпретация опущенного историографом ранее известия Ник. о войне с полочанами. Причиной этого могло стать то, что Татищев принял версию ПВЛ об Аскольде как боярине Рюрика, в 864 г. только пришедшем в Киев. Известие о гибели сына Аскольда у Татищева также сдвинуто, правда всего на год, — как раз на 864 г.

происхождения на нашем наличном уровне знаний, как видно, неразрешима. В силу этого вопрос обречен оставаться открытым, — что, конечно является далеким от идеала научным выводом, но, во всяком случае, честным.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Алексеев С.В. Проблема древнейших русских анналов // Клио знает всё. А историки? М.: ИПО, 2000. С. 240 — 250.
- Гиляров Ф.[А.] Предания русской начальной летописи (по 969 год): Приложения. СПб.: Современные известия, 1878.
- Криничная Н.А. Предания Русского Севера. СПб.: Наука, 1991.
- Клосс Б.М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII вв. М.: Наука, 1980.
- Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII вв. М.: Языки русской культуры, 2001.
- [Ник.] ПСРЛ. Т. IX. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М.: Языки русской культуры, 2000.
- Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М.: Наука, 1982.
- Свердлов М.Б. Домонгольская Русь: Князь и княжеская власть на Руси VI — первой трети XIII в. М.: Академический проект, 2003.
- Татищев В.Н. История Российская. Т. II; Т. IV. М.: Ладомир, 1995.
- Фроянов И.Я. Древняя Русь IX–XIII вв.: Народные движения. Княжеская и вечевая власть. М.: Русский издательский центр, 2012.
- Шинаков Е.А. У истоков русской государственности. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2020.

РОЖДЕНИЕ ХОВАНЩИНЫ

В «Историческом обозрении» за 2020 г. мы рассмотрели формирование легенды о царевне Софьи и боярине И.М. Милославском как организаторах Московского восстания 1682 г. Столь же легендарный «заговор князей Хованских» был упомянут как явный пример пропаганды правительства Софьи (Богданов, 2020а). На самом деле это очевидно не всем. С одной стороны, всем понятно, что Извет о заговоре Хованских лжив и создан для их уничтожения. С другой стороны, многие историки отказываются верить, что Извет и связанные с ним обвинения против казненных князей, изложенные в правительственных документах и сочинениях современников, не имеют оснований: «не бывает дыма без огня». — Действительно, не бывает. Но возник ли «дым» от «огня» коварных замыслов Хованских или их замыслы выдуманы правительством царевны Софьи, деяния и планы которого являются единственным «огнем»? Вопрос о рождении и развитии версии о заговоре боярина князя Ивана Андреевича Хованского и его сыновей, Андрея и Ивана, как движущей силе возмущения надворной пехоты, требует исследования. Изучению формирования этой версии правительства Софьи, ее достоверности и значения в победе над Московским восстанием посвящена эта статья. Особое внимание уделено происхождению официальных источников о «заговоре Хованских», их текстологии и личностям людей, ответственных за их создание и распространение, начиная с Извета на князей Ивана и Андрея Хованских 2 сентября и кончая статьями о прощении стрельцов и солдат 3 октября 1682 г.

*В Измайловском селе донос прибит,
Хованские на царство покусились.*
— М.П. Мусоргский. Опера «Хованщина».

Все знают, что анонимный «доносец» на Хованских, по которому князья были казнены 17 сентября 1682 г., «мигом настрочил» неведомый подьячий под диктовку виднейшего сторонника царевны Софьи, думного дьяка Федора Леонтьевича Шакловитого. Знаем мы об этом больше из незабываемой первой сцены оперы «Хованщина», чем из научной и художественной литературы. Но откуда об этом узнал М.П. Мусоргский, сочинивший, не без помощи ученых друзей, не только вечную музыку, но и либретто оперы?

Сам Извет на князей Хованских был в XIX в. не только хорошо известен ученым, но и авторитетно опубликован (ААЭ, 1836: 368–369; Восстание, 1976: 110–111). В нём, как и требует Шакловитый от подьячего в опере, нет ничего, что выдавало бы участие думного дьяка. Разумеется, Федор Леонтьевич был заинтересован в том, чтобы убрать князей Хованских с политической авансцены. Как были заинтересованы в этом царевна Софья и вдовья царица Наталия Кирилловна Нарышкина, оберегавшие в селе Коломенском (а не Измайловском, как в опере) здоровье юных царей Ивана и Петра, трое князей Одоевских и В.В. Голицын, возглавлявшие правительство, вся Боярская дума и приказный аппарат, патриарх Иоаким с освященным собором архиереев и архимандритов, московское и даже уездное дворянство, да, пожалуй, и верхушка московского посада, и часть московских стрельцов и выборных солдат, не одобрявших «бунтовство» своих товарищей. В итоге оказалось, что Извет на Хованских и их казнь пошли на пользу большинству «надворной пехоты» и москвичей, позволив к концу осени 1682 г. мирным путем завершить восстание, потрясавшее столицу с апреля.

Так почему же в составлении Извета на Хованских М.П. Мусоргский, как и многие историки, подозревал Ф.Л. Шакловитого, а не означенных в тексте анонимных стрельцов и горожан или, например, боярина князя В.Ф. Одоевского, который первым открыто бросил вызов И.А. Хованскому, покусившемуся на интересы его дворцового ведомства? Вопрос этот, как увидим, имеет решение, но поиск решения открывает обстоятельства, знание которых много ценнее самого вопроса и ответа на него.

Боярин князь Иван Андреевич Хованский возглавлял Стрелецкий приказ — великое ведомство, управлявшее 20-ю тысячами стрельцов в 21 полку. По итогам военной реформы царя Федора Алексеевича они составляли всего 12 % русской армии, которую сделал на 4/5 состава регулярной прошлой глава этого и других военных приказов, знаменитый победитель поляков и С.Т. Разина боярин князь Ю.А. Долгоруков (Богданов, 2018б: 200–226). Правда, «честь» приказа среди аристократии была немалой. Прежде Хованского Стрелецкий приказ возглавляли влиятельные политические фигуры: бояре князя И.Б. Черкасский и Ф.И. Шереметев, бояре Б.И. Морозов и И.Д. Милославский (Богоявленский, 2006: 162–165). И не случайно.

Московские стрельцы были, вместе с двумя двухтысячными полками выборных солдат, квартировавших к 1682 г. на окраине Москвы в Бутырках, ударной силой русской армии; они хорошо показали свое значение в тяжелой войне с Османской империей (1673–1681). А главное — именно и только они служили в качестве внутренних войск, полиции и пожарной охраны в столице России. Вся охрана порядка и безопасности в Москве лежала на стрельцах.

Эта профессиональная корпорация, при полной поддержке выборных солдат и значительной части черного, податного населения Москвы, 15 мая 1682 г. восстала, убила своего главу Ю.А. Долгорукова и множество иных чиновников, объявила себя гарантом не только общественного, но и государственного порядка, добилась включения в свой состав выборных солдат, официального именованья себя в июньской царской Жалованной грамоте¹ надворной пехотой² (вровень с дворянами, служившими в конном строю) и возведения на Красной площади памятника своей победе над «боярской наглой изменой»; памятник исследован (Богданов, 2019а: 122–138).

Экономических и социальных причин недовольства стрельцов, солдат и других профессиональных корпораций служивших по прибору, вроде ямщиков, а также немалой части посада, было много. Они показаны в монографии В.И. Буганова, внимательно изучившего весь ход Московского восстания 1682 г., с первых всполохов в последние месяцы царствования Федора Алексеевича до последних всплесков в конце года (Буганов, 1969: 11–362). Но сами восставшие объявили главной причиной своего выступления острую необходимость защитить государство от «изменников бояр и думных людей», которые убили доброго царя Федора и узурпировали власть: «завладели государством», посадив на престол малолетнего царя Петра вместо совершеннолетнего наследника, Ивана, чтобы бесконтрольно править страной, грабить и притеснять весь народ (Богданов, 1984а: 131–146). Восстановив права Ивана, восставшие не вернули всю власть подозрительным для них «верхам», но поместили своих выборных предста-

---

¹ См. Жалованную грамоту царей Ивана и Петра московским стрельцам, солдатам, гостям, посадским людям и ямщикам, напечатанную в московской Верхней типографии в июне 1682 г. и разосланную по стране; она издана по «Созерцанию краткому» Сильвестра Медведева (Восстание, 1976: 40–46). Надворной пехотой московские стрельцы и солдаты действительно именуется в государственных документах лета и начала осени 1682 г.

² Объединенные московские стрельцы и выборные солдаты, управление которыми было передано в Стрелецкий приказ. Согласно памяти из Стрелецкого приказа в Разрядный от 30 июня, московские стрельцы (без упоминания солдат) официально получили это имя царским указом от 23 июня 1682 г. (Восстание, 1976: 50–51).

вителей в Боярской думе и центральных ведомствах–приказах, в намерении осуществлять постоянный контроль за ними.

Эта версия восставших, детально изложенная в «Созерцании кратком» Сильвестра Медведева (Россия, 1990: 80–85), Летописце 1619–1691 гг. (ПСРЛ, 31, 1968: 187–190) и других источниках, живо напоминала россиянам Смутное время, когда Семибоярщина, узурпировав власть в Москве после свержения царя Василия Шуйского, призвала на царство королевича Владислава и оградила себя от народа оружием поляков. Тогда «боярская наглая измена» подняла в стране Первое, а затем и Второе ополчение. Она привела к тому, что 17 апреля 1612 г. Совет всей земли в Ярославле провозгласил создание, на месте преданного боярами Московского государства, новой державы — Великой России, как объединения всех ее 75 уездов, всех вер и народностей, представлять которые должны уездные выборные. Земский собор выборных, избрав на царство Михаила Романова, контролировал страну с 1613 г. непрерывно 9 лет, три трехлетних созыва. Победу над изменниками-боярами в Москве 1612 г. мы сегодня празднуем 4 ноября, в День народного единства (Богданов, 2013). Памятник героям этой победы, Минину и Пожарскому, стоит вблизи места, где надворная пехота возвела, с санкции царей Ивана и Петра, памятник победе над боярской изменой 1682 г. Если бы не действия правительства царевны Софьи, важной частью которых был Извет и обвинение Хованских, День народного единства мог бы праздноваться 15 мая, в честь второго, после Минина и Пожарского, взятия Кремля патриотическими силами.

Летом 1682 г. господствующее сословие трепетало. Не все бояре и дворяне разбежались по своим поместьям, бросив государей и двор. Но и те, кто остался на посту, во главе с князьями Одоевскими и Голицыным, ощущали давление на свою власть. Государство признало победу восставших, Церковь им не противилась. После того, как 3–5 июля 1682 г. их представители не стали защищать архиереев от староверов, патриарх Иоаким со товарищи уяснили, что без стрелецкой охраны их власть и жизни висят на волоске. Они сами к этому шли, требуя у царя Федора «стрелецкий караул» вместо предлагаемых царем мер просвещения и убеждения подданных (Богданов, 2018б: 464–466). «В верхах» не было героев, готовых умирать на защите никониан от староверов, с которыми даже царица Наталия Кирилловна заигрывала (Буганов. 1969: 221). Только просвещенная ученица Симеона Полоцкого царевна Софья Алексеевна вновь, как в разгар резни к Кремлю 15–17 мая, открыто выступила за никониан от имени царской семьи, убедила и подкупила группу стрельцов, чтобы арестовать и казнить лидеров староверов.

Российское общество было потрясено, прежде всего, организованностью восставших. Не все знали, как они тщательно планировали в своих «кругах» важные действия, как четко избежали от начальников и их «ушников» и выбрали на полковых советах новое руководство, представителей во власть и агентов для распространения своих взглядов в народе. Это глубоко описали лишь несколько современников, среди них — первый ученый исследователь восстания Сильвестр Медведев, во второй половине 1680-х гг. включивший в свое «Созерцание краткое» 26 уникальных документов, предоставленных ему Шакловитым, фактическим министром внутренних дел царевны Софьи (Богданов, 1987). Но многие видели или слышали, как стрельцы и солдаты в полном вооружении, с пушками и развернутыми знаменами под полковую музыку вошли 15 мая 1682 г. в Кремль, который охраняли сами стрельцы. Многие, в том числе вне Москвы, узнали от стрелецких и солдатских агитаторов их версию причин и событий восстания. А в начале июня вся Россия удостоверилась из царской Жалованной грамоты, изданной в Верхней типографии Сильвестра Медведева и объявленной по городам и весям, что надворная пехота спасла государство от измены, приняла все меры к

защите порядка, пресекла пьянство и грабежи, словом — в полной мере является опорой Российского государства (Богданов, 1984а: 131–146).

Видный полководец времен Алексея Михайловича, более чем 60-летний князь И.А. Хованский возглавил Стрелецкий приказ 17 мая 1682 г., когда по Кремлю еще ручьями текла кровь порубленных «в мелочь» бояр и дворян (Богоявленский, 2006: 165). К нему же в Стрелецкий приказ поступили оба «московских выборных солдатских полка» (Восстание, 1976: 35). Что бы не говорили о его способностях впоследствии, князь при помощи двух сыновей, Андрея и Ивана, справился с поддержанием порядка в столице, отговаривая «надворную пехоту» от новых выступлений и представляя требования восставших к правительству в законной форме прошений через судью приказа, а не в виде требований с угрозами.

Отчасти благодаря доверию к Хованскому стрельцы и солдаты позволили царевне Софье 20 августа 1682 г. вывезти из Москвы в Коломенское обоих царей¹. Уже 23 числа выборные из всех полков «надворной пехоты» попытались царей вернуть (Восстание, 1976: 79). Но у них ничего не вышло. Ближняя охрана царской семьи в походе состояла из дворян (стольников и жильцов), внешняя, явившаяся по требованию двора чуть позже — из стрельцов элитного Стремянного полка, новых командиров которого (старые были побиты в конце апреля и мае) царевна Софья усиленно прикармливала еще со времен бунта староверов в июле.

Отъездом двора из Москвы задача лишить восставших возможности говорить со страной от имени царей Ивана и Петра была решена. Но прежде, чем 2 сентября 1682 г. броситься «странным путем» в бега (Восстание, 1976: 264), собирая к себе из Москвы и поместий Государев двор и служилых иноземцев (там же: 139–143, 138–139, 154–155, 82–84), рассылая общую окружную (там же: 113–117) и частные грамоты о сборе дворянского ополчения и формируя вокруг столицы целую армию (там же: 266, 161–163, 188–189), следовало отнять у восставших даже видимость легитимности и расколоть их ряды. Этой цели и послужил Извет на князей Хованских, поутру 2 сентября обнаруженный командиром Стремянного полка, стольником и надворной пехоты полковником Акинфеем Даниловым² на воротах царского двора в селе Коломенском.

Так сообщает об обнаружении Извета подробная преамбула к его тексту³ в «Созерцании кратком» Сильвестра Медведева по списку Оболенского конца XVII в. (РГА-ДА. Ф. 179. Комиссия печатания государственных грамот и договоров при МГАМИД. № 205). Это единственная рукопись, которую археографы полагали аутентичной для издания как Извета, так и еще 25-ти важнейших документов о событиях 1682 г. в Москве (Богданов, 1987: 122–123). Впрочем, вся составленная Медведевым «книга летописная» из Нового летописца особой редакции и «Созерцания краткого», о которой

---

¹ Буганов, 1969: 262 (со ссылкой на «неопубликованные разрядные записи»). Дата 20 августа значит в записях Разрядного приказа за 20 августа — 3 октября 1682 г. (Восстание, 1976: 79). Но в разрядных записях за 27 апреля — 25 октября с росписью личного состава бывших при царях чинов Государева двора указано начало похода 30 августа (там же: 262). Буганов счел верным 20-е число, основываясь на знании всех разрядных записей о созыве в Коломенское придворных, их приездах, назначениях и пожалованиях, а также действий восставших. Видимо, 30-м была датирована лишь роспись чинов в царском походе.

² Акинфий Иванович Данилов получил полк 25 мая 1682 г. от П.А. Лутохина, которому стрельцы выразили недоверие, хотя тот только 1 мая стал полковником вместо арестованного по требованию стрельцов Н. Колобова. 10 июля 500 стрельцов полков Данилова и Н.Д. Глебова взыскали с бывшего стрелецкого головы И.А. Мешеринова за его прежние налоги и взятки 1245 р. Но с сентября по ноябрь полк Данилова исправно охранял царей, а в декабре вместе с полком И.Е. Цыклера разоружил забунтовавший вдруг полк П. Бохина (Буганов, 1969: 117, 185, 315).

³ Преамбула к Извету в «Созерцании» отсутствует в других источниках: «И сентевриа месяца в 2 день на него, князь Ивана, в его измене в Коломенском селе на их, великих государей, дворе у передних ворот на воротном щите прилеплено объявилось письмо. Его же взяв, надворные пехоты стольник и полковник Акинфей Данилов им, великим государем, объявил. Писано же сице» (Россия, 1990: 127).

он говорил на допросах в 1689 г. (Розыскные дела, IV, 1893: 617, 630, 637, 677), пригласилась публикаторам.

Тщательно переписанная группой писцов на одном запасе качественной бумаги рукопись Оболенского (Жарков, 1974) содержала прекрасно отредактированные тексты. Это не удивительно. Сильвестр Медведев был не только выдающимся ученым историком (Богданов, 2020б: 263–364), критическим богословом (Богданов, 2018а: 344–380) и библиографом (Ундольский, 1846), но еще и высокопрофессиональным справщиком (ответственным редактором) государева Печатного двора; он несколько лет руководил, готовя все тексты к печати, личным издательством царя Федора Алексеевича — Верхней типографией (Богданов, 1988а).

Отличную Медведевскую редакцию «Нового летописца» князь М.А. Оболенский считал лучшей и первоначальной, а потому, по собственному признанию, просто оторвал ее от «Созерцания», разделив «книгу летописную» на два кодекса (Оболенский, 1853: III). Первый он издал сам, а второй, с «Созерцанием кратким», как кладезь уникальных документов попал в Комиссию печатания государственных грамот и договоров при Московском Главном архиве Министерства иностранных дел. С того времени, с середины XIX до конца XX в., издатели воспринимали «Созерцание» по списку Оболенского как богатое собрание точно переданных документов, хотя в действительности это ученая монография, одна из первых в России, имеющая к тому же несколько списков и редакций (Богданов, 1983).

«Книгу летописную» Медведев, по его признанию на следствии 1689 г., составлял в сотрудничестве с думным дьяком Шакловитым, который в 1688 г. стал думным дворянином, а в 1689 г. окольничим и наместником вяземским — прекрасная карьера для незнатного дворянина, начинавшего карьеру в 1660-х (Демидова, 1987: 60) с должности подьячего приказа Тайных дел (Галанов, 1995: 155–159), в которой начинал и Медведев. Прекрасная, но не удивительная. Вышедшие из таких же мелких дворян фавориты царя Алексея Михайловича, А.Л. Ордин-Нашокин и А.С. Матвеев, стали боярами и канцлерами.

Допустим, это были высокого полета политики, иным не в пример. Но в том же Разрядном приказе, где служил Шакловитый, безвестный в политике кашинский сын боярский (низший дворянский чин) Иван Афанасьевич Гавренев враз, без службы в дьяках, стал думным дьяком (1630), а затем думным дворянином (1650) и окольничим (1654); женился он на княжне Волконской, а дочь выдал за присоединителя Малороссии боярина В.Б. Шереметева. Он получал денежный оклад в пять (!) боярских, и ушел с руководства приказа лишь по личному прошению (1661), перед смертью в 1662 г. (Богоявленский, 2006: 146–147, 229; Вселовский, 1975: 113). Вообще для хорошего администратора или военного из незнатных дворян (примеры — А.А. Шепелев, В.А. Змеев, М.О. Кровков), получить думный и даже окольнический чин до Петра было едва ли труднее, чем стать действительным тайным советником, генералом или адмиралом при Петре.

Важно сказать, что возвышение Шакловитого на административной службе было вполне заслуженным¹. Он хорошо показал себя в Разрядном приказе — центральном военном ведомстве России, обеспечивавшем кадровый состав, деятельность и документооборот Государева двора. С 8 марта 1676 г. (Богоявленский, 2006: 148) до 8 мая 1682 г. (Восстание, 1976: 16) Шакловитый отмечен там как дьяк. Чин думного дьяка, разом

---

¹ Равно как и продвижение на ученом поприще такого же провинциального дворянина Медведева, от подьячего до преемника придворного поэта и литератора Симеона Полоцкого, настоятеля Заиконоспасского монастыря, руководителя царской Верхней типографии и Славяно-латинского училища.

ставящий его над четырьмя ступенями московского дворянского списка¹, он получил в обстоятельствах экстренных и крайне опасных.

В августе 1682 г. Федор Леонтьевич отправился в поход с царевной Софьей и царской семьей. Причем прибыл для обеспечения Двора в Коломенское не 20 августа, как все; он был там уже 2 августа, сражаясь за отсутствующие подводы и ловя на службу разбежавшихся из столицы и попрятавшихся дворян (Восстание, 1976: 73)². Ситуация в государстве была настолько угрожающей, что «не видать» было назначенных в поход стольников, стряпчих и начальных людей; да и многих важных документов в Разряде было «не сыскано»³. Причем все приходилось делать тайно: вывоз царей из Москвы тщательно готовился, но надворной пехоте и Хованским был неведом до момента, когда он свершился.

Почему в столь важный поход взяли не старого опытного думного разрядного дьяка В.Г. Семенова, а сравнительно молодого дьяка Шакловитого, ясно из кипы дел Приказного стола Разряда за конец лета и осень 1682 г. (РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Оп. 6–6а, 13: книги и столбцы Приказного стола). Работоспособность Федора Леонтьевича была феноменальной, а его умение справляться с делами при острой нехватке людей и документов — поразительно. Там, где другие, в том числе оставшийся в столице разрядный дьяк П.П. Оловянный, в растерянности разводили руками, Шакловитый без жалоб и причитаний находил решения. Он четко решал все организационные вопросы, выполняя приказы царевны Софьи и князя В.В. Голицына.

Через 2 дня после прибытия Государева двора в Коломенское, 22 августа 1682 г. Шакловитый был впервые упомянут в документах как думный дьяк (Богоявленский, 2006: 148)⁴. Напрашиваться на это пожалование ему не было нужды. Разрядный приказ, в отличие от других центральных ведомств, управлялся думными дьяками. Это кажется странным для первого по «чести» приказа, правление которым поставило бы боярина-судью Разряда над всеми боярами. Но управлявшие страной 17 аристократических родов не желали такого возвышения одного из них, предпочитая нейтральный арбитраж своих местнических споров. А главное — приказ был личной канцелярией царей. Он официально стоял над иными приказами (кроме, может быть, Посольского⁵, которым с

---

¹ Думные дьяки писались в боярских книгах, списках и иных разрядных документах выше стольников, дьяки — под стольниками, стряпчими, дворянами московскими и жильцами. При этом чин стольника обычно был высшим для дворянина не аристократического происхождения. На военной службе после реформы царя Федора Алексеевича стольник примерно соответствовал полковнику, думный дворянин — полному генералу. Думный дьяк был где-то на уровне генерал-майора.

² Возможно, в связи с началом бурной деятельности Шакловитого в селе Коломенском составитель Мазуринского летописца Исидор Сназин датировал выступление туда из Москвы царей 4 августа (ПСРЛ, 31, 1968: 177).

³ См. письма к Шакловитому оставшегося в Москве дьяка Разрядного приказа П.Ф. Оловянного с 3 августа до 6 сентября 1682 г. (Восстание, 1976: 73–79).

⁴ Веселовский подтвердил этот чин документом на 27 августа (Веселовский, 1975: 571). Припись Шакловитого на документе в качестве думного дьяка мы видим 4 сентября (Восстание, 1976: 113).

⁵ Посольский приказ тоже большую часть времени управлялся думными дьяками, как царская канцелярия. Однако в конце царствования Алексей Михайлович доверил его талантливым фаворитам из лиц, лично возвышенных им из мелких дворян в бояре: сначала А.Л. Орлину-Нащокину, затем А.С. Матвееву. Они стали и хранителями царских печатей, канцлерами. Федор Алексеевич вернул приказ думным дьякам, за исключением краткого (с 21 декабря 1680 до 6 мая 1681) канцлерства боярина В.С. Вольнского, знаменитого лишь тем, что его жена имела самую модную при дворе портняжную мастерскую и сумела «поправить» этим чином неважный послужной список мужа. Лишь после смерти царя Федора и страшной резни в Кремле 15 мая 1683 г., когда думный посольский дьяк Л.И. Иванов был убит восставшими, приказ возглавил боярин князь В.В. Голицын, а в думные дьяки был пожалован его верный товарищ Е.И. Украинцев (Белокуров, 1906). При всей «чести» этого назначения Голицына надо отметить, что внешне-политическая ситуация была критической. Продолжение восстания в Москве настолько явно грозило войной с Речью Посполитой и Крымом, что даже в критический момент, став в сентябре дворовым вое-

17 мая 1682 г. управляли боярин князь В.В. Голицын и думный дьяк Е.И. Украинцев¹). Царь Федор Алексеевич закрепил это положение, повелев писать из Разряда в другие приказы и центры военных округов – воеводские приказные избы – указы (распоряжения), а не памяти. Разрядные указы должны были идти за приписью *думного* дьяка, которым и назначили в походе Шакловитого. Впрочем, многие рассылавшиеся им по стране указы шли царским именем, иначе восставшие в Москве могли перебить их, заставив думного дьяка В.Г. Семенова скреплять их тексты.

Новоиспеченный думный дьяк Шакловитый внес неоценимый вклад в серию операций правительства Софьи и Голицына, которые к ноябрю 1682 г. привели к полному утишению восстания и возвращению двух царей в Москву. Первой его задачей была подготовка и осуществление выезда царей в село Коломенское и сбор там чинов Государева двора и служилых иноземцев, эвакуация их из Москвы, но отчасти и розыск по деревням. К 2 сентября эта задача была решена настолько, насколько удалось сделать без шума и официального объявления. Теперь нужно было заставить всё это собрание, не разбегаясь, ускользнуть из пределов досягаемости восставших в селе Коломенском и, не выдавая своей цели, запутать следы царей, направляющихся на самом деле за крепкие стены Троице-Сергиева монастыря.

Когда всё было готово к бегству, операция вступила во вторую стадию: на воротах царского двора в Коломенском появился Извет на Хованских. Конечно, 2 сентября 1682 г. по селу не разнесся клич «Хованские на царство покусились»! Для широкого оглашения Извета еще не пришло время. Но оба царя, осторожная царица Наталия Кирилловна, пугливая юная вдова Федора Алексеевича царица Марфа Матвеевна и виднейшие бояре были впечатлены. В тот же день весь царский двор двинулся из Коломенского в село Воробьево, достигнув его засветло. Движение было подготовлено, а значит и Извет появился на воротах строго по плану.

Подготовка выдвигания в Коломенское заняла у Шакловитого 18 дней, со 2 до 20 августа, а похода из Коломенского — 12 дней. Тонким местом всегда были подводы под шатры и иное имущество. Только царская семья жила во время регулярных летних походов в палатах дворцовых сел, немногие знатные люди расселялись по избам, а большинство стояло в палаточном лагере. В шатрах, даже при наличии дворцов, жили, бывало, и сами цари (Топычканов, 2013). Этот лагерь надо было сворачивать, разворачивать и перевозить, требовались лошади, телеги и возницы.

Бежать из Коломенского *без подготовки* двор просто не мог. В ночь с 7 на 8 августа 1689 г. Петру в Преображенском сказали, что в Москве собираются на него стрельцы, о чем есть извет (на сей раз в заговоре на жизнь царя обвинили Шакловитого). Царь ускакал в лес в одной рубашке и без сапог, а стрельцы шли за ним пешими до самого Троице-Сергиева монастыря. Мать Петра царица Наталия Кирилловна Нарышкина и ее окружение знали, конечно, о необходимости сняться с места. — Их агенты и устроили «сполох» среди стрельцов, собирая их в Кремль с помощью раздачи «по рублю денег в бумажке»². Но чтобы выступить вслед за Петром и присоединиться к нему в Троице, его матери и жене потребовались чуть не сутки, а их двору еще больше.

водой, князь не мог взять из западных и южных военных округов ни одного полка. Лишь огромными усилиями и благодаря таланту канцлер и главнокомандующий смог к ноябрю решить внешне- и внутриполитические проблемы без заметных потерь.

¹ О назначениях приказных судей и думных дьяков 17 мая 1682 г., в т.ч. И.А. Хованского в Стрелецкий, а его сына Андрея в Судный, см. в Записной книге Разрядного приказа 27 апреля – 25 мая 1682 г.: Восстание, 1976: 18.

² За это провокаторы было вознаграждены, а их товарищи-стрельцы, сосланные в Азов и возмущившиеся такой несправедливостью, наказаны. См. документальные свидетельства: Второв, Александров-Дольник, 1850: 80–91.

О качестве подготовки к походу в 1682 г., а значит и к получению его спускового механизма, Извета на Хованских, свидетельствует легкость дальнейшего передвижения царей. 4 сентября двор, по разрядным записям, вышел из Воробьева и прибыл в село Павловское. 6 сентября перешли из Павловского в Звенигородский Савво-Сторожевский монастырь, где в этот и последующие дни цари молились. 10 сентября двор вернулся в село Павловское, 12 сентября пришел в Хлябово, а 13 сентября из Хлябово в Воздвиженское (Восстание, 1976: 80–81, 264).

Все это время об Извете на Хованских не объявляли, хотя кружная грамота о сборе ратных людей, разосланная из Савво-Сторожевского монастыря (т.е. с 6 до 10 сентября) обвиняла старшего князя в причастности к организации Московского восстания. Ее мы рассмотрим ниже, а здесь отметим, что Хованские в Москве уже в это время знали об обвинениях со стороны правительства. Пока двор метался «странным путем», И.А. Хованский готовил ответный удар, арестовав холопов В.В. Голицына на его московском дворе и допрашивая их с пристрастием. На главу правительства царевны Софьи явно хотели состряпать дело об измене. Однако 11 сентября 1682 г. Хованским был послан царский указ передать этих людей, «и их привод и роспросные речи» из приказа Надворной пехоты в Сибирский приказ, лояльным Голицыну судьям¹.

Оторвавшись от возможного преследования надворной пехотой, В.В. Голицын, который уже в своей июльской переписке с Е.И. Украинцевым постоянно ссылался на распоряжения царевны Софьи (Восстание, 1976: 60–69), 14 сентября перешел к третьей стадии операции. К царям в Воздвиженское были официально вызваны чины Государева двора, из Москвы и деревень, где многие из них затаились. Предлогом для срочной явки всей знати и московских дворян до жильцов включительно к рассвету 18 сентября была встреча малороссийского гетмана И.С. Самойловича. Грамоты о сборе были направлены как князю И.А. Хованскому и другим боярам, оставленным для управления в Москве, так и боярам, окольным и думным дворянам персонально, каждому в Москву или поместье, «где он ныне»².

Составить списки Разряду было легко: личным составом двора приказ занимался ежедневно. А вот выяснить местонахождение дворян, разбежавшихся и попрятавшихся во время восстания и господства в столице надворной пехоты — чрезвычайно трудно. Однако Шакловитый сделал это. Из составленных его ведомством списков мы узнаем, кого не было с царями, Софьей и Голицыным на первых стадиях операции: их, следовательно, нельзя подозревать в составлении ее плана и, в частности, Извета.

В походе, точнее, в бегстве «странным путем» с царями и их родней, с царевной Софьей, В.В. Голицынам и Ф.Л. Шакловитым, не было большинства видных бояр Думы. Отсутствовали бояре князя В.Ф. Куракин, Н.И. и Я.Н. Одоевские, Ю.И., Ф.Г., М.Г. и А.Г. Ромодановские, М.А. и М.Я. Черкасские, Ю.Н. и И.П. Борятинские, В.Д. Долгоруков, А.И. Голицын, П.С. и Ф.С. Урусовы, В.П. Прозоровский, К.О. Щербатов. В нетях были бояре П.В. Большой и Меньшой Шереметевы, П.М. и А.П. Салтыковы, И.Ф. и М.К. Стрешневы, И.Б. Хитрово, М.П. Головин, В.С. Волынский, А.С. Шеин, М.Л. Плещеев, Г.Н. Собакин и А.П. Салтыков. Не было множества окольных и думных дворян, в том числе двух виднейших строителей русской регулярной армии: окольного В.А. Змеева и думного генерала А.А. Шепелева.

Все люди, которым 14 сентября отправили вызывные грамоты, были знамениты своими заслугами; даже самый на вид никчемный из них, В.С. Волынский, несколько месяцев возглавлял Посольский приказ. Многие были прославленными военачальни-

---

¹ Челобитная В.В. Голицына и указ: Восстание, 1976: 119–120, 124–124. Сибирским приказом ведали боярин князь И.Б. Репнин и окольный И.И. Чаадаев (Богоявленский, 2006: 159).

² Вызывные грамоты 14 сентября: Восстание, 1976: 81–84. Список приехавших в поход по этим грамотам: Там же: 264–265.

ками, как Ромодановские, Черкасские, Шеин и Шереметев. Многие — выдающимися государственными деятелями, как Куракин и Одоевские, или администраторами, как Хитрово. Они не могли не понимать, что «двоевластие», как метко окрестил ситуацию в Москве летом 1682 г. В.И. Буганов, губительно для всей их родовой системы власти.

Надворная пехота, выборные представители которой уже втиснулись в государственную власть де факто, представляла интересы не вотчинников и помещиков, но служивых людей по прибору из горожан (стрельцы) и вольных государственных крестьян (выборные солдаты). По сути, это была социальная революция, движущая сила которой, при всех недостатках в идейном плане, была прекрасно организована. Впоследствии Петру I придется с немалым трудом сделать то, что Софья не сможет — полностью ликвидировать созданную в XVI–XVII вв. пехоту как служилое сословие, заменив ее армией из крестьян-рекрутов под началом дворян. А пока значительная часть властвующего сословия пребывала в шоке.

Конечно, часть вызванных в поход 14 сентября бояр и дворян продолжала летом честно нести государственную службу на московском царском дворе и в приказах. Например, Я.Н. Одоевский в Казанском приказе боролся с набегом калмыков и бунтом башкир при безвластии в Москве и невозможности послать в бой стрельцов; Н.И. Одоевский обеспечивал бюджет страны в приказах Большой казны и Большого прихода; М.П. Головин вел сыск злодеев в Земском приказе, а П.В. Большой Шереметев руководил мастерами и живописцами Оружейный, Золотой и Серебряной палат. Но долгу следовали далеко не все. Даже всегда ответственный боярин князь Ф.Ф. Куракин, который должен был возглавлять правительство, остающееся в Москве в отсутствие царей, скрывался в своей вотчине, откуда его вызывали без особой надежды на успех¹.

Изначально поддерживали Софью в походе и не получили вызывных грамот 14 сентября несколько человек, легко вычисляемых путем исключения вызванных. Кроме В.В. Голицына и Ф.Л. Шакловитого, это знатнейшие бояре: князья В.Ф. Одоевский, возглавлявший приказы Большого дворца, Дворцовый судный и Аптекарский, И.Б. Троекуров (Поместный), М.И. Лыков (он стал воеводой-товарищем В.В. Голицына), а также Б.В. Бутурлин (Владимирский судный приказ). Не мог двор в походе обойтись без опытного конюшего боярина И.Т. Кондырева, ведавшего царскими лошадьми, и руководителя Царицыной мастерской палаты (белье и одежда) окольников Ф.П. Соковнина: человека настолько важного при дворе, что разрядные записи за 30 августа 1682 г. поместили его в список бояр. С Софьей были окольникове: казначей С.Ф. Толочанов (Казенный приказ), М.С. Пушкин (Сыскной), И.С. Хотетовский (Владимирский судный), И.Ф. Волынский (Сыскной, захваченный И.А. и А.И. Хованскими 21 августа) и И.Ф. Бутурлин (Ямской), а также думный дворянин А.И. Ржевский (товарищ Н.И. Одоевского в Большой казне и Большом приходе)².

---

¹ О его назначении 17 сентября и вызывной грамоте: Восстание, 1976: 86, 134. «До ево боярского приезде» правительство сразу послало на эту должность в Москву его «товарища» М.П. Головина. На вторую вызывную грамоту, от 24 сентября, с указом быть в Москве «тотчас», Куракин отписался, что поехал в Москву из села Румянино Деделовского уезда 26-го, но «дорогою, государи, топи и грязи великие и ехать наскоро невозможно» (Там же: 154–155, 164). Он доложил о прибытии в столицу лишь 2 октября (Там же: 180–181). За это время можно было приехать в Москву из Сибири. Чтобы выдернуть Куракина из поместий, 2 октября ему был послан указ ехать в Троицу, а на Москве управлять Головину (Там же: 179). За один день старый боярин успел получить известие об этом указе в деревне и, сделав вид, что его не получил, примчаться в столицу, чтобы не уступать должность.

² Список лиц, бывших с самого начала в Коломенском походе, уточняют записи Разрядного приказа за 27 апреля — 25 октября 1682 г. В записи от 30 августа (эта дата составления росписи личного состава сочтена днем выхода царей в поход), кроме названных нами, обозначены бояре И.М. и М.Б. Милославские (родственники по матери царя Ивана), П.И. и Б.И. Прозоровские, Р.М. Стрешнев, С.А. Хованский, Б.Г. Юшков. С двором были, конечно, кравчие и постельничие: царя Ивана А.П. Прозоровский и К.И. Самарин, царя Петра Б.А. Голицын и И.С. Головкин. Были также окольникове: верный слуга царицы Наталии

Ржевский, судя по его видной роли в дальнейших событиях, помогал Софье, Голицыну, Шакловитому и Василию Федоровичу Одоевскому составлять план победы над Московским восстанием. В.Ф. Одоевский входил в этот ближний круг несомненно. Разрыв царского двора с Хованским, о котором мы расскажем ниже — его рук дело. Именно его род уже в мае 1682 г. составлял вместе с В.В. Голицыным новое правительство, признавая лидерство царевны Софьи. Во второй половине сентября в бунтующей Москве распространился слух, «что будто их, надворную пехоту, бояря Одоевские и Голицыны хотят со многим собранием рубить»¹. За исключением узких специалистов, без которых двор в походе не имел бы денег, сменной одежды и белья, лошадей, подвод и возниц (Толочанов, Кондырев, Соковнин, И.Ф. Бутурлин, Чаплыгин), в совет царевны Софьи с В.В. Голицыным и В.Ф. Одоевским, который документально обслуживал Шакловитый, мы должны включить помощников Голицына в военных делах: Лыкова и Ржевского, И.Б. Троекурова, Б.В. Бутурлина, М.С. Пушкина, И.С. Хотетовского и И.Ф. Волынского. Не исключено, что советы в заговоре с целью спасения Российского феодального государства могли давать также возглавлявший Ямской приказ И.Ф. Бутурлин и казначей С.Ф. Толочанов.

Без этих опытных политиков и администраторов Софье и Голицыну было бы невозможно начать борьбу против восставших. Никто из них не пошел бы на авантюру объявления войны двоевластию в столице, которое из знати устраивало разве что князей Хованских (если оно их устраивало), не понимая далеко идущего плана действий, каждый акт которых выглядел неожиданным, но был тщательно подготовлен. Одоевские, род которых давно и заслуженно первенствовал в Боярской думе, просто отказались бы остаться на вторых ролях, не участвуя в обсуждении деталей плана. Похоже, что список первых лиц в царском походе августа 1682 г. и есть состав людей, утвердивших и Извет, и дальнейшие меры возврата старой власти. Удивительно ли, что именно они, с несколькими боярами, остававшимися до 14 сентября на важной работе в Москве, во главе с канцлером и дворовым воеводой В.В. Голицыным составят костяк правительства царевны Софьи до ее свержения в конце августа 1689 г.?!

17 сентября наступила четвертая, неожиданная даже для большинства знати часть операции умиротворения Москвы. Сама по себе она выглядела, да и была на деле, столь же нелепа, как содержание Извета на Хованских, которые хотели де учинить государственный, социальный и религиозный переворот, истребив царей, царицу Наталью и царевну Софью, знатнейших бояр, патриарха и архиереев, подняв посадских людей на воевод и приказных, а крестьян на бояр и их холопов. На одной из царевен Андрею Хованскому жениться, а остальных постричь и сослать в дальние монастыри. В условиях такой гражданской войны, больше напоминающей восстание С.Т. Разина, чем памятную в то время всей знати революцию в Англии, следовало выбрать старшего Хованского на царство, а патриарха и церковные власти избрать «народом» из староверов.

Все эти нелепицы бояре Иван Андреевич Хованский и его сын Андрей, возглавлявший Сыскной и Судный приказы, якобы говорили девяти представителям надворной пехоты и пяти посадским, дав каждому враз по 200 руб. за содействие в таком плане. Раздав за участие в таком плане по четыре годовых жалования боярина на чело-

---

Кирилловны и Петра Т.Н. Стрешнев, В.С. Нарбеков, М.П. Измайлов (он с двумя помощниками служил в походе «для заимки станов»), а в конце 1682 г. стал товарищем боярина П.В. Меньшого Шереметева в Московском судном приказе) и А.П. Соковнин, наконец, укладничий И.П. Чаплыгин. Двор сопровождали четыре десятка комнатных и три десятка походных стольников, а также 9 стряпчих, московский дворянин и дьяк (Восстание, 1976: 262–264).

¹ Так писали в челобитной от всех полков надворной пехоты, московских пушкарей и гранатчиков, поданной царям через патриарха Иоакима и вошедшей в «статьи» о прощении восставших от 3 октября, приведенные в наиболее полных разрядных записях за 20 августа — 3 октября 1682 г. (Восстание, 1976: 191).

века, а всем — годовое содержание Боярской думы, Хованские вдобавок пообещали возвести стрельцов в «ближние чины» (т.е. не ниже комнатного стольника), а посадских пожаловать «гостиным именем» и разрешить им «торговать вовеки безошлинно».

Получив якобы такие суммы и обещания, трое из 14-ти посвященных в заговор людей поспешили на Хованских донести. — Удивляет, почему не все, ведь русские князья и знатнейшие бояре, примеряющие на себя объединенный образ Степана Разина и Оливера Кромвеля, должны были ужаснуть каждого. По замыслу составителя Извета, планы Хованских должны были представляться не разумными и хотя бы умеренно достоверными, а дьявольскими, *немыслимо* ужасающими, при этом изложенными заговорщикам не в пьяном угаре, но со всей серьезностью. Ведь именно Извету предстояло стать фундаментом обширного плана правительственной пропаганды и действий против восстания.

Мы обратились к содержанию Извета именно здесь потому, что эта карта, сработавшая 2 сентября скрытно, теперь должна была лечь на стол. Хорошо подготовленные действия правительства царевны Софьи соответствовали как безумным планам Хованских, описанным в Извете, так и безмерным наградам, якобы выплаченным и обещанным князьями своим помощникам. Извет на Хованских не был обычным доносом, на которых основывался в XVII в. политический сыск в России. Изветы давали поводы для расследований, а Извет на Хованских был сразу написан как смертный приговор и одновременно как миф, призванный заменить собой реальные события Московского восстания.

Мастерство составителя Извета и понимание им тонкостей плана действий правительства заставляют думать: а не был ли известный нам текст Извета *переписан* к 17 сентября? Но оснований для такого вывода, кроме надуманных сомнений в высочайшем уровне политической прозорливости составителя Извета ко 2 сентября, у нас нет. В конце концов, и 2-го числа, чтобы сдвинуть с места чутко оберегавшую Петра царицу Наталию, изложенные в Извете угрозы должны были оказаться чрезвычайными и смертоносными. Такими же стали и события 17 сентября, описанные в разрядных записях за 20 августа — 3 октября 1682 г. (Восстание, 1976: 85–86).

17 сентября заранее сформированный из стольников, стряпчих и жильцов с их военными холопами отряд боярина князя М.И. Лыкова напал на князя И.А. Хованского, ехавшего с пышной свитой к Воздвиженскому. Старший князь был схвачен, но его младшему сыну Ивану, бывшему тогда при дворе, удалось бежать, без дорог, лесами и болотами, в Москву. Главного дела, однако, Лыков не провалил: более опасного старшего сына Хованского Андрея его люди, везущие крепко связанного князя Ивана Андреевича, взяли в его собственном поместье.

Тем временем в селе Воздвиженском цари Иван и Петр еще накануне приняли гетмана Самойловича, приезд которого послужил поводом для общего сбора двора, и начали праздновать день ангела своей сестры Софьи Алексеевны. Вечерняя литургия 16 сентября продолжилась 17-го в том же храме Воздвижения честнаго Креста службой в честь святых Веры, Надежды, Любви и матери их Софии. На службе стояли оба царя и весь с трудом собранный Государев двор в парадных облачениях. «А после божественные литургии в хоромех великая государыня благоверная царевна и великая княжна София Алексеевна изволила бояр, и околничих, и думных людей жаловать водою».

Испив из царевниных рук (совсем понемногу, ведь чарки вмещали едва 50 грамм, а до крепости в 40 градусов русская водка дошла много позже), бояре, окольничие, думные дворяне и думные дьяки получили от царей указ «всем» выйти за «передние ворота» царского двора в Воздвиженском. Там, у большой дороги, стояли скамьи,

на которых общество и расселось без всяких споров, по традиционным для каждого «местам». Сюда же по приказу царей привели плененных Лыковым князей Хованских, а Шакловитый огласил им приговор.

В свитке Приказного стола Разрядного приказа, рассказавшего нам об этих событиях (РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Оп. 13. Столбцы Приказного стола. Ч. 2. Стлб. 609. Л. 20–24), образовалась лагуна после слов в конце склейки 23: «Их великих государей указ князь Ивану и князь Андрею Хованским розрядной думной диак Федор Левонтьевич Шакловитой сказывал таков». Но каков неведомо, ибо далее нескольких склеек нет. Отсюда текст приговора Хованским, а если быть точным в определении вида документа, то сказки у смертной казни, изъял для Медведева сам Шакловитый. Мы читаем эту сказку в «Созерцании кратком», по которому «приговор Хованским» неизменно публикуется (СГГиД, 4, 1826: 459–463; ПСЗ–1, II, 1830: 464–467; Восстание, 1976: 130–133). На следующей склейке 24 констатирован результат операции: «И после той скаски князь Иван и князь Андрей Хованские казнены смертью в селе Воздвиженском на площади у большой московской дороги».

Медведев отлично передал разрядный текст сказки Хованским у смертной казни, не упустив содержащейся в ней отсылки на Извет. Сказка, адресуясь к старшему Хованскому, говорит: «Да в нынешнем во 191-м году сентября в 2 числе в их великих государей походе в селе Коломенском на их великих государей дворе у передних ворот на щиту воротном объявилось на тебе прилеплено письмо, которое письмо писано выше сего. И то письмо ему чтено все». «Писано выше сего» не относится к «Созерцанию краткому»: Медведев действительно поместил Извет выше, но он *нигде* не вставлял своих ремарок в тексты документов.

«Писано выше сего» — стандартный канцелярский оборот XVII в., означающий именно то, что сказано. И действительно, выше в том же свитке, откуда изъята сказка Хованским у смертной казни, в конце склейки 21 читаем: «Да в нынешнем во 191-м году сентября в 2-м числе во время бытия их, великих государей, в их государском походе в селе Коломенском, объявилось на их, великих государей, дворе у передних ворот на них, князь Ивана и князь Андрея, изветное письмо, а в письме пишет». Далее должен идти текст Извета, но его нет: на следующей склейке говорится о приговоре Хованским.

Куда делся пропавший из разрядного свитка Извет, вы уже догадались: он включен в «Созерцание» Сильвестра Медведева, по которому и публикуется со времени передачи этого сочинения по списку Оболенского в Комиссию печатания грамот и договоров, созданную канцлером Н.П. Румянцевым в 1811 г. (Очерк, 1877: 1–42).

Между тем запись о приговоре Хованским, идущая в разрядном свитке после отсутствующего Извета, настолько красноречива, что следует привести ее здесь целиком: «И великие государи цари и великие князи Иоан Алексеевич, Петр Алексеевич, всея Великия и Малыя и Белья России самодержцы, и сестра их, великих государей, великая государыня благоверная царевна и великая княжна София Алексеевна, слушав того письма (статей о винах Хованских и Извета. — А.Б.), указали и бояря приговорили князя Ивана Хованского и сына ево князь Андрея за то их воровство и за измену и на их, великих государей, здоровье, и на державу за злой умысл, и за подыскание над Московским государством, по подлинному розыску и за явным свидетелством и делам, которые они противностью своею чинили, и тому изветному письму согласно, казнить смертью».

Итак, царевна Софья, правившая страной из-за спин царей скрытно (хотя и общеизвестно), вынесла приговор Хованским, в том числе, своим именем. Формула «государи указали и бояре приговорили» означала одобрение приговора Боярской думой. Дума была собрана в Воздвиженском в достаточной мере: в полном составе она и в

Москве редко собиралась, часть думцев всегда была в отъезде на воеводствах, в полках и посольствах. Но, во-первых, среди думцев были и доброжелатели Хованских, вторых, далеко не все участвовали в составлении плана борьбы с восстанием, где казнь Хованских была важным этапом. Значит, не все должны были понимать необходимость политического убийства знатнейших лиц, возвращавшего Россию ко временам беззаконий Ивана Грозного и Бориса Годунова.

Не ангажированный думец, имевший, как и все высшие чины двора, судебный опыт, должен был заинтересоваться, по какому такому «подлинному розыску» установлена вина бояр Ивана Андреевича и его сына Андрея, представителей одного из 17-ти аристократических родов России. Этого розыскного дела нет, причем в документах нет *никакого его следа*, что при проведении реального розыска в принципе невозможно. Розыска не бывало без сыска, допросов, а то и пыток обвиняемых. В нём, начиная с задержания нужных лиц, участвовало множество людей, получавших приказы, деньги и ямские «прогоны», дававших отчеты, делавших записи и т.п.¹

Например, царица Наталия Кирилловна с ее бестрепетными приближенными казнила 11 октября 1689 г. окольного Ф.Л. Шакловитого, обвиненного в подготовке покушения на Петра, с четко запротоколированным розыском, «речами» обвиняемого, сведениями о суде и приговором, а не только сказкой у смертной казни, как в деле Хованских (Розыскные дела, I, 1884). Аналогично, с солидным розыскным делом, начинающимся с поисков и поимки, и мотивированным, хотя и не правым, приговором, был 11 февраля 1691 г. главоотсечен Сильвестр Медведев; с немалым делом были сосланы и князь В.В. Голицын с сыном (Розыскные дела, III, 1888; часть документов издана там же, IV, 1893). Для Хованских же разрядные записи пишут о приговоре — намного более знатным лицам — *прежде* сообщения об отправлении отряда Лыкова на их поимку²! Суд в XVII в. далеко не всегда был справедливым, но до таких высот неправосудия, как осуждение обвиняемого на смерть без него самого и его «речей», и ранее не взлетал, и позже не поднимался.

Для тех, кто думает о правосудии XVII в. совсем плохо, уточню, что серьезно в России относились именно к лишению жизни: всех вообще и знатных людей в первую очередь. В ссылку царь мог отправить боярина и именным указом. Тем не менее, дело о ссылке боярина князя В.В. Голицына с сыном, боярином Алексеем, 9 сентября 1689 г., составило солидную кипу документов, включавших и мотивированный приговор канцлеру, который организовал казнь Хованского с сыном без следствия и суда. Такая юридическая щепетильность, правда, не была характерна для правительства царицы Наталии Кирилловны Нарышкиной, сославшего лояльных царевне Софье бояр и без суда. Когда обеспокоенные ссылкой боярина Леонтия Романовича Неплюева бояре обратились за разъяснениями к тестю царя Петра боярину П.А. Лопухину, тот внес в золотой фонд российской юриспруденции афоризм: «Явной его, Леонтия, вины вы не ведаете, а тайной вины — и мы не ведаем!» (Розыскные дела, III, 1888: 189). Это было обычным делом: осенью 1682 г. правительство Софьи велело хватать, ссылать в Сибирь или «в дальние деревни» родственников казненных Хованских без всяких объяснений (Восстание, 1976: 148, 152–153, 173–174, 175–176, 182, 185). Арест и ссылка выражали царское недовольство боярином, а смертная казнь даже безвестного злодея требовала

---

¹ Даже самый бесчестный политический суд, опирающийся на сыск вместо розыска, выносил решение при наличии записей показаний свидетелей и обвиняемых, по которым всех участников сыска можно установить. Примером судилища (над Нагими) на основе «повального обыска» явилось Углическое следственное дело о смерти царевича Дмитрия 1591 г.; в нашем исследовании собраны и другие примеры сыскных (а не розыскных) дел (Богданов, 2019б: 266–341).

² После слов, что Хованских велено «казнить смертью», сказано: «И того ж числа» на их поимку из Воздвиженского послан князь М.И. Лыков (Восстание, 1976: 85).

утверждения в Москве, с соответствующим делом (Викторский, 1912; Гернет, 1913; Рожнов, 2008, 2009).

При казни Хованских не было ничего, даже приговора. Вместо его текста в разрядных записях приведена сказка у смертной казни: такие документы действительно повторяли основные положения приговора, но не заменяли его. А перед приведенной нами записью о приговоре его мотивация суммирована в двух пунктах (л. 21):

1. Царям Ивану и Петру «ведомо учинилось, что в прошлом по 190-м и нынешнем во 191-м году (то и другое — 1682 г., новый 7191 г. наступил 1 сентября, — *А.Б.*) боярин князь Иван Хованский, будучи в приказе Надворные пехоты, а сын его боярин же князь Андрей в Судном приказе всякие дела делали без их, великих государей, указу (но как они и другие судьи могли вести себя иначе в условиях двоевластия, если не хотели быть порубленными надворной пехотой «в мелочь»? — *А.Б.*). И тою своею противностью и самовольством учинили им, великим государям, многое бесчестье, а государству всему великие убытки, и разоренье, и тягость болшую».

2. На Хованских 2 сентября был подан Извет. Никаких доводов в пользу его достоверности не приводилось. «Злохитрый твой вымысл на державу их, великих государей, и на их государское здоровье обличился» одним фактом появления Извета, говорилось старшему Хованскому в сказке у смертной казни.

В самой сказке 1 пункт подробно раскрыт. Явно во всевозможных своевольствах обвинялся И.А. Хованский. На деле содержание 12-ти из 15-ти статей обвинения¹ снимало вину с восставших, уверяя, что двоевластия в Москве не было и воли служилых по прибору глава приказа Надворной пехоты не выполнял. Хованский якобы действовал по своим прихотям, желая «неправдою и лукавством» захватить власть в государстве.

Идея виновности Хованского и невиновности восставших проведена в этих 15-ти статьях четко. Первая из них гласит, что князь во главе Стрелецкого (так!) приказа «всякие дела делал по своим прихотям», без доклада государям, «и роздал многую их царскую денежную казну без их государского указу и докладу, кому и не довелось, и дачами теми ... казну истощил и выграбил, всему же государству тем учинил великое разорение и людем тягость».

Речь идет о раздаче жалования стрельцам, многолетняя недодача которого была одной из важных причин восстания. Их требованием было выдавать жалование сполна, без обычных вычетов, по реальным спискам личного состава полков (в которые они, правда, приняли новых людей), с возмещением недодачи прошлых лет, не взиманием штрафов на вдовах не дослуживших стрельцов и т.п. Не выполнить этих требований, расписанных по статьям в челобитной восставших до 6 июня 1682 г.², в комплексе предлагаемых ими мер по борьбе с коррупцией чиновников, было нельзя. Эта обязанность легла на плечи И.А. Хованского, ответственного за сбор и распределение Стрелецких денег и Стрелецкого хлеба — единого прямого налога страны³. Более того, 6 июня 1682 г. цари Иван и Петр утвердили все эти требования восставших по пунктам в своей Жалованной грамоте московским стрельцам, солдатам, гостям, посадским людям и ямщикам, изданной в Верхней типографии и розданной по все полки и служилые

¹ В «Созерцании» Медведева, по которому нам известен текст изъятой из разрядных записей сказки, обвинения на статьи не разбиты. Деление на абзацы в современных публикациях также не вполне следует содержанию статей: разделена надвое статья о сборе «подможных» денег с монастырей (Восстание, 1976: 130–133); дано еще более дробное деление (Россия, 1990: 135–140).

² Челобитная московских стрельцов, солдат, гостей, посадских людей и ямщиков издана по списку в историческом сборнике середины XVIII в. БАН. 32.4.23. Л. 75–81 (Восстание, 1976: 36–39).

³ Суть налоговой реформы царя Федора Алексеевича 1679 г., введившей подворное обложение, состояла в том, чтобы вместо многочисленных прямых налогов собирать один: Стрелецкие деньги и хлеб (Богданов, 2018б: 123–129).

корпорации столицы¹. По уверению Сильвестра Медведева, «всю ту грамоту» поместили на памятнике в честь победы восстания, возведенном на Красной площади (Россия, 1990: 95.)².

В этом случае Хованский точно действовал с санкции царей, причем он, как и все «верхи», по словам современников, просто боялся восставших: в своей грамоте дворянству, разосланной до казни Хованских, это признавало и правительство Софьи (Буганов, 1969: 236–244). Обвинительная статья не упоминает, что Хованский вышел в своих тратах за пределы Стрелецких денег и хлеба. Но недовольство боярина князя Н.И. Одоевского, судьи приказов Большой казны и Большого прихода, здесь очевидно.

Вторая из 15-ти статей смехотворна: Хованского обвиняют в том, что он «пустил» восставших ходить в царские палаты, как будто они сами не завоевали это право 15–17 мая, перед назначением князя главой Стрелецкого (затем Надворной пехоты) приказа. Да и как князь мог эти палаты защитить, если царские стольники из Москвы разбежались, а на охране стояли сами стрельцы?

Третья статья обвиняла князя в содержании за решетками и за приставами многих людей, на деле схваченных и доставленных в приказ Надворной пехоты восставшими. Это были и грабители, и нарушители распоряжения восставших о запрете спиртных напитков, и «ведомые» им лихоимцы разного чина и звания. Шакловитый, если не полностью составлявший, то объявлявший эти статьи, полагал, что Хованский должен был забрать их у восставших и отдать в другие судные приказы по социальной подсудности. Конечно, князь этого не мог, да и работали иные судные приказы плохо, в том числе подведомственные его сыну Андрею.

Четвертая статья обвиняла Хованского в бессудном «правеже» денег с лиц, обвиненных восставшими в лихоимстве. Стрельцы и солдаты довольно жестко взымали украденное за многие годы из их жалования бывшими начальниками, не взирая на чины и звания. А теперь оказалось, что это боярин лично многих «знатных людей отдал для правежу» по челобитным стрельцов и солдат, которые даже знать «били на правеже палками», «и тем многих людей обезчестил, изувечил и разорил»³.

Пятая статья посвящена даточным людям, взятым с монастырей и дворцовых волостей в стрельцы и солдаты. Обитатели и крестьянские общины обязаны были давать им «подможные деньги» по 25 р. человеку в год, «и того будет болши ста тысяч рублей». Якобы Хованский санкционировал правеж денег на монастырях «без их же, великих государей, указу, самовольством своим», а на дворцовых волостях — против прямого указа: Иван и Петр, «слушав о том докладных выписки, указали и бояря приговорили тем даточным сказать, что им подъемные деньги по указным статьям, каковы статьи которого выбору даточным в подможных деньгах были, даны сполна. А что монастырския даточная сверх прежних подъемных денег имали деньги за правежем вновь, и о том великих государей указу не бывало».

Сильвестр Медведев датировал челобитную даточных из дворцовых волостей, поверстанных в стрелецкие полки, 16 августа (Россия, 1990: 123); но обитатели, судя по челобитной архимандрита Симонова монастыря Гавриила, были отягощены правежами денег и постоем отставных стрельцов раньше (Буганов, 1969: 247). В «Созерцании» из этой статьи обвинений сделана целая история о новом возмущении служилых в Москве

¹ Жалованная грамота всегда публикуется по «Созерцанию» Сильвестра Медведева (Восстание, 1976: 40–46), который, по своему обыкновению, опустил в ней приписи думных дьяков: они сохранились в списке на столбце начала XVIII в. (ЛЮИИ. Русская секция. Ф. 128. Коллекция Поливина. № 8).

² Мы полагаем, что на 4-х таблицах «столпа» располагалась треть текста грамоты, передающая суть победы восставших; она ровно делится на 4 части (Богданов, 2019а: 125–128).

³ О последовательном и документально оформленном правеже восставшими денег на «начальных людях»: Буганов, 1969: 179–189, 246–247. Речь шла об огромных суммах: на одном голове (полковнике) И.А. Мещеринове, утеснявшем стрельцов «налогами» и «взятками» 18 лет, они взяли более 5660 р.

и черном умысле Хованского. Но и сам текст обвинительной статьи довольно красноречив.

Указ царей и Боярской думы не только объявлял восставшим, что им все деньги уже «даны сполна», но и требовал от князя огласить это решение челобитчикам. Инициатором указа мог быть только судья приказа Большого дворца боярин князь В.Ф. Одоевский, грудью защищавший интересы своего ведомства и «своих» дворцовых крестьян, а выскочек, вроде Хованских, почитавший ничтожествами. Именно Одоевский вместе с Голицыным вывез вскоре после этого указа царскую семью из Москвы, составив с узкой группой единомышленников план борьбы и с Хованскими, и с восставшими.

Защитить монастырские хозяйства прежде оказалось некому, поэтому взимание с них огромных денег сошло надворной пехоте с рук. А с дворцовыми крестьянами, за которыми стоял князь Одоевский, не вышло. Это был первый отказ восставшим в их требованиях, причем дан он был в резкой форме. Хованский оказался в ужасном положении: он челобитье надворной пехоты о взимании денег с дворцовых волостей подписал, а защитить интересы «своих» служивых не смог. Возмущившись, те, кто несколько месяцев подряд привыкал получать всё просимое, могли его убить. Не удивительно, что Хованский «указу их государского сказывати им не пошел, а говорил затейками своими и вмещал словеса злая, будто за то быти великому кровопролитию и многим побитым»¹.

Сильвестр сделал из этого возмущения служивых, спровоцированного царским указом, объяснение необходимости отъезда царей из Москвы в Коломенское. В документах 1682 г. такого мотива нет, но провокационный характер царского указа Хованскому очевиден. Князь должен был или поддержать отказ восставшим в их требованиях, вызвав на себя их гнев, или, поскольку он подписал обе их челобитные, перевести возмущение стрельцов на правительство Софьи. В любом случае это означало начало конца двоевластия: восставшие теряли возможность проводить свои решения указами царей, если снова не поставят царскую семью под контроль.

Здесь важен был расчет времени. Челобитная была подана 16 августа, царская семья с собранными Шакловитым дворянами оказалась в Коломенском 20 августа. В какой день восставшие получили отказ в челобитье о «подможных деньгах» с дворцовых волостей — неизвестно. Описанное Сильвестром возмущение служивых сначала должно было охватить лишь их часть: даточные от дворцовых волостей составляли меньшинство в рядах надворной пехоты. Для осознания случившегося и организации координированных действий всех московских полков требовалось время. С другой стороны, для принуждения царей и бояр к покорности и не требовалось много сил: правительство Софьи в этот момент было беззащитно даже перед небольшой толпой восставших. Ускользать и разделять — такова была основная задача правительства в этот момент. Слух о возмущении, однако, должен был подействовать на царицу Наталию Кирилловну, которая старалась уберечь 10-летнего Петра от опасности конфликта с восставшими. Провокация с отказом Хованскому в утверждении челобитной стрельцов явно толкала ее к бегству страхом перед новым бунтом.

Софье, как мы знаем, удалось вывезти царскую семью в Коломенское, а Шакловитый готовил эту операцию со 2 августа. План требовал переместить в Коломенское элитный Стремянный полк, по традиции охранявший царей и в Кремле, и в летних походах, а также восстановить над ним утраченный в мае контроль. Здесь правительство

---

¹ Так гласит приведенная в «Созерцании» сказка Хованским у смертной казни (Россия, 1990: 136). Выше, на основе ее текста, Сильвестр пишет, что князь «того им государского указу сказывати не пошел. И вышед к стрельцом, говорил словеса злая на возмущение им: “Дети! Ведите о сем, что уже и мне, вам добра хотящему, бояре грозят, и мне стало делать нечево. Как хотите, такс промышляйте себе!”» (Там же: 124).

тоже столкнулось с сопротивлением надворной пехоты, описанном в 10-й и 11-й статье обвинений против И.А. Хованского.

Обе статьи касались высылки стрелецких полков на дальние службы из Москвы: дело обычное, но не в 1682 г., когда надворная пехота отказалась разделять свои силы. Князь ничего не мог с этим поделать, и его обвинили в отказе послать полки «для обороны Казанских мест от калмыков и изменников-башкирцов», из-за чего «ныне в тех местах ... чинится разорение великое»¹, а также в Киев². Туда Хованский, по 11-й статье обвинения, якобы распорядился отправить Стремянной полк «без их, великих государей, указу». Полк, разумеется, никуда не пошел — таких служб у него от века не бывало, он выходил из столицы только с царями. С другой стороны, в таком решении, исходившем, очевидно, от совета надворной пехоты, чувствуется оправданное недоверие к Стремянному полку: единственному, от которого московские полки были готовы избавиться.

В той же 11-й статье читаем, что Хованский отказался прислать Стремянной полк в Коломенское «для ангела» царя Ивана Алексеевича, т.е. 29 августа³. Вместо этого князь, согласно сказке у смертной казни (а на деле надворная пехота), «за ними, великими государями, в походе велел было ты быти надворной пехоте иных полков, мимо Стремянной полк, чего никогда не повелось. А и послал ты за ними, великими государями, в поход Стремянной полк по многим к тебе о том посылкам».

Как видим, не только 20-го, но и 29 августа Стремянной полк отсутствовал в Коломенском, и царская семья оставалась под защитой лишь кучки дворян, собранных, если не сказать отловленных по укромным местам, Шакловитым. Вместо Стремянного полка, сопровождать царей, т.е. держать их под контролем, рвались другие полки надворной пехоты. С немалым трудом правительству удалось им отказать⁴.

Вслед за делегацией выборных всех полков надворной пехоты, пришедших в Коломенское 23 августа и отправленной восвояси, к царскому двору приехал И.А. Хованский. Согласно 13-й статье обвинения, он «при боярех» пугал царевну Софью Алексеевну якобы поступившим ему доносом новгородских дворян о том, что «дворяне же и иных чинов служилые люди» замосковных и иных городов рассылают призыв «вместе итти сего лета к Москве о заслуженом жаловании бити челом и на Москве сечь всех без выбору и без остатку».

Заход был верным: дворянство действительно недополучало жалование, в контрасте с купающимися в деньгах победителями, надворной пехотой, и имело немало

---

¹ Таково было обоснованное требование судьи Казанского приказа боярина князя Я.Н. Одоевского, вынужденного, даже во время ухода царской семьи из Москвы, оставаться в столице. Отказ Хованского, а точнее надворной пехоты, в посылке полков, укрепил связь одного из влиятельнейших в думе бояр с правительством В.В. Голицына.

² Царская грамота И.А. Хованскому от отправке 4-х полков в Киев, но не полков М. Глебова и А. Данилова, назначенных в царское войско, от 7 сентября из Савво-Сторожевского монастыря: Восстание, 1976: 118 (ср. роспись полков, которые требовалось послать в Киев и формируемую царскую армию: Там же: 121). Запросы на полки в Киев делал Малороссийский приказ, а он являлся в это время отделением Польского приказа и подчинялся В.В. Голицыну.

³ Иван Алексеевич родился 27 августа и был крещен на праздник Усекновения главы Иоанна Крестителя 29-го числа.

⁴ Делегация восставших пришла в Коломенское уже 23 августа. «Московские надворные пехоты, изо всех полков выборные» уверяли царей Ивана и Петра в ложности слуха о том, «что будто у них, надворные пехоты, учинилось смятение и на бояр и на ближних людей злой умысл, и о том у них ис полку в полк будто имеют они тайные пересылки, и хотят приити в Кремль с ружьем по прежнему», т.е. как 15–17 мая. Выборные говорили, что цари именно из-за таких слухов ушли из Москвы, просили царей таким «ложным словам» не верить и вернуться в столицу. В ответ им был сказан царский указ, что государям «про их умысл ... не ведомо, а изволили они ... с Москвы итти по своему государскому изволению», как всегда делали в прежние годы. За сим выборные были отосланы в Москву. Так гласит обширная разрядная запись (Восстание, 1976: 79–80).

претензий к столичным властям, особенно вечно избалованный и захудалый Новгородский разряд (Курбатов, 2017). Однако Софья знала, что ни замосковские города, являющиеся мобилизационными округами для регулярных полков пограничных разрядов, ни поверстанные в строй, но толком необученные ему дворяне Новгородского разряда не представляют реальной военной силы в сравнении как с надворной пехотой, контролирующей Москву, так и полками постоянной службы на южном и западном рубежах¹. Она просто предложила Хованскому объявить содержание его доноса «на Постельном крыльце для ведома², а в Новгород для подлинного о том свидетельства послати их, великих государей, грамоту».

Далее сказка у смертной казни, превратившаяся в 13-й статье в роман, говорит, что Хованский в ответ «бил челом ей, государыне, чтоб про то на Москве не сказывати, и в Новгород не посылати о том, и тем бы не навести беды» на него самого. «И по тому знатно, что ты на них затеял воровством своим для своего умыслу, хотя на них навести их государской гнев напрасно. А новгородцы и в иных городех дворяня старые и породные, и служат им, великим государем, всегда верно, и такому злему делу от них быти не для чего», — заключает сказка ответом Софьи князю гимн премудрости царевны.

В этой статье по содержанию примыкает 15-я статья о том, что Хованский «в разных числах облыгал надворную пехоту» перед царями, рассказывая в царских палатах, «будто от них о делех их челобитье и крики великие и будто от них быти великим бедам, а от них в то время того не бывало. Выходя же от них, великих государей, исполат, надворной пехоте говаривал многия смутныя речи, чево не бывало. И то ты все лгал и затевал напрасно».

Хованского обвиняли в том, что он, исполняя как судья приказа Надворной пехоты функцию посредника между восставшими и правительством, преувеличивал опасность гнева своих подчиненных. Боярин был виноват, а восставшие невиновны. Эта чрезвычайно важная мысль проходила через сказку у смертной казни красной нитью. «А о которых делех ты к ним, великим государем, в доклад и приходил, и то все с неправдою и лукавством, тая свою злобу и злохитрой умысл», — суммировала последняя статья обвинений смысл предыдущих.

Мы пропустили в 15-ти статьях еще несколько, столь же странных. Статья 14 обвиняла Хованского в самовольном назначении воевод в города. Это была не его компетенция, но восставшие могли влиять на Разрядный приказ, в том числе и через боярина, назначая, кто ему «надобен». Правда, конкретики сказка не приводит, а мы не ведаем об отмене якобы инспирированных Хованским назначений после его казни.

Статьи 6, 7 и 8 обвиняют Хованского в преувеличении своих заслуг и высокомерии: качествах, в той или иной мере присущих всей аристократии, где каждый род и деятель старались поставить себя выше других и на словах, и «местом». Хованские местничали, в том числе и после отмены местничества царем Федором Алексеевичем

---

¹ После военно-окружной реформы 1679 г. в девяти разрядах (считая Москву и не считая Сибири) в 1680 г. в постоянной армии было 61 288 солдат в 41 полку, 20 048 стрельцов в 21 полку, 30 472 рейтара и копейщика в 26 полках, 14 865 казаков в 4 полках. Новая армия преобладала над старинной дворянской сотенной службой решительно: в той оставалось лишь 16 097 человек, из них 6.385 дворян Государева двора, остальные служили от городов по выбору или не были разверстаны в полки. Хотя дворян сопровождало 11 830 военных холопов, сравнительно с регулярством их силы были малы (Богданов, 2018б: 204–205).

² С Постельного крыльца всегда объявлялись царские распоряжения дежурившим тут дворянам, которых летом 1682 г. заменила, видимо, надворная пехота.

12 января 1682 г., не больше иных родов¹. Оказавшись в роли центральной фигуры двоевластия, Хованские естественно прославляли свою роль в прошлом и настоящем, а пытающихся с ними спорить «бояр безчестили, и нагло поносили, и никого в свою пору не ставили». Если бы за преувеличение знатности и военных заслуг, «с великою гордостью, будто никто тако не служивал», рубили головы, то в России не осталось бы ни одного полководца, включая А.С. Шеина, Б.П. Шереметева (местничал трижды) и В.В. Голицына (местничал четырежды).

В этих статьях обвинения интересны лишь горячность, с которой их составители доказывают, будто у Хованских нет вообще никаких военных заслуг (это явная ложь), и слова князя Ивана Андреевича, показывающие, что он понимал свою роль посредника, утишителя восставших в то время, когда сил бороться с ними ни у кого не было. Ты, обличительно сказано Хованскому, «говорил многажды в полате при них, великих государех, и при всех боярех величался в гордости своей, будто все государство стоит по твою кончину и естли тебе не будет, и в то время будто ни кая же плоть не спасется и будут на Москве ходити в крови по колени».

Единственной убедительной, хотя бы на первый взгляд, статьёй обвинения, стала 9-я, подробно повествующая о вине И.А. Хованского в бунте староверов. Там сказано, что именно «князь Иван со единомышленники ... ратовали на святую соборную церковь. И те раскольники по твоему согласию, надеясь на тебя, приходили для возмущения народов в Кремль большим собранием и входили к ним, великим государем, в Грановитую полату с великим невежеством и злобною дерзостью для задора ко кровопролитию». Когда во время прений о вере в присутствии царицы и царевен староверы поносили и даже били архиепископа Холмогорского Афанасия, Хованский «их от того не унимал и уняти не велел». Схваченных стрельцами (по инициативе Софьи) староверов князь «от казни оберегал и хотел ... учинить свободных». Поэтому лишь Никита Пустосвят (Н.К. Добрынин) был «по прошению выборных служивыя пехоты добрых людей кажен, а товарищ его твоим промыслом от смерти свободился». Именно Хованский «велел» отправить схваченных староверов «в сылку на Терек, а смертию их казнити не велел».

Эта статья обвинения — своего рода медиана между детальными рассказами двух свидетелей: Сильвестра Медведева, у которого Хованский выступает на стороне староверов против Церкви, спасенной исключительно отвагой и мудростью царевны Софьи, и старовера Саввы Романова, в большой «Истории» которого Хованский — экзальтированный, но не верный сочувствующий поборникам старой веры (История о вере, 1863).

Буганов показал, как староверы, сочтя восстание 15 мая «чудом преславным», упорно, но с переменным успехом агитировали стрельцов поддержать восстановление старой веры; стрелецкие выборные были за то, чтобы не позволить староверов «по старому ... жечь да мучить», но едва ли половина из них одобряла выступление против патриарха. В таких условиях Хованский, на словах поддерживая староверов, а точнее — стоявших за них стрелецких выборных, на деле заботился о том, чтобы это движение не помешало чинному венчанию на царство Ивана и Петра 25 июня, а затем чтобы их прения с патриархом и архиереями 3 и 6 июля не переросли в бунт.

В частности, во время прений подчиненные Хованскому стрельцы пытались не пустить народ к Кремль, но не смогли. Именно то, что Хованский не допустил обострения обстановки, позволило царевне Софье склонить стрелецких выборных на сторону закона и порядка. «Вы де бунтовщики и возмутили всем царством», заявили староверам

---

¹ Даже после отмены местничества из высшей знати местничали Долгоруковы (дважды), Голицыны, Щербатовы, Головины, Козловские, Нарышкины (трижды), по разу Черкасские, Хованские и Ромодановские (Эскин, 1994: 208–210).

представители надворной пехоты, схватив и казнив Никиту Пустосвята 11 июля (Буганов, 1969: 210–235; Румянцев, 1916: 271–277; Усенко, 1990; Усенко, 1999). В то же время маловероятно, чтобы восставшие поддержали массовые казни: ссылка лидеров староверов, в которой обвинили Хованского, была в июле 1682 г. наилучшим выходом.

Историки, не один век писавшие о «заговоре князей Хованских», и продолжающие это даже после фундаментального исследования Московского восстания 1682 г. Бугановым, просто повторяли версию сказки у смертной казни Хованских, состоявшую из этих 15 статей и 16-й статьи в виде Извета; версию, умноженную затем в правительственной пропаганде Софьи, Голицына и Шакловитого. Их можно понять, ведь эта версия была передана, на основе правительственных сообщений, многими современниками.

Между тем, уже первый ученый исследователь Московского восстания, Сильвестр Медведев, ясно показал, что в контексте реальных событий 1682 г. содержание этих обвинений в адрес Хованского не выглядят достоверным. Приводя множество документов и личных наблюдений, он уверял читателя вовсе не в истинности, а в *целесообразности* этих обвинений для последующего «утишения» Московского восстания. Именно доказательство мудрости и действенности политики царевны Софьи¹, спасительницы Российского государства от новой смуты, составляет стержень его монографии (Богданов, 2020б: 286–351).

Шакловитый, который читал сказку у смертной казни, и его сотрудники в Разряде понимали, что все эти обвинения — полная чепуха. По 15 статьям старшему Хованскому, если бы он самовольничал, а не выполнял требования восставших, грозила бы ссылка, а Извет просто нелеп. Против Андрея Хованского что-то вроде обвинений в служебном несоответствии и неповиновении царям, как о его отце, вероятно, было написано. Но сотрудники Разряда даже переписывать это в записной столбец не стали. В изъятной оттуда и опубликованной в «Созерцании» сказке у смертной казни сказано попросту, что «также и сыну ево, князь Андрею Хованскому, чтены многия статьи вин его. По прочтени же вин» Хованским был объявлен указ царей Ивана и Петра (без царевны Софьи) с боярским приговором: «за такия ваши великие вины, и за многия воровства, и за измену — казнить смертию». «И абие (тут же. — А.Б.), — добавляет Медведев, — в той час в селе Воздвиженском на площади при всех боярех и при всем тамо народе отсекоша им главы их».

Формулировка обвинений против Хованских в 15 статьях вполне понятна: на князя Ивана Андреевича, а заодно на его сына Андрея (и наверняка второго сына Ивана, которого не казнили потому, что не смогли поймать) повесили двоевластие в Москве весны и лета 1682 г. как прихоть пары аристократов, а не реальность. Это позволяло представить если не весь бунт, то солидную его часть как вину князей Хованских, и усмирить надворную пехоту, освободив ее от ответственности за события Московского восстания. Такой официальный взгляд на события, сформулированный 17 сентября, находился в разительном противоречии с позицией правительства Софьи и Голицына, объявленной дворянству России несколькими днями ранее.

Окружная грамота о сборе ратных людей на защиту царей Ивана и Петра была отправлена из Савво-Сторожевского монастыря, где царский двор стоял, по разрядным записям, с вечера 6 до утра 10 сентября 1682 г. (Восстание, 1976: 81). Сильвестр Медведев, по «Созерцанию» которого она публикуется (Россия, 1990: 128–134; Восстание, 1976: 113–117), связал ее появление с Изветом на Хованских и бегством царей «странным путем» из Коломенского в Троице-Сергиев монастырь. Окружные грамоты, в отличие от государевых объявительных и патриарших богомольных грамот, не читались

---

¹ Князь В.В. Голицын отодвинут в «Созерцании» на второй план, а Шакловитый не упомянут даже в рассказе о зачтении Хованским сказки у смертной казни.

в каждой церкви. Они рассылались из Разрядного приказа в города — центры военных округов; оттуда их, переписав в разрядных приказных избах, грамоты посылали воеводам в уездные города и полковникам в полки: те уже должны были позаботиться о доведении текста до членов уездных дворянских корпораций и служащих полков.

Видимо, Софья и ее правительство в это время пребывали в большом испуге. Текст грамоты 6–10 сентября — яркости необычайной. И тот факт, что, после появления грамот с иной версией событий, эта исчезла из архивов в центре и на местах, говорит о том, что Разряд позаботился о ее уничтожении так же серьезно, как об истреблении тиража июньской Жалованной грамоты, именем царей зафиксировавшей победу восставших. Пропаганда, начатая на этом этапе борьбы с восстанием, была дезавуирована уже после сбора в Воздвиженском всех главных лиц двора 14 сентября. Обвинения Хованским 17 сентября отрицали сказанное в окружной грамоте, а в дальнейшем эту версию постарались забыть.

Дело в том, что горстка политиков, совещавшихся в Савво-Сторожевском монастыре с царевной Софьей, со страху проговорилась, признав Московское восстание делом рук стрельцов и солдат. На страх явно указывает означенный в окружной грамоте масштаб мобилизации. Призыв к спешному сбору был обращен к «стольником нашим, стряпчим, дворяном московским, жильцом, и начальным людем, и городовым дворяном, и детем боярским, копейщиком, рейтаром, салдатом, и всяких чинов нашим великих государей ратным людем, и боярским слугам». На выручку царям призывались все, кроме московских и городских стрельцов и выборных солдат, квартирующих в столице.

Надворная пехота, названная в июньской Жалованной грамоте спасительницей государства, теперь объявлялась его смертельным врагом. Если бы окружную грамоту не опубликовал Медведев, можно было бы подумать, что ее сочинил Буганов: она точно излагает его концепцию Московского восстания 1682 г., настолько революционную, что умы большинства историков до сих пор не могут ее вместить.

Из пропагандистских идей, идущих красной линией в документах правительства с 17 сентября, в грамоте, разосланной на неделю или декаду раньше, отразились только три глухих ссылки на участие князей Хованских в восстании, где стрельцы и солдаты *действуют по своей инициативе*. Страна в первый и последний раз официально уведомлялась, что в Москве произошло восстание стрельцов, солдат и народа, и что оно временно победило.

После смерти Федора и воцарения Ивана и Петра (грамота обходит факт, что именно восставшие заставили возвести на царство Ивана), «московские стрельцы всех приказов и бутырские салдаты *по тайному согласию з боярином нашим с князь Иваном Хованским* (здесь и далее выделено нами. — А.Б.) нам, великим государем, изменили. И весь народ Московского государства возмутили», — объявляет грамота. Одна эта фраза, ставшая широко известной по публикации грамоты в «Созерцании» и по нему в Актах Археографической экспедиции (ААЭ, IV, 1836: 372–376), заложила основу будущей легенды о Московском восстании 1682 г. как инспирированной князьями «Хованщине».

Однако правительство к этой версии больше не возвращалось, а в самой окружной грамоте фактически ее опровергло подробным рассказом о самостоятельных действиях восставших в конце апреля и первой половине мая 1682 г. Грамота красочно описала события, о которых рассказывают русские и иностранные очевидцы (Буганов, 1969: 101–126, 144–160; Богданов, 1993, 1995; Богданов, 2021). Как «свою братью, старых московских стрельцов, которые к их измене не пристали и от того их унимали»¹,

---

¹ Речь идет о средних и младших командирах и их «ушниках».

они, изменники, *взбунтовався самовольством своим* ругательски побили, метав с съезжих изб. И учинили тем съезжим избам вновь воровские свои прозвищи — коланчи. А после того они ж, воры и изменники, били челом нам, великим государем, на полковников, которые у них в приказах были, будто в налогах своих и обидах. И начитали на них многия денежный взятки, и приходили о том к бояром нашим с великим невежеством и с большими вычеты, и просили их к себе в слободы — хотели побить до смерти», — рассказывает грамота о начале восстания.

Посылка для уговоров «к ним, ворам и изменником», в стрелецкие и солдатские полки архиереев и думных людей не спасла полковников от расправы. Напуганное правительство (еще Нарышкиных) пошло на уступки: «тем полковником по их стрелецкому челобитью учинено жестокое наказание: пред приказом биты батоги и посланы в тюрьму. А денежные взятки доправлены на них по их стрелецким скаскам сполна и отданы им. И они, воры и изменники, тем не удовольилися и учили приставать ко многим людям для задору разными своими воровскими вымыслы».

Достоверно описано в грамоте и взятие восставшими Кремля: «А после того, мая месяца в 15-м числе, они же, воры и изменники стрельцы и салдаты, собрався з знамены и з барабаны, с пушки, с мушкеты, с копья и бердыши, вменивше воровские свои затейные слова, чего не бывало¹, приходили в Кремль и на наш государской дом безстудным дерзновением. И пришед в наши великих государей царския полаты и хоромы, не страшая нашего величества персон, при нас, великих государех, в наших царских полатах бояр наших, и думных, и ближних людей поймав, ругательне побили и с палат пометали. А которые от их воровского безчеловечного убийства укрывалися в церквах божиих, и они, воры, для того в соборную и апостольскую церковь Успения пресвятыя Богородицы и в ыния церкви со окровавленными руками, с воровским своим ружьем, с копья и з бердыши и в самые олтари безстрашно входили и всякую святыню обругали, чего и басурмане творити страшатся. И побиша бояр наших, и думных, и ближних, и иных чинов многих людей. Над теми побитых телеса наче басурманов поругающесея, их пересекли в мелкие части и пометали на Красной площади². Да в то же время они же, воры и изменники, Судной приказ разорили, и всякия приказныя дела передрав пометали, и нашу великих государей казну розграбили без остатку»³.

Никакого участия Хованских не подразумевает и описание последующих событий: «А после того, мая же в 16-м и в 17-м числах, они же, воры и изменники, не насытятся тех невинных кровей, приходили на наш государской дом таким же безстудством и безстрашием с народом и со всяким ружьем. И в те дни по прежнему своему злему намерению многих людей побили, и телеса их побросали, и изрубя на Красной площади пометали. И тех всех невинно побитых дома разорили и пожитки всякия розграбили без остатку». Всё это соответствует рассказам свидетелей событий, переполненным ужасающими подробностями.

Цари, их тетки и сестры, — продолжает окружная грамота, — уговаривали восставших «множды, чтобы они от того невинного кровавразлития престали и от такова-

¹ Слова избранных в полках агитаторов к народу подробно пересказаны свидетелями событий (ПСРЛ, 31, 1968: 187–190; Россия, 1990: 80–85; и др.).

² Изрубление «в мелкие части» и поругательство мертвым телам «ноипаче иноверных» звучит рефреном в Хронографце 1682 г., где события описаны в близкой к грамоте последовательности, но со своеобразными подробностями (Богданов, 1988б: 106). Другой очевидец событий в Кремле добавляет, что обыску подверглась и патриаршая Крестовая палата; он также подчеркивает, что знатных людей рубили «в мелочь», «в мелкие части» (Богданов, 1979: 35–36).

³ О разграблении 15 мая Московского судного и Холопьего приказов, в которых «не осталось ни одного дела» и никакой казны, написали Медведев и Желябужский (Россия, 1990: 83, 204); о том же, в контексте описания казней, говорит разрядная записка «Смутное время» (Восстание, 1976: 278). Очевидец подробно описал разгром Холопьего приказа (Богданов, 1979: 36).

го своево своевольства пришли к познанию. И для успокоения тоя невинныя крове обещали им нашего государского жалованья по десяти рублей человеку». Но «воры и изменники, тое нашу государскую милость презревше, чинили все по своему воровскому намерению. После же того, исполнивше воровское свое намерение и многое кроворазлитие учинивше, о том нашем великих государей жаловании нам били челом з большими вычеты: бутто они побили тех бояр наших, и думных, и ближних людей за их измены, и тем они бутто оказали нам свою верную службу. И по нашему великих государей указу то наше жалованье дати им велено, да им же велено дати нашего же великих государей заслуженного жалованья со 181-го [1673] году. И они, воры, то наше великих государей жалованье имали с великою наглостию по своим скаскам, кому было и не довелось. И тем своим вымыслом нашу казну розобрали, и монастыри оскудили, и всему государству великую тягость и разорение учинили, понеже на тое их дачю, отлучающе их от кроворазлития и приводя ко успокоению, денежная казна имана на монастырех, и во иных местах, и у всяких чинов людей, где сколько сыскалося, с великою тягостию».

В отличие от сказки Хованским у смертной казни, которая будет оглашена через неделю, вины князя Ивана Андреевича в зафиксированном множестве источников разграблении казны, оскудении монастырей и частных лиц окружная грамота не усматривает. Жалованная грамота надворной пехоте и др., а также памятник победе восстания также возникли без участия Хованских: «И после того они же, воры и изменники, били челом нам, великим государем, чтобы им дати наши великих государей жалованные грамоты, что бутто они тех бояр наших, и думных, и ближних людей побили, служба нам, великим государем, и чтобы им на Красной площади учинити каменной столб, и тех побитых имена, и за что которые побиты на том столпе подписать. И обещались от того своево воровства совершенно отстать и быти во всяком нашем государском повелении и в послушании. И мы, великие государи, по тому их челобитью то все учинити велели для того, чтобы тем их, воров и изменников, от такова невиннаго и напрасного кровопролития успокоити».

По окружной грамоте, Хованские выходят на сцену в июле, в связи с бунтом староверов, и обвиняются по четырем пунктам: в покушении на Церковь, на царей и царство, в нежелании «унять» надворную пехоту и невыполнении государевых указов. Два первых обвинения противоречат двум вторым: если князья — враги Церкви и царства, то при чем тут плохая служба правительству? Составители окружной грамоты (технически это Шакловитый, выполнявший указания ближнего совета царевны Софьи из В.В. Голицына, В.Ф. Одоевского, М.И. Лыкова и А.И. Ржевского, И.Б. Троекурова, Б.В. Бутурлина, М.С. Пушкина, И.С. Хотетовского и И.Ф. Вольнского) попытались сочетать имевшийся у них Извет с составлявшимся ими же статьями приговора Хованским. Из будущей сказки у смертной казни в окружной грамоте отражены статьи 9 (о бунте староверов, ее исходная редакция приведена целиком) и 10 (об отказе послать полки против калмык и башкир по требованию, как мы помним, Я.Н. Одоевского¹). Но ясной позиции, заставившей правительство вскоре повесить все грехи на князей Хованских, у правительства еще не сложилось.

Главным врагом государства и Церкви являются в окружной грамоте «воры» (т.е. государственные преступники, вор в современном понимании именовался в XVII в. татем) и «изменники», которых правительство с этого момента отказалось именовать надворной пехотой. Именно «они, воры и изменники, тем всем не удоволься», после

---

¹ «А на Казанское наше царство наступили войною калмыки и изменники-башкирцы. И по нашему великих государей указу для обороны тех мест велено послати их стрелецкие приказы. И князь Иван Хованской их в те места для наши великих государей службы не отпустил и итти им заказал. И ныне в тех местех от тех воинских людей чинится великое разорение».

получения жалованных грамот и возведения памятника их победе, «по согласию с ... боярином князь Иваном Хованским и с сыном его князь Андреем, на наш государской дом, и на отца нашего и богомольца святейшаго Иоакима патриарха московского и всеа России, и на властей, и на бояр наших возмущали народы тайным лукавством х кроворазлитию, и многих людей, самовольно взяв без нашего великих государей указу, пытали и казнили».

На Церковь «ратовали» «он же, князь Иван, ... соединяся с проклятыми раскольники», которые «приходили для возмущения народов в Кремль же большим собранием» (далее по 9 статье), «а те воры и изменники», т.е. уже восставшие, «той ... наглой дерзости не заборонили».

Радикальное отличие от приговора Хованским имеет обвинение окружной грамоты в покушении на царство: «А после того те ж воры и изменники по своему воровскому совету з боярином с князем Иваном Хованским и с сыном ево князь Андреем мыслили на нас, великих государей, всякое зло. И бояр наших, окольных, думных и ближних людей хотели побить всех без остатку для того, чтобы им Московским государством завладети. И для того своего богоненависнаго соединения назвали они, воры и изменники, ево, князь Ивана, себе отцом. И ходят ныне по своим волям, и чинят казачьи круги, чего в Московском государстве никогда не повелось. И учинили себе в тех кругах воровския свои ясаки (ключи. — А.Б.). И всем всякого чина Московского государства людем нагло грозят воровскими своими копы и разорением. А в познание нимало не приходят и живут во всяком безстрашном самовольстве».

Если на царство покушается надворная пехота, назвавшая князя Ивана Андреевича «себе отцом», то в чем же роль Хованских? Лишь в том, что «он, князь Иван, от того их не унимает, и чинит им всякую помощь, и во всем на всякое зло и кроворазлитие он и сын его князь Андрей им, ворами и изменником, потакают, и нашим великих государей указом во всем чинятся противны». Цари «изволили» уйти из Москвы в Савво-Сторожевский монастырь не от заговора Хованских, а «не стерпевше их, воров и изменников, таких многих досад, и грубостей, и невинного кроворазлития».

Грамота откровенно лжет, утверждая, что бунт в столице продолжается в начале сентября со умножением. Когда царская семья покидала Москву, там было довольно тихо. Хованские *справлялись* с мирным сохранением двоевластия. Даже возмущение резким отказом правительства взимать деньги на дворцовых волостях не вылилось в беспорядки. Однако окружная грамота призвала дворянское ополчение именно *к войне* против двоевластия, обвинив в измене и восставших, и, затем, потакавших им Хованских, придававших действиям надворной пехоты легитимность.

«А князь Иван Хованской с теми ворами и со изменники ныне на Москве. — констатирует окружная грамота. — И чинят все по злему своему намерению: многих людей наглыми нападками разоряют и в напрасных поклепных исках бьют многих знатных и честных людей на правеже и всячески поругаются. А у иных из домов людей их и дворы насильно отимают и емлют себе без всякого страха и зазора. И от того ныне наше государство разоряетца, а посторонние неприятели, которые государству нашему издавна добра нежелательны, имеют себе то за радость, и умышляют над государством нашим всякие хитрости, и тщатся ко всякому злу»¹.

¹ В этом составители окружной грамоты были правы. Обе ветви нашей разведки, военной (Разрядного приказа) и политической (Посольского приказа) докладывали, что «посторонние неприятели» ободрены Московским восстанием чрезвычайно. Османская империя нарушила нейтралитет в нижнем течении Днепра, а ее диверсанты появились на русской Украине, куда слетались, не считаясь с жертвами, и польские шпионы, Швеция открыто концентрировала войска у наших границ, Бессильное в условиях восстания правительство царевны Софьи отправило ноту протеста только Швеции; шведы издевательски ответили, что хотят сражаться с Турцией на Украине, как будто интересов России там уже не было (Соловьев, VII, 1991: С. 355–424). Польский король Ян III Собеский, судя по бумагам, захваченным заграничным

Уверив, что Отечество в опасности, грамота призвала все категории московских и городских дворян, копейщиков и рейтар, солдат и всяких чинов ратных людей «тотчас безсрочно с великим поспешением во дни и нощи», «со всею своею службою и з запасы», собираться возле царей «для очищения от вышеписанных воров и изменников царствующаго нашего града Москвы, и для пойску над теми воры, и изменники, и ругатели, и для отмщения невинных крове», «чтобы скорым вашим собранием тех воров и изменников устрашити, и до большою дурна, и до разширения воровства не допустити, и наше государское здаровье уберечь».

«Для пойску над неприятелем» — стандартный оборот царских указов при отправке войск на войну. «Отмщение невинных крови» — формула тех же указов, применяемая только к злейшим врагам. «Для очищения ... царствующаго нашего града Москвы» — еще более сильная формула грамот Всенародного ополчения в Смутное время. В этом контексте заявленная цель собрания войск: «устрашить» восставших и «не допустить» расширения восстания, — звучит диссонансом. Однако этот диссонанс и составлял суть плана царевны Софьи со товарищи.

Грамота явно должна была произвести пропагандистский эффект и на восставших. В ней говорилось, что «мы, великие государи, ... для очищения нашего царствующаго града Москвы и для отмщения невинных кровей изволяем на тех врагов Божиих и наших изменников *итти нашею особою неотложно*». Это — объявление высшей формы войны: царского похода, подобного походу Алексей Михайловича на Речь Посполитую.

Соответственными были обещания «многих милостей» приехавшим на службу и «жестоккой казни без всякого милосердия и пощады» уклонившимся от мобилизации нетчикам. Понимая, что нетчики убеждены опытом, что «всех не перевешаешь» (да и не казнили их раньше), правительство объявило, что «и поместья их, и вотчины (неотчуждаемые наследственные земельные владения с крестьянами. — *А.Б.*) взяты будут на нас, великих государей, и отдадутся в роздачу тем, кто по нашему великих государей указу к нам вскоре приедет и будет до отпуску»¹.

Конечно, идти на Москву и штурмовать с помощью дворянско-холопского ополчения хорошо укрепленный город², занимаемый лучшими пехотными полками русской армии³, да еще при поддержке большого посада, было немыслимо. Недаром в

агентом В.В. Голицына вместе с личным секретарем короля, отправленным шпионить в Россию, как раз к сентябрю планировал вторжение, сигналом к которому будет мятеж смоленской шляхты: см. тайную инструкцию Яна III его секретарю от 28 июля и секретную грамоту короля мазовецкому воеводе от 28 июля 1682 г. (РГАДА. Ф. 79. Сношения с Польшей. Оп. 1. Ч. 5. Св. 1682 г. № 8, 18).

¹ Такому необычному обещанию никто не поверил. Даже более мягкий указ двух царей и царевны Софьи, отданный уже в Троице-Сергиевом монастыре, о конфискации четверти поместий «нетчиков», не явившихся в царские полки или сбежавших из них, не выполнялся (Восстание, 1976: 232–233).

² Укрепления Кремля, Китай-города и Белого города устарели, но возведенный в 1638–1641 гг. Земляной город (14 верст дерево-земляных укреплений с 57-ю башнями и 11-ю воротами) мог выстоять и пред современной осадной артиллерией. При этом основная часть русской артиллерии была в Москве, под контролем восставших. Полевые пушки имелись в полках пограничных разрядов, а по городам внутренних разрядов, где шла мобилизация, было разбросано лишь некоторое число старых стволов без полевых лафетов.

³ 18 сентября 1682 г., судя по адресам правительственных грамот, в Москве находилось 19 стрелецких полков численностью до 1000 человек каждый и 2 выборных солдатских полка, каждый более 2000, итого 23 тысячи бойцов (перечень полков: Буганов, 1969: 278; Восстание, 1976: 89–90). К ним надо прибавить очень мощную боевую единицу, Пушкарский полк: пушкари по документам лета-осени поддерживали восставших. В 1677 г. чуть более 2 тыс. выборных солдат с помощью буйных казаков защитили Чигирин от турецкой армии Ибрагим-паши при соотношении сил 1 к 8. В 1678 г. только приказ главнокомандующего заставил московских стрельцов и выборных солдат покинуть Чигирин, который при преимуществе 10 турок к 1 русскому штурмовала армия великого визиря Кара-Мустафы, того самого, кто в

войне с Турцией (1673–1681) дворянское ополчение, сотни которого В.В. Голицын в начале 1682 г., при отмене местничества, солидно назвал «ротами», не использовалось на основных театрах боевых действий.

Буганов, тщательно исследовав источники о мобилизации правительственных сил, отметил, что дворяне откликнулись на уснащенный щедрыми обещаниями наград призыв к оружию «с исключительным энтузиазмом». Но собирались они в поход, как всегда, крайне медленно. Дождаясь подмоги, цари были вынуждены, вместо того чтобы двигаться к Москве, перебраться в укрепленный Троице-Сергиев монастырь. Только через 13–20 дней после начала мобилизации, 26 сентября, правительство назначило воевод в полки, которые следовало сформировать.

В.В. Голицын, с 18 сентября в высшем военном чине дворового воеводы, командовал в Троице чинами Государева двора и иноземцами, которых спешно вызывали из Москвы и поместий¹. Боярин князь А.И. Голицын с товарищем, окольным князем К.О. Щербатовым, должен был собрать Северный полк в Клину и стать в 20 верстах от Москвы в селе Черкизово. Базой его формирования были города Дмитров, Кашин, Углич, Бежецкий Верх, Клин, Тверь, Торжок и Старица. Владимирский полк боярина князя П.С. Урусова и думного дворянина И.Д. Голохвастова собирался во Владимире, на базе Владимирского мобилизационного разряда (Владимирский, Суздальский, Юрьевский, Лухский и Шуйский уезды) и обязан был перехватить Владимирскую дорогу из Москвы в 40 верстах от столицы. Рязанский полк боярина А.С. Шеина и окольного князя Д.И. Щербатова охватывал Рязанский воеводский разряд (Рязанский, Коломенский, Каширский и соседние уезды), а возможно затрагивал и Тульский воеводский разряд. Он собирался в Бронницах и должен был занять Коломенскую дорогу у Боровского перевоза через Москву-реку, в 30 верстах от Москвы². Заозский полк во главе с боярином И.Ф. Волынским и окольным Б.В. Полибиным выдвигался по Можайской дороге к рубежу в 30 верстах от столицы. Полк должен был собрать дворян с боевыми холопами к западу от Москвы, в Звенигороде, Боровске, Борисове, Можайске, Рузе, Верее, Волоке-Ламском, Малом Ярославце, Калуге, Воротынске, Перемышле, Медыни, Лихвине, Мещовске, Мосальске, Серпейске и Козельске (Буганов, 1969: 290–291).

При всей истеричности призывов к мобилизации против «врагов Божиих» и государевых изменников, она не охватывала регулярные полки основных соединений русской армии: Белгородского, Севского и Смоленского разрядов. Отчасти это объяснялось волнениями служивых людей, особенно стрельцов, драгун, пушкарей и воротников в Белгороде, Севске, Одоеве, Смоленске, Переяславле и Киеве, Нежине, Чернигове и Батурине, Добром и Гремячем. С другой стороны, беспокойно было и в Новгороде, и в Опочке, а в Новгородском разряде мобилизация проводилась. Скорее всего, правительство Софьи, Голицына и Одоевских не решалось снимать полки с западной и юго-западной границ из-за явленной осенью 1682 г. польской, постоянной крымской и растущей турецкой угрозы. Служивые волновались также в Казани, Царицыне и Астрахани, казаки — на Дону, так что Казанский разряд был полностью занят борьбой с восстаниями и набегами кочевников. Тут и там вспыхивали, как обычно в смутные времена, бунты крестьян³.

1683 г. чуть не взял Вену. Пушкарский полк своим огнем обеспечил переправу армии Ромодановского через Днепр при активном противодействии турок и татар (Богданов, 2018б: 156–189).

¹ Разрядная запись о назначении Голицына «в своем походе быть в дворовых воеводах» с товарищами, боярином князем М.И. Лыковым, думным дворянином А.И. Ржевским и думным генералом А.И. Шепелевым: Восстание, 1976: 138. Документы о сборе в Троице московских дворян, иноземцев, новокрещеных начальных людей и даточных: Там же: 138–147, 150–161).

² Это подтверждает и грамота Шеину от 25 сентября (Восстание, 1976: 161–162).

³ О волнениях по всей европейской России: Буганов, 1969: 318–346).

Бросается в глаза, что названные в документах регионы мобилизации охватывают даже не все ближайшие, Замосковные уезды. Отсутствуют в списках для формирования полков, возможно, неполных¹, Ростов, Ярославль, Переяславль Залесский, Кострома, Галич, Серпухов, Балахна, Верея, Гороховец, Зубцов, Кинешма, Муром, Пошехонье², Романов и Великий Устюг. Подлинные разрядные записи до 5 октября и этого числа, повторяя сентябрьское расположение воевод и полков, уточняют и расширяют список уездов их формирования, включая города, удивившие нас своим отсутствием (Восстание, 1976: 162–163, 188–189). Но главное, что хотя часть дворян по призыву царей собиралась, дело шло неспешно. Командирам полков, вроде А.С. Шеина, приходилось выпрашивать у В.В. Голицына дворян московского списка для своего командного состава по одному (Буганов, 1969: 292), а значительная часть призванных оказалась в «нетчиках».

25 октября, *через месяц* после указа о формировании полков 26 сентября, оказалось, что, хотя мобилизация проводилась шире, чем ранее указывалось, сформировать и выдвинуть дворянские полки в намеченные места не удалось. Так, Владимирский полк П.С. Урусова, включив-таки дворян из Переяславля, Ростова и Ярославля, не вышел на Владимирский тракт, а окопался в Переяславле Залесском. А.С. Шеин с Рязанским полком, вместо Боровского перевоза, засел в Коломне. Заоцкий полк, который вместо И.Ф. Волынского возглавил боярин князь В.Д. Долгоруков, вместо выхода на Можайскую дорогу облюбовал себе Серпухов; сформироваться толком полк не смог, и ждал себе на подмогу дворян (но не полки) «Севского полку всех городов» (Буганов, 1969: 293).

Данные вновь не полны, но очевидно, что была отвергнута стратегически гибельная идея придвинуть полки к Москве, где каждый из них, уступая надворной пехоте даже просто в живой силе, подвергался опасности атаки из города, при невозможности для царских полков помочь друг другу. Заблокировать Москву никому не удавалось и в Смуту, а грозить восставшим своим присутствием для царской армии лучше было издалека.

Статистически успехи мобилизации были неплохи. Из 7625 дворян московского списка (без состоящих в службе и отставных) в Троицу и полки к 26 сентября прибыло 1114 человек, а к 26 октября собралось в сумме 5482 человека. С городовым дворянством всегда было хуже, но верится, что хотя бы половину их, с толпами холопов, правительству удалось собрать. Выходец из новгородских детей боярских Исидор Сназин записал, что из Новгорода пришло 40 тысяч «мужей храбрых» (ПСРЛ, 31, 1968: 201), а Н.П. Крекшин в XVIII в. оценил собранное Голицыным войско «до ста тысяч» (Крекшин, 1841: 51).

В это время датский посол Гильдебрандт фон Горн, не первый раз посетивший Россию и знавший русский язык, приехал из Смоленска сразу в Троице и предложил царям свою шпагу. В донесении королю от 23 октября он сообщил, что «собравшаяся здесь армия состоит из более чем 150.000 человек, а могла бы достичь и 200.000; лишь из-за трудностей с провиантом немалую ее часть оставили, и будут каждодневно и далее отпускать людей по домам» (Богданов, Возгрин, 1986: 85).

---

¹ Исидор Сназин в Мазуринском летописце и Сильвестр Медведев в «Созерцании» описывают несколько иную расстановку полков, состав их командиров и уездов для мобилизации (ПСРЛ, 31, 1968: 177–178; Прозоровский, 1894: 161).

² В Пошехонье воевода Иван Болховский уже 11 сентября получил разрядную грамоту с указом приготовить все дворянство к мобилизации, до последнего копейщика, рейтара и солдата, и ждать призыва, а дворян московского списка, которым пришла очередь служить в Москве (они служили по четверти года), послать не в царских поход, а в столицу (Восстание, 1976: 125–126). Т.е. под мобилизацию уезд сначала, по окружной грамоте, не попал, хотя список чинов точно ей соответствует.

Для регулярной армии цифры Горна были бы преувеличением. В 1680 г., на исходе войны с Турцией и после радикальной реформы царя Федора Алексеевича, мобилизовавшего дворян на обязательную регулярную службу, главнокомандующий В.В. Голицын вывел в поле армию в 129.300 человек, из которых 52,5 % составляли стрельцы и солдаты. Все вооруженные силы в европейской России (без Сибири), считая Государев двор с боевыми холопами и 4 полка регулярных казаков, насчитывали тогда 154.600 человек, плюс 10 тыс. конных даточных людей. Но стрельцы и солдаты, на которых правительство Софьи не могло положиться, составляли 49 % от этого числа (Богданов, 2018б: 204–205).

Однако мы, вслед за чиновниками царя Федора, посчитали сравнительно боеспособных людей. Для сбора же многочисленного, в 100 или даже 150 тыс., ополчения, довольно было обязать помещиков, монастыри и дворцовые села выставить побольше даточных людей, как в XVII в. часто и делалось (Чернов, 1954; Пенской, 2004). Значение такое войско имело символическое: численность заменяла качество. Но стоять на месте оно могло, и простояло «ради опасения» (по Медведеву) еще неделю после возвращения царей в Москву 3 ноября¹.

Если часть даточных и уездных дворян могли распускать по домам уже 23 октября, как пишет Горн², то дворянам московского списка указом царей и Софьи повелевалось оставаться в полку. На этот указ, данный в Троице-Сергиевом монастыре, где двор простоял с 18 сентября³ до 27 октября 1682 г.⁴, ссылались в конце года челобитчики московских чинов (от стольников до жильцов), тщетно ждавшие его исполнения. Указ, в отличие от окружной грамоты 6–10 сентября, обещал конфискацию не всех поместий и вотчин «нетчиков», но лишь четвертой части поместий дворян, не явившихся в царские полки или сбежавших из них, с раздачей честно несущим службу. Чтобы это обещание звучало убедительно, Шакловитый подписал *один* разрядный указ в Поместный приказ о конфискации и раздаче четверти поместий Никиты Бабаева. Поверив в свое счастье, дворяне, которые приехали в царский полк и стойко сопровождали царей, подали после возвращения царей в Москву 3 ноября 1682 г. гневную и явно не первую челобитную⁵, требуя провести конфискацию и раздачу. Интересно, что конфискация четверти поместий была обещана именно за «съезд без указа», а «многие» дворяне московского списка, по словам челобитчиков, бежали уже из Москвы, «убояся стрельцов».

Если такой страх *в царском полку* был после примирения правительства с восставшими в ноябре, легко представить себе моральное состояние дворянских войск в сентябре и октябре. Датский посол, оказавшийся среди отборных дворян полка В.В. Голицына в Троице примерно за неделю до своего отчета королю 23 октября, несмотря на ласковый прием у царей и оптимистичный тон бесед на русском языке с Украинцевым и Голицыным (на последней «за черным занавесом» присутствовала царевна Софья, которая «всем управляет»), оценил ситуацию как крайне рискованную.

«Здесь питали добрую надежду на то, что если бы удалось отправить стрельцов, после того как они запросят пардону, по указу их царских величеств служить в Казань,

---

¹ См. царскую грамоту из села Алексеевского о встрече государей 3 ноября в Москве (Восстание, 1976: 232). По разрядным записям 25 октября — 3 ноября 1682 г., 27 октября двор перешел из Троицы в село Воздвиженское, 30-го в село Братошино, 1 ноября в село Алексеевское, а 3-го оттуда в Москву (там же: 224).

² 23 сентября царская грамота за приписью Шакловитого отменяла указ о сборе конных даточных с монастырских вотчин во человеку со 100 дворов (Восстание, 1976: 217–218).

³ Согласно записям разрядного приказа (Восстание, 1976: 92–93).

⁴ Все источники указаны (Буганов, 1969: 313).

⁵ Разъехавшиеся по деревням «за то челобитье нас ... поносят а ваш ... указ ставят ни во что», жаловались дворяне царям и Софье (Восстание, 1976: 232–233).

Астрахань, Киев и другие города, то стрельцы были бы таким образом разъединены. Но на возможность осуществления подобного плана указывает немного. Если же их дерзость зашла бы так далеко, что они через несколько дней осмелились бы потребовать и остальных бояр — как Голицына, Одоевского и других — отдать им в руки, то пришлось бы это сделать» (Богданов, Возгрин, 1986: 85–86).

«Через несколько дней», вероятно, после того как надворная пехота привела Москву на военное положение 18 сентября, получив известие о казни Хованских, а царский двор заперся в Троице-Сергиевом монастыре, памятуя его крепкую оборону в Смуту. Риск того, что царица Наталия Кирилловна и ее сторонники в Думе потребуют выдачи восставшим членов правительства Голицына и Одоевских, лишая власти стоящую за ними царевну Софью, нельзя было исключить. Но панические настроения части чинов двора (большинство которых из Троицы не сбежало), переданные фон Горном, не означали, что в страхе пребывало *правительство*, которое четко и неуклонно вело свою игру.

Царевна Софья с мужами ее совета исходила из понимания психологии надворной пехоты, в сознании которой идея царской службы была первичной, а идея ответственности за государственную справедливость, ярко проявившаяся в 1682 г., — вторичной. Окружная грамота 6–10 сентября, объявившая спасителей России (по Жалованной грамоте 6 июня) бунтовщиками и врагами государства, должна была постепенно стать известной в Москве и возбудить основной страх восставших — оказаться бунтовщиками (каковыми они на самом деле являлись), а не верными слугами престола и Отечества.

Открыто и прямо обвинить стрельцов и солдат, даже не упоминая поддерживавший их московский посад, в бунте и начать против них священную войну, значило объединить их в едином страхе и гневе, т.е. заставить драться насмерть, при отсутствии такой острой мотивации у собираемого против них ополчения. Дворяне и их боевые холопы, не говоря уже о даточных, не вполне готовы были служить, перенося тягости, и тем паче не готовы умирать. Этот путь был бы самоубийственным и для правительства, и для восставших, если бы их, как антибоярских ополченцев в Смутное время, не поддержало земство, что при отсутствии внешнего неприятеля представлялось сомнительным.

Самоубийц, вроде боярина А.С. Матвеева, который в начале мая 1682 г., вернувшись из ссылки и возглавив правительство, обещал бунтовщиков перевешать, не имея на это реальных сил, в совете царевны Софьи не было. Наметив, в виде слухов, которые обязательно должны были пойти в столице через некоторое время после рассылки окружной грамоты 6–10 сентября, один, крайне жесткий вариант отношения царей к надворной пехоте, правительство Софьи предложило и упорно внушало восставшим другой вариант: отказаться от власти и служить царям по прежнему, как до восстания, списав все его события на заговор князей Хованских. Извет и менее внятные обвинения против И.А. Хованского в сказке у смертной казни стали центральным звеном правительственной пропаганды и важнейшим условием *перемирья*, которым завершилось на деле Московское восстание 1682 г.

Без окружной грамоты, объявившей восставших врагами царей, веры и Отечества, Извет на Хованских, переложивший эту вину на князей, не сработал был. Задачей правительства было заставить восставших сдаться, отказавшись от влияния на приказы, от Жалованной грамоты 6 июня, памятника победе над боярской изменой и самой идеи этой измены, от чести надворной пехоты, повышенного жалования и выбивания иных доходов, от службы исключительно в столице, без изнурительных «посылок» на окраины по году и более, от всевластия, как сил закона и порядка, на улицах, и т.п. Восставшие получали только одно: возвращение старых времен и порядков, которые привели

их к восстанию, только без крайнего своеволия и жестокости начальников. По замыслу, который Сильвестр Медведев целиком приписал «премудрой» царевне Софье¹, правительство взамен отказывалось считать их бунтовщиками и прощало их «вины».

Аналогично дворянство, как собранное правительством в полки, так и обязанное в отдельных уездах ожидать призыва², получало не только награды за службу (достаточно скромные³), но и избавление от страха, пронизавшего его с середины мая 1682 г. и не отпускавшего в полках в сентябре, октябре и даже после возвращения царей в Москву в ноябре. Страх реального боя с надворной пехотой был обоснован, особенно для воинов, имевших опыт службы в регулярных полках во время турецкой войны, а ужас социального взрыва за спиной дворян, в их поместьях, всерьез преследовал господствующее сословие со времен грандиозного восстания С.Т. Разина.

Только способность правительства Софьи покончить с опасным делом *без новой гражданской войны*, в которой дворяне имени сомнительные шансы на успех, оправдывала в их глазах тот факт, что восстание в Москве не было подавлено, не завершилось, как принято, казнями бунтовщиков⁴. Для вставших на защиту царей и Отечества это было, конечно, неправильно, но не возмутительно, потому что они исполнили свой долг и неожиданно остались живы.

Расчет Софьи и ее сподвижников, понимавших психологию участников борьбы и совместивших угрозу войны с мирными предложениями, был идеален. По этому расчету, правительство побеждало, получая всеобщую благодарность за избавление от лютого страха, который само создавало для выхода из двоевластия. Такой план имел лишь один недостаток: смертельный риск для самих членов правительства.

Здесь полезно вспомнить, что В.В. Голицын и подавляющее большинство в его окружении были людьми военными в той же, если не большей мере, чем придворными. У московского дворянства, а среди аристократии особенно, военная служба значила для чести много больше, чем гражданская. Далеко не все были героями, способными с саблей в зубах переплыть на коне озеро и атаковать польскую шляхту в ее логове⁵, или отбить у королевской армии 8 знамен, сражаясь против нее три месяца в крошечной крепости, или в одиночку войти в восставший Псков с требованием выдать на казнь зачинщиков бунта⁶. Но в то же время мало кто был готов кланяться ядрам и пулям.

Из ближнего окружения князя «необстрелянными» или, по крайней мере, не побывавшими в смертельных переделках во время тайных миссий (как Украинцев) были только двое: царевна Софья и Шакловитый. Последний, кроме того, что был превосходным организатором, показал себя и как отчаянный авантюрист. Эти качества были взаимосвязаны: Федор Леонтьевич чувствовал себя в силах исполнить любой приказ царевны. Надо убрать Хованских? 17 сентября 1682 г. Шакловитый читает им спешно составленный приговор и заранее заготовленный Извет. Усмиренные, но не наказанные за восстание стрельцы представляют для правительства огромную опасность? 10 декабря 1682 г. думный дьяк возглавил Стрелецкий приказ (Богоявленский, 2006: 165), разработал и за несколько лет осуществил план нейтрализации стрелецких и солдат-

---

¹ Ставку на «премудрость» царевны Сильвестр сделал еще в ходе Московского восстания 1682 г. (Богданов, 1984б: 45–52), — и затем концепция власти премудрости над Российским царством стала весьма популярной (Богданов, 1994; Богданов, 1999).

² Например, в Пошехонье (Восстание, 1976: 125–126).

³ В.В. Голицын получил «придачу» к окладу 150 руб., другие бояре по 100 руб., кравчие по 80 руб., окольные по 70 руб., казначей, постельничий и думный генерал по 65 руб. и т.д. (Восстание, 1976: 267).

⁴ Это было настолько необычно, что ряд русских и иностранных авторов отказывались такому верить и выдумывали казни: интересная тема для отдельного исследования.

⁵ Как князь Г.Г. Ромодановский.

⁶ Оба подвига принадлежат князю Ф.Ф. Волконскому Шерихе.

ских полков, тихо исключив из их состава и разослав по стране выявленных им смутьянов¹.

Сделавшись думным дворянином, Шакловитый взял в свои руки учёт кадрового состава всей администрации, распространил свое влияние на множество внутри- и внешнеполитических дел, наконец, по словам князя Б.И. Куракина, вытеснил В.В. Голицына из спальни и «конфиденции» Софьи Алексеевны². Последнее спорно: и примерный семьянин Голицын (1643–1714), и его ровесник Шакловитый (середина 1640-х — 1689) не нуждались для карьеры в «плезирах ночных» с царевной. Оба отличались от большинства фаворитов XVIII в. тем, что добились успеха отнюдь не через постель. Впрочем, такое опасное приключение было бы в духе Федора Леонтьевича. Летом 1687 г. он, как д'Артаньян, с личным заданием Софьи за несколько суток доскакал, меняя коней, из Москвы к бредущей из горящих Крымских степей армии Голицына, и причина отступления с большими потерями мигом нашлась: «измена» гетмана И. Самойловича³. Казаки сами выдали гетмана дворовому воеводе и избрали И.С. Мазепу (Соловьев, VII, 1991: 382–390).

Эту миссию Шакловитый осуществил в сотрудничестве с Голицыным, но в 1688 г. он по указу Софьи через голову канцлера строил с Мазепой планы захвата Крыма и похода на Стамбул (Востоков, 1880). Это было начало авантюрных деяний Федора Леонтьевича, идущих вразрез с взвешенной политикой Голицына. Он, в интересах Софьи, мимо Посольского приказа распорядился о срочном заключении Нерчинского мира с Китаем на любых условиях (Демидова, 1973: 301–302, 305–306). С его подачи западная печать наперегонки с политиками Империи обсуждала в 1688–1689 гг. «планы» русского господства над Царьградом, означавшие, что одна только Россия будет «щитом» всего европейского христианства от турок (Богданов, 2003; Богданов, 2007). По его заданию амстердамский бургомистр Николай Витзен издал, распространил в Европе и прислал в Россию коронационный портрет славной воительницы Софьи, в пару к которому Федор Леонтьевич изобразил на отдельной гравюре и себя в латах, в образе св. Феодора Стратилата, с новоприобретенным гербом (Богданов, 2001: 189–199, 265–278). Интересно, что подготовка общественного мнения к коронации Софьи с помощью русских и иностранных политических гравюр велась без Голицына: его парадный портрет (тоже с гербом) был издан отдельно (Богданов, 1981). Только свержение правительства регентства остановило бурную деятельность ближнего окольного Шакловитого, потерявшего голову на плахе.

Не слышавшая свист пуль на войне, как и Шакловитый, царевна Софья Алексеевна (1657–1704) не была типичной девушкой даже в царской семье. В мае 1682 г. вид окровавленного оружия и жестоких убийств заставил ее не жалобно плакать, отмаливая у восставших чьи-то жизни, как делали другие царевны и царицы, а четкими предложениями восставшим взять ситуацию под контроль, к лету установив от имени царей систему двоевластия. Летом она *лично* одолела в Кремле толпу староверов, мужей крепких, готовых за веру и убить, и пойти в огонь, сама нашла и уговорила стрельцов, кото-

¹ Он занимался и подметными письмами (Восстание, 1976: 28–29).

² «Надобно ж и о том упомянуть, — заметил князь, познакомившийся с нравами французского двора, — что в отбытие князя Василия Голицына с полками в Крым, Федор Шакловитый весьма в амуре при царевне Софии профитовал, и уже в тех плезирах ночных был в большей конфиденции при ней, нежели князь Голицын, хотя не так явно» (Россия, 1990: 294). Из контекста не ясно, какой имелся в виду Крымский поход, но на Куракина наибольшее впечатление произвел первый (1687), и именно с этого времени заметно, что Шакловитый вел самостоятельную относительно Голицына политику.

³ Миссия Шакловитого 1687 г.: РГАДА. Ф. 123. Сношения с Крымом. Кн. 78. Ч. VI; св. 1687 г. № 2; ф. 210. Разрядный приказ. Оп. 9. Столбцы Московского стола. № 703. Св. 3.

рые отрубят голову их лидеру¹. Хладнокровие в опасности и ответ на вызов отчаянной атакой сделали бы ее на войне подобной майору Г.И. Косагову (в 1682 г. уже генералу и думному дворянину), который в ответ на приказ Крымского хана убить его в Сечи атаковал с малым отрядом Перекоп, где засел хан со всей ордой, вспорол в поисках хана подушки в его дворце, а потом сумел уйти, взяв пленных. 17 сентября 1682 г., отметив в храме свое 25-летие, Софья лично угостила водкой высшие чины двора, проследив, чтобы все они тут же приняли участие в казни князей Хованских. Она знала, что казнь вызовет взрыв в Москве, и была готова бестрепетно встретить опасность своей пышной грудью.

Деятельность Софьи и ее правительства по «утишению» Московского восстания хорошо описана Сильвестром Медведевым и Бугановым (Россия, 1990: 141–200; Буганов, 1969: 278–313). Нам важно отметить, что центральное место в правительственной пропаганде занимали обвинения против Хованских, изложенные в Извете и сказке у смертной казни. Они позволяли снять с надворной пехоты обвинение в восстании, переложив его на князей, и на этом примириться. Однако сделать это оказалось непросто.

17 сентября, в день казни Хованских, была послана грамота патриарху Иоакиму для объявления всему духовенству и другая, в «надворные пехоты и в салдацкие во все полки». Сгоряча последнюю велели в Москве «распечатать», но Шакловитый вовремя спохватился, что это затянет дело. Его приказные переписали экземпляры для каждого полка (состав их указан) и отправили всю кипу в Москву к исполнявшему обязанности ее управителя думному дворянину И.И. Сухотину (Ф.Ф. Куракин, как указано в разрядной записи, сидел в деревне, а его товарищ боярин М.П. Головин только что выехал в Москву)².

Грамоты были стереотипны, и к каждой прикладывался, со ссылкой в тексте, список Извета³. Разница грамот патриарху и в полки была только в финальной части. Духовенству предлагалось «явную измену» Хованских «и на наше великих государей здоровье злой умысл и под государством нашим подыскание» «объявлять», а надворной пехоте «ведать».

Весеннее восстание в грамотах 17 сентября вообще не упоминалось, а участие стрельцов и солдат в летнем двоевластии и сам факт его существования отметились путем возложения всей вины на И.А. Хованского. Якобы тот, «будучи в приказе Надворная пехоты, всякие дела делал по своим прихотям, без нашего великих государей указу, самовольством своим», царям «на надворную пехоту приносил многие лживые слова, чего от них не бывало, а от нас ... выходя к ним, говорил многие же слова на смуту ... и иные всякие дела делал умыслом своим, противяся нашему ... указу». Кроме того, 2 сентября «в селе Коломенском объявилось у передних ворот прилеплено письмо, а в том письме написано, что он, князь Иван, с сыном своим князь Андреем, умышляют на наше великих государей здоровье и на державу нашу злые хитрости, хотят нас, великих государей, извести, и государством нашим завладеть, и быть на Московском государстве государем».

Казнь И.А. Хованского с сыном как ответственных за все заговорщиков позволила правительству в финальной части грамот в полки сделать надворной пехоте мирное предложение: «Чтобы вы никаким ево и детей и родственников ево прелестным и лукавым словам и письмам не верили, и на себя наши великих государей опалы и ника-

---

¹ В 1685 г. Софья утвердит «12 статей», по которым староверов станут казнить массово (ААЭ, 4, 1936: 419–422).

² История и тексты грамот 17 сентября в разрядных записях (Восстание, 1976: 86–90).

³ Все эти грамоты известны нам в черновых отпусках, к которым Извет не приложен. Он, согласно разрядным записям, хранился в оригинале в походной канцелярии («столе») Разрядного приказа в отдельном «мешочке».

кова гневу не опасались и никакова сомнения в том не имели, потому что нашего великих государей гневу на вас нет, и вы б в том однолично на нашу великих государей милость были надежны безо всякого сумнительства и опасения». Грамоты о казни Хованских являлись, очевидно, частью четвертой стадии плана борьбы с восстанием, сочтённой избавлением от князей с умиротворением надворной пехоты.

Важно отметить, что грамоты 17 сентября решали тактическую задачу – предотвратить взрыв возмущения казнью Хованских – не упоминая главного вопроса о судьбе завоеваний восставших. И, возможно поэтому, конкретной цели они не достигли. Москва весьма организованно восстала в ночь на 18 сентября (Буганов, 1969: 281), получив известия о казни Хованских. Восставшие, причем не только надворная пехота, но и посадские люди, вновь проявили невероятную организованность, глубоко поразившую современников еще 15 мая, в день их первого похода на Кремль.

Те события многие русские и иностранные современники связали с интригами царевны Софьи и ее родственника, боярина И.М. Милославского (Богданов, 2020а), не в силах поверить, что корпорации служилых по прибору и черных людей были способны к самостоятельным и дисциплинированным действиям. Не верили, или, как Богоявленский (Богоявленский, 1941) и Буганов, не полностью верили в это и историки. На таком неверии, кстати, была основана версия «Хованщины», выдвинутая правительством Софьи. Однако 18 сентября 1682 г. Милославский, нахватывая себе постов в конце мая, был вообще не у дел¹, Софья в этот день бежала вместе со всем двором под защиту стен Троице-Сергиева монастыря, Хованский был без головы, а надворная пехота и московский посад действовали *еще более организованно*, чем в мае.

По рассказу Исидора Сназина в Мазуринском летописце, восставшие получили весть о казни Хованских от князя Ивана в шестом часу ночи на 18 сентября, т.е. в час ночи по нашему счету, а уже час спустя ударили в набат на Спасской башне (ПСРЛ, 31, 1968: 178). По Медведеву, поскольку «на Москве никого в правлении бояр не осталось», несколько сот служилых подняли с постели патриарха Иоакима и в Крестовой палате требовали от него объяснений действиям правительства. Не получив их, они почли за лучшее исходить из худшего, и поставили всю столицу под ружье (Россия, 1990: 142). Рассказы современников, подкрепленные разрядными записями (Восстание, 1976: 90 и далее), рисуют самую печальную для правительства картину.

Все полки надворной пехоты мгновенно вооружились и расставили по Москве усиленные караулы. Они открыли Пушечный двор и развезли дополнительную, к имеющейся в полках, артиллерию с боеприпасами по всем укрепленным рубежам столицы, от Земляного города до Кремля. Из арсеналов, предназначенных на случай войны, извлекли запасы оружия: мушкеты, карабины, сошки под них, бандалеры (своеобразные патронташи), порох, свинец и фитили; частью довооружили полки, часть роздали «разных чинов людям» из посада.

Первой мыслью восставших был поход на село Воздвиженское, но после советов во всех полках был принят оборонительный план. Семьи и пожитки надворной пехоты переместили из слобод за каменные стены Белого города, а главным рубежом обороны сделали Земляной город, который дополнительно укрепили. По всей Москве на улицах построили надолбы. На это ушел едва ли один день. При этом восставшие позаботились и о строгой охране порядка, и об отлове правительственных агентов, и о проверке всех въезжающих в Москву.

Медведев отметил важнейшую черту событий: разделение страны по сословному признаку, такое же четкое, как в царской окружной грамоте 6–10 сентября. В Москве, по его словам, «кроме стрельцов и посадских людей никого иных людей тогда

---

¹ Изученные нами изменения состава правительства в 1682 г. были в основных чертах описаны еще Богоявленским, но доселе не привлекают от внимания исследователей.

не обретахуся»¹. Под сомнением, как и во время бунта староверов, была даже посредническая функция патриарха. С одной стороны, представители восставших, при отсутствии в столице бояр и дворян, требовали от него отвечать за действия правительства. С другой — просили писать «на Украину грамоты, чтобы к нам служивыя люди шли против бояр на помощь». С третьей – «говорили: “Возьмем патриарха и убили, ибо и он з бояры на нас заодно стоит и советует!”» (Россия, 1990: С. 142).

Правительство тем временем думало не о наступлении на Москву, для которого у него не было (и в дальнейшем не набралось) сил, но о бегстве за крепкие стены Троице-Сергиева монастыря по вестям, «что стрельцы, все приказы, со многим с нарядом на три дороги с Москвы идут» (ПСРЛ, 31, 1968: 178). Решение это, открывшее пятую стадию борьбы с восстанием, было верным, хотя неизвестно, насколько предусмотренным. Барабаны, бьющие сбор, стройные отряды надворной пехоты с оружием и пушками, грохот выстрелов из проверяемого тяжелого и ручного оружия, идущий слух, что «бояре без государского указа хотят нас, пришедше к Москве войском, порубить», требования к патриарху, под страхом смерти, вернуть царей в столицу, – все эти впечатления, доходя до Троицы в умноженном страхе, создавали в царском лагере довольно нервную атмосферу.

В этих условиях правительство Софьи вело, а Разрядный приказ под началом Шакловитого продолжал четко фиксировать линию на идейное разоружение восставших путем отрицания их ответственности за «бунт» с помощью выдуманного заговора Хованских. Обмануть эта версия могла лишь тех, «кто сам обманываться рад», но царевна с единомышленниками старательно создавала ситуацию, в которой таких становилось всё больше.

Правительство в селе Воздвиженском в разрядных записях и грамотах связало восстание 18 сентября с «затейными словами» Ивана, младшего сына И.А. Хованского, «будто отец его и брат казнены без их, великих государей, указа и без розыску». Действительно, в Москве снова, как в мае, заговорили о захвативших власть «изменниках боярах», конкретно называя Одоевских и Голицыных (Буганов, 1969: 280). Но дело было вовсе не в сомнениях о законности казни Хованских, как пытались показать правительство, упорно избегая всякого упоминания об интересах и достижениях восставших, которые слом двоевластия поставил под вопрос. Хотя высшая, царская власть, была теперь оторвана от восставших, страна была разделена на два лагеря до тех пор, пока восставших не удастся победить, что было практически невозможно, или уговорить, что было весьма трудно.

Переговоры правительства с восставшими, подробно описанные Сильвестром Медведевым, который был их свидетелем, живя в Заиконоспасском монастыре на Никольской улице и печатая царские грамоты в Верхней типографии в Кремле, и Бугановым, впервые погрузившимся в весь массив приказных документов и свидетельств современников 1682 г., выглядят совершенно непонятными, если не разделить их поверхностную часть, привязанную правительством к судьбе Хованских, и сущностную, связанную с основными интересами восставших. Первые вроде бы благополучно закончились 3 октября, когда стрелецкие выборные пришли к царям, принесли повинную и получили статьи о прощении. Вторые – лишь после 3 ноября, когда стрельцы и солдаты сдали летние жалованные грамоты государей и получили новые жалованные грамоты с

---

¹ Выборных солдат Медведев в описании этих событий упоминает вместе со стрельцами («и на Бутырках салдаты сотворили такожде»), а довольно крепкую корпорацию ямщиков не упоминает вовсе, хотя их слободы окружали Москву вперемешку со стрельцкими. Поведение ямщиков, отмеченных как привилегированное сословие в летних Жалованных грамотах, должно стать темой специального исследования. Но вряд ли оборона Москвы была возможна без их участия, в частности, в эвакуации семей в Белый город (Россия, 1990: 143–145, цит. 144).

пересмотренными мотивами и результатами восстания. Обвинения против Хованских и оправдание их казни формально объединяют эти переговоры, принципиально разные по существу.

Грамоты от 18 сентября, размноженные в нужном числе несмотря на идущий переезд в Троицу, повторяли уверения грамот от 17 сентября, что во всем виновен И.А. Хованский, а на надворную пехоту «нашего великих государей гневу ... нет». Но если в прежних грамотах говорилось, «чтобы вы никаким ево и детей и родственников ево прелестным и лукавым словам и писмам не верили», то теперь конкретно предлагалось «не верить» изменничьим словам младшего князя Ивана Хованского «и родственников ево», которые вызвали в Москве «смятение ... и ... опасение от наших великих государей ратных и от боярских людей» (как будто эти ратные люди и холопы не созывались для того, чтобы вызвать опасение). Грамоты требовали, чтобы стрельцы и солдаты «на себя наши великих государей опалы и никакова гневу не опасались, и в том на нашу великих государей милость были однолично надежны безо всякого размышления». То же повторялось слово в слово и в грамотах от 19 сентября (Восстание, 1976: 90–94).

Уже 18 сентября надворная пехота потребовала от патриарха, чтобы цари вернулись в Москву, а от представителя правительства Ивана Сухотина, распространявшего в Москве царские грамоты, чтобы из их выборных, присутствовавших в царском походе, «отпустить к ним к Москве дву или трех человек для ведомости» (Восстание, 1976: 92, 94; Россия, 1990: 143).

Осознав масштаб нового восстания, правительство 19 сентября создало новую серию грамот к патриарху и во все полки (Восстание, 1976: 94–98). В них, повторив милостивые слова прошлых грамот и подробно расписав действия восставших по обороне Москвы, Софья со товарищи делала от имени царей три важных предложения.

Первое, чтобы представители надворной пехоты в казнь Хованских «не вступались, потому что измена их по розыску и по подлинному свидетельству нам, великим государям, известна и всем людям явна, и та казнь учинена им по нашему великих государей указу, и суд о милости и о казни вручен от Бога нам ... а им о том не токмо говорить, — и мыслить не довелось, и дела им да того никакова не достало». Признав списание правительством всех событий весны и лета 1682 г. на заговор Хованских, надворная пехота должна были поверить, что на нее-то никакого гнева и опалы за прошедшее нет. Конечно, это была ловушка: вместе с «изменниками» Хованскими списывались и достижения восставших как спасителей Отечества от «боярской измены», — но об этом в грамотах никакой речи не было.

Второе предложение состояло в «послушании» царской воле: прекращении «смятения» в Москве и немедленной отправке полков на службу в Киев. Отправка полков из Москвы, из-за которой вспыхнули волнения еще в августе, была позицией запросной: все понимали, что она трудно выполнима. А вот отмена военного положения в столице, создающего много трудностей самим восставшим, была, на взгляд правительства, достижима. «А что они ныне смятенье учинили, — говорила грамота к патриарху Иоакиму, — и то учинилось по смуте князь Ивана Хованского, и они б за то наши великих государей опалы и гневу на себя не опасались и были в том на нашу великих государей милость надежны». — То есть и события мая-августа, и восстание сентября 1682 г. были объявлены виной князей Хованских, а вовсе не надворной пехоты.

Третье предложение состояло в том, чтобы служилые всех полков прислали в царский поход в Троицу своих выборных людей для челобитья о всех своих «делах». Проще говоря, для переговоров об условиях подчинения правительству. Предложение было лестным и практически неотразимым. Менее всего надворная пехота, считавшая

себя столпом закона и порядка в государстве, желала начинать гражданскую войну против собственных царей.

Условием прибытия челобитчиков в Троицу, как вскоре оказалось, была сдача оружия и запасов на Пушечный двор и казенные склады. Это не было выполнено до примирения 3 октября, но постепенно осуществлялось до конца месяца (Буганов, 1969: 284). А также подача слезной челобитной о прощении и пощаде, которую к началу октября удалось организовать в солдатском выборном полку Родиона Жданова (Восстание, 1976: 98–99). Слезница эта, на которой были основаны «статьи» о мире с восставшими 3 октября (Там же: 100–107), не вполне отражала суть переговоров правительства с надворной пехотой и московскими посадскими людьми, изложенными в их челобитных и царских грамотах последней декады сентября.

В грамоте от 21 сентября к гражданскому населению Москвы¹ кратко перечислены обвинения Хованским по приговору и Извету (приложенному целиком, хотя в тексте его нет). Затем рассказано, как надворная пехота по «смутным словам» Ивана Хованского установила в Москве военное положение, «неведомо для чество», «и от того в царствующем нашем граде Москве чинитца великое смятение и людем страхование». Грамота, выдавая желаемое за действительное, «похваляет» москвичей за то, что они, якобы, царям «служат верно и никаким прелестным и смутным словам не верят». Смысл ее распространения был в том, чтобы объявить весь московский посад невиновным перед царями и, таким образом, отворотить хотя бы часть его от восставших.

В свою очередь 25 сентября все служивые по прибору Москвы² подали царям «скаску», что они, как и их предки, всегда служили царям «безызменно» и обещают так же служить впредь «безо всякие шатости». Говорящих «какие злоумышленные слова» на царей, бояр, думных и ближних людей они будут сажать под арест в съезжие избы, «а у нас ... на их царское величество, и на бояр, и на думных и на ближних людей никаково злоумышления нет и впредь не будет. А что великих государей казну, пушки и порох, свинец и фетиль для опасения побрали», так это из-за слов Г.П. Языкова (а не И.И. Хованского), «что многое собрание у бояр есть и хотят ити к Москве на нас, надворную пехоту, боем. А та великих государей ратная казна ныне в полках в целости». Говоря кратко, служилые по прибору ни в чем вообще не виноваты, хорошо вооружены и царям не противятся: «готовы» быть на службе в Киеве (куда не отправились).

Царская грамота от 28 сентября патриарху Иоакиму об условиях прощения восставших (Восстание, 1976: 168–170) включала и эту «скаску», и неведомую даже в списке (но лишь бегло пересказанную) челобитную полка Жданова, поданную, как выясняется, «великим государям словесно» (в отличие от заверенной «скаска за руками» от всех полков). Только устно и лишь от одного полка цари получили просьбу «вины им отдать».

Правительство требовало таких челобитных от всех полков и отмены военного положения в Москве, однако не рисковало далее настаивать на возвращении оружия и боеприпасов в арсеналы³. Фактически, прощение восставшим было обещано без серьезных условий, при одном только прекращении ими текущего возмущения в столице и словесного признания неких неясных «вин»: «Как они ... от смятения и шатости пре-

¹ Адресатами ее были гости, Гостиная, Суконная и черные сотни, Кадашевская, Хамовная и Мещанская слободы, дворцовые и конюшенные люди (Восстание, 1976: 149–150).

² Перечислены: надворная пехота, выборные солдатские полки (в данном случае оторванные от надворной пехоты из стрельцов), пушкари, гранатчики, воротники и ямщики (Восстание, 1976: 157).

³ «А которые пушки и всякие пушечные запасы с Пушечного двора розвезли они к себе по полком, тако же де и которое ружье, и зелье (порох. – А.Б.) и свинец, и фетиль из нашея великих государей казны разобрали по себе и роздали розных чинов людем без нашего великих государей указу, и то бы все у них было в целости до нашего великих государей указу», – гласит грамота патриарху.

станут совершенно безо всякого умысла и хитрости, и по нашему, великих государей, милостивому указу вины их им будут отданы».

Медведев рисует сцену приема челобитчиков царями 27 сентября, с пламенными речами царевны Софьи, призывавшей их «убояться» и Бога, и огромного царского воинства, отказаться на царей «войною воровски на погубление ити». Тут стоявшие «с главами поникъшими» челобитчики твердят, якобы, одно: «Винни есми, винни! Согрешихом. Согрешихом! Бога и ваше величество прогневахом, прогневахом!». И сразу же подают «скаску» от 25 сентября, что они ... ни в чем невиновны! Софье приходится произносить еще одну пламенную речь, требуя от всех полков «виновного вашего челобитья». А если его не будет, «не благо вам будет, ибо великие государи пойдут силою мною неисчислимаго воинства на вас» (Россия, 1990: 154–157).

Вероятно, снятие со служивых обвинений в обоих восстаниях, приписанных правительством Хованским (хотя по мнению восставших, сентябрьский всполох вызвал Языков¹), и в то же время требование к ним повиниться, имело психологический смысл, как форма разрешения ситуации миром. Восставшие приняли этот призыв Софьи достаточно иронично.

В единственной сохранившейся (в «Созерцании» Медведева) челобитной от 1 октября (Стремянного полка Н.Д. Глебова) почти дословно повторена «скаска» от 25 сентября с уточнением обвинения против Г.П. Языкова. Он «сказывал в Васильеве полку Лопухина надворной пехоте чтобы во все полки дати ведомость, бутто нас, холопей ваших надворную пехоту, бояре Одоевские и Голицыны хотят со многим собранием рубити, и чтобы мы засели в Москве, а он, Григорей, с нами же. А по дорогам де стоят всяких чинов люди боярские с ружьем и хотят ити к Москве на нас, холопей ваших, боем, и дворишки наши пожечь. А у нас, холопей ваших, на ваших великих государей бояр, и на думных и ближних людей, и на весь ваш великих государей сигклит и ни на кого, и на дома их никакаваго злаго умышления, и думы, и грабительства не было и впредь не будет».

Надворная пехота, как видим, ни в чем не виновна, но коли правительству так нужна была ее просьба о прощении, то привилегированный Стремянный полк в конце приписал то-ли прочувствованное, то-ли насмешливое обращение к царям Ивану и Петру: «Пожалуйте нас, холопей своих, для Спаса и пречистые Богородицы, и для московских чудотворцов, и для преподобнаго отца Сергия чудотворца, и для своего государского многолетнего здравия. Призрите, великие государи, нас, холопей своих, своею государскою пресветлою милостию! Не послите, государи, праведного гнева своего на нас, холопей своих, чтобы нам, холопом вашим, во всем на вашу, великих государей, милость быти надежным и, видя ваше государское величество в вашем царствующем граде Москве, нам, холопом вашим, з женишками и з детишками своими всем возрадоватися» (Россия, 1990: 158–160; Восстание, 1976: 176–177).

Как справедливо заметил Медведев, возвращение царей в Москву, о котором упоминалось во всех челобитных, снова отдало бы государей и сопровождавших их бояр в руки восставших². Никакое дворянско-холопское войско бояр бы не спасло, да стрельцы и солдаты ни за что не впустили бы в столицу большое войско, кроме обычных чинов государева двора с их холопами. Правительство Софьи справилось с этой патовой ситуацией всего за месяц: со статей о прощении восставших от 3 октября, при-

---

¹ О его действиях см.: Буганов, 1969: 280–281.

² «Мысль же бе у них в то время такова: егда бы государи пришли к Москве, и бояре бы и по нужди с ними же, государи, и они бы тогда исполнили свою волю недобрую над ними» (Россия, 1990: 148).

нятых по получении их челобитных, до сноса памятника победе восстания 2 ноября¹ и возвращения царей в Москву 3 ноября².

Разбор этой захватывающе интересной операции, составившей шестую стадию борьбы с восстанием – отдельная история. Здесь нам важно отметить, что вся операция по идейному разоружению восставших была проведена под флагом вины И.А. Хованского со старшим сыном в восстании мая–августа и вины младшего князя, Ивана Ивановича, в волнениях сентября 1682 г. Такие мелочи, как обвинения Языкова в челобитных восставших, правительство не волновали: они просто не учитывались.

Списание вин в восстаниях весны–лета и 18 сентября – 3 октября на Хованских играло на этой стадии уже сугубо вспомогательную роль. После того, как восставшие, пусть формально, «повинились», правительство сосредоточилось на конкретных материальных и служебных предложениях и гарантиях для каждого полка, обещая стрельцам весомое и зримое исполнение их пожеланий в обмен на отказ от любых идейных соображений об их спасительной роли в государстве.

Жалованные грамоты стрельцам и солдатам (название «надворная пехота» было упразднено), выданные в ноябре взамен упорно изымавшихся в полках июньских Жалованных грамот, передавали именно ту версию событий, на которой состоялось примирение 3 октября (Россия, 1990: 175–180). Все жалобы служивых на тяготы службы, поборы, задержки и урезание жалования, своеволие начальства в новых грамотах были отражены, а их политические требования и действия исчезли начисто, как не бывало. В начале ноября Россия праздновала не мирное окончание Московского восстания служивых по прибору и посадских людей, но победу над выдуманной правительством Софьи «Хованщиной».

Удовлетворены были все, недаром власть премудрой царевны (1682–1689) считается правительством социального компромисса. Но со стороны Софьи было бы в высшей мере неразумным в действительности, а не на словах, забыть ход народного восстания и простить его зачинщиков. «Страхование» в столице, судя по указанной выше дворянской челобитной (Восстание, 1976: 232–233), продолжалось и после возвращения царского двора в Москву, но решительные действия против опасных смутьянов, рассылка по стране и «перебор» полков требовали от властей подхода серьезного и осмотрительного. 10 декабря Шакловитый возглавил Стрелецкий приказ³, 30 числа царевна Софья с избранными боярами «у себя в комнате» утвердила детальный план из 25 пунктов по обезвреживанию служивых, который тут же был принят к исполнению доверенными лицами правительства (Россия, 1976: 186–200).

Семь лет спустя крамола в рядах служивых по прибору была искоренена настолько, что противники царевны Софьи, готовя ее свержение, могли спокойно раздавать стрельцам деньги для сбора в Кремле, имитируя новый «всполох», но не опасаясь реального бунта. До нового восстания, также описанного Бугановым, малую часть стрелецких полков сторонники Петра смогли довести только спустя десятилетие, нарушив буквально все пункты разработанного Шакловитым плана безопасного обращения со служивыми по прибору. Наступила новая эпоха, когда головы стали рубить

---

¹ По челобитной стрельцов и солдат от 28 октября (Восстание, 1976: 225–226).

² 27 октября цари со двором двинулись через множество дворцовых сел к Москве, куда прибыли в 9-м часу дня 3 ноября. «За великими государями» Иваном и Петром ехали организаторы победы над Московским восстанием: боярин князь В.В. Голицын, думный дворянин А.И. Ржевский, думные дьяки Е.И. Украинцев (Посольский приказ) и Ф.Л. Шакловитый (Разряд) (Восстание, 1976: 224).

³ Федор Леонтьевич, завершив критический этап сбора войск и составления грамот к восставшим, с 3 октября вновь оказался в Разряде вторым после думного дьяка В.Г. Семенова (Восстание, 1976: 99, 182, 184, 211). Но мог не сомневаться, что Софья бросит его на самый трудный участок работы, как только это потребуется. Так и случилось.

тысячами. В ней «Хованщина» превратилась в «заговор Милославского», а до наших дней эти ложные версии дожили в трогательном согласии против правды истории.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией императорской Академии наук (ААЭ). Т. IV. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии. 1836. 654 с.
- Белокуров С.А. О Посольском приказе. М.: Императорское Общество истории и древностей российских при Московском университете 1906. 174 с.
- Богданов А.П. Поденные записи очевидца Московского восстания 1682 г. // Советские архивы. 1979. № 2. С. 34–37.
- Богданов А.П. Политическая гравюра в России периода регентства Софьи Алексеевны // Источниковедение отечественной истории. Сборник статей за 1981 г. М.: Наука, 1981. С. 225–246.
- Богданов А.П. К истории текста «Созерцания краткого» // Исследования по источниковедению истории СССР XIII–XVIII вв.: ежегодник Отдела источниковедения дооктябрьского периода Института истории СССР АН СССР. М.: 1983. С. 127–161.
- Богданов А.П. [1984а] Начало Московского восстания 1682 г в современных летописных сочинениях // Летописи и хроники. Сборник статей за 1984 г. М.: Наука, 1984. С. 131–146.
- Богданов А.П. [1984б] Сильвестра Медведева панегирик царевне Софье 1682 г. // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник за 1982 г. Л.: Наука, 1984. С. 45–52.
- Богданов А.П. К вопросу об авторстве «Созерцания краткого лет 7190, 91 и 92, в них же что содеяся во гражданстве» // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода: ежегодник Отдела источниковедения дооктябрьского периода Института истории СССР АН СССР. М.: 1987. С. 114–146.
- Богданов А.П. [1988а] Сильвестр Медведев // Вопросы истории. 1988. № 2. С. 84–98.
- Богданов А.П. [1988б] Хронографец конца XVII века о Московском восстании 1682 года // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода: ежегодник Отдела источниковедения дооктябрьского периода Института истории СССР АН СССР. М.: 1988. С. 101–108.
- Богданов А.П. Нарративные источники о Московском восстании 1682 года. Часть 1 // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.): ежегодник Отдела источниковедения дооктябрьского периода Института российской истории РАН. М.: 1993. С. 77–108. Часть 2 // Там же. М.: 1995. С. 39–62.
- Богданов А.П. София-Премудрость Божия и царевна Софья Алексеевна. Из истории русской духовной литературы и искусства XVII века // Герменевтика древнерусской литературы. М.: ИРЛИ РАН, 1994. Вып. 7. С. 399–428.
- Богданов А.П. Царевна Софья в современных поэтических образах // Культура средневековой Москвы: XVII век. М.: Наука, 1999. С. 305–325.
- Богданов А.П. Московская публицистика последней четверти XVII века. М.: ИРИ РАН, 2001. 492 с.
- Богданов А.П. Внешняя политика России и европейская печать (1676–1689 гг.) // Вопросы истории. 2003. № 4. С. 26–46.
- Богданов А.П. Общественное мнение и внешняя политика России при царе Федоре и канцлере Голицыне // Проблемы российской истории. Вып. VIII. М.–Магнитогорск: ИРИ РАН. 2007. С. 221–248.
- Богданов А.П. 1612. Рождение Великой России, М.: Вече, 2013. 352 с.
- Богданов А.П. [2018а] Идеи русской публицистики: между царством и империей. М.–Берлин: Директ-Медиа, 2018. 482 с.

- Богданов А.П. [2018б] Царь-реформатор Федор Алексеевич: старший брат Петра I. М.: Академический проект, 2018. 760 с.
- Богданов А.П. [2019а] Стих и образ изменяющейся России: последняя четверть XVII — начало XVIII в. Изд. 2-е, доп. и испр. М.–Берлин: Директ-Медиа, 2019. 427 с.
- Богданов А.П. [2019б] Филигранология: наука о бумаге ручного производства с водяными знаками. М.–Берлин: Директмедиа Паблишинг, 2019. 382 с.
- Богданов А.П. [2020а] Баснословие о заговоре Милославского и Софьи во время «Хованщины» // Историческое обозрение. Вып. 21. М.: НП «Историко-просветительское общество “Радетель”», 2020. С. 19–40.
- Богданов А.П. [2020б] От летописания к исследованию: Русские историки последней четверти XVII века. Изд. 2-е, испр. и доп. М.–Берлин: Директ-Медиа, 2020. 642 с.
- Богданов А.П. Россия и Запад в информационном обмене конца XVII в. // Genesis: исторические исследования. 2021. № 5. С. 71–124.
- Богданов А.П., Возгрин В.Е. Московское восстание 1682 г. глазами датского посла // Вопросы истории. 1986. № 3. С. 78–91.
- Богоявленский С.К. Хованщина // Исторические записки. Т. 10, М., 1941. С. 180–221.
- Богоявленский С.К. Московский приказный и делопроизводственный аппарат XVI–XVII веков. М.: Языки славянской культуры, 2006. 608 с.
- Буганов В.И. Московские восстания конца XVII века. М.: Наука, 1969. 440 с.
- Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М.: Наука, 1975. 608 с.
- Викторский С.И. История смертной казни в России и современное ее состояние. М.: тип. Императорского Московского университета, 1912. 407 с.
- Восстание в Москве 1682 г. Сборник документов. М.: Наука, 1976. 348 с.
- Востоков А.[Х.] Посольство Шакловитого к Мазепе в 1688 г. // Киевская старина, 1880. Т.29. № 4–5. С. 199–226.
- Второв Н.Н., Александров-Дольник К.О. Воронежские акты. Древние грамоты и другие письменные памятники, касающиеся Воронежской губернии и частью Азова. Воронеж: тип. Губернского правления, 1850. Кн. I. 284 с.
- Галанов М.М. Федор Шакловитый // Вопросы истории. 1995. № 3. С. 155–159.
- Гернет М.Н. Смертная казнь. М.: тип. Я. Данкин и Я. Хомутов, 1913. 158 с.
- Демидова Н.Ф. Из истории заключения Нерчинского договора 1689 г. // Россия в период реформ Петра I. М.: Наука, 1973. С. 289–310.
- Демидова Н.Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М.: Наука, 1987.
- Жарков И.А. «Новый летописец» по списку М.А. Оболенского // Летописи и хроники за 1973 г. М.: Наука, 1974. С. 293–298.
- История о вере и челобитная о стрельцах Саввы Романова // Летописи русской литературы и древности, Издаваемые Н. Тихонравовым. М.: 1863. Т. 5. Отд. II. С. 111–210.
- Крекшин Н.П. Краткое описание блаженных дел ... Петра Великого // Сахаров И.П. Записки русских людей: События времен Петра Великого. СПб.: тип. И.П. Сахарова. 1841. 512 с.
- Курбатов О. А. Военные реформы в России второй половины XVII века: Конница. М.: Квадрига, 2017, 304 с.
- Оболенский М.А. Новый летописец, составленный в царствование Михаила Федоровича. Издан по списку князя Оболенского. М.: в Университетской тип., 1853. 213 с.
- Очерк деятельности Комиссии печатания грамот и договоров, состоящей при Московском главном архиве Министерства иностранных дел. М.: тип. А.А. Торлецкого и К°, 1877. XV, 208, 21 с.
- Пенской В.В. Военная революция в Европе и вооруженные силы России второй половины XV — XVIII вв.: от дружины к регулярной армии. М.: Изд. МосГУ, 2004. 283 с.

- Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Серия 1. Т. II. СПб.: тип. II Отделения собственной его императорского величества канцелярии, 1830. 978 с.
- Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 31. М.: Наука, 1968. 264 с.
- Прозоровский А.А. Сильвестра Медведева «Созерцание краткое лет 7190, 91 и 92, в них же что содеяся во гражданстве». М.: Унив. тип., 1894. ЛП, 198 с.
- Рожнов А.А. Смертная казнь в Московском государстве по Уложению 1649 г. и законодательству второй половины XVII в. // Российский юридический журнал. Екатеринбург, Изд-во УрГЮА, 2008, № 1. С. 160–165.
- Рожнов А.А. Смертная казнь в России и Западной Европе в XIV–XVII вв.: сравнительно-правовые очерки. Ульяновск: Корпорация технологий продвижения, 2009. 88 с.
- Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках / Публ. Археографической комиссии, сост. А. Труворов. Т. I, III, IV. СПб.: тип. Товарищество «Общественная польза», 1884, 1888, 1893. [4], IV, VIII, [5] с., 646, 452 стб.
- Россия при царевне Софье и Петре I: Записки русских людей / Сост., автор ступ ст., коммент. и указ. А.П. Богданов. М.: Современник, 1990. 445 с.
- Румянцев И.И. Никита Константинов Добрынин («Пустосвят»). Историко-критический очерк. К истории борьбы православия со старообрядчеством в XVII в. Сергиев Посад: тип. Свято-Троицкой Сергиевой лавры, 1916. 1088 с.
- Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел (СГГиД). Ч. 4. М.: тип. С. Селивановского, 1826. 678 с.
- Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. VII. М.: Мысль, 1991. 702 с.
- Топычканов А.В. Политическое пространство царских резиденций второй половины XVII в.: материальное измерение // От Смуты к империи. Новые открытия в области археологии и истории России XVI–XVIII вв.: материалы научной конференции. М.–Вологда: 2016. С. 183–189.
- Ундольский В.М. Сильвестр Медведев, отец славяно-русской библиографии // Чтения в Московском обществе истории и древностей российских. 1846. Кн. 3. Отд. IV. С. I–XXX, 1–90.
- Усенко О.Г. Стрельцы и раскольники летом 1682 г. // Вестник Московского университета. 1990. Сер. 8: История. № 2. С. 92–98.
- Усенко О.Г. О челобитных в защиту «старой веры» (лето 1682 г.) // Труды Отдела древнерусской литературы ИРЛИ РАН. СПб.: Наука, 1999. Т. 51. С. 385–395.
- Чернов А.В. Вооруженные силы Русского государства в XV–XVII вв. М.: Воениздат, 1954. 224 с.

ТАМАНСКИЙ КЛАД ИСПАНСКИХ МОНЕТ КОНЦА XVI — НАЧАЛА XVII вв.

Введение¹

В ноябре 2015 — мае 2016 г., в рамках проекта по строительству моста через Керченский Пролив, на Таманском Полуострове в Темрюкском Районе Краснодарского края проводились раскопки у поселка Солёный (Зиливинская, Петров, Соколов, 2018). По данным археологической разведки экспедиций ИА АН СССР в 1968 и 1983 гг. на этом месте располагалось поселение античного и средневекового времени. Современные исследования дали много разнообразного материала, расширяющего представления о датировке поселений на этой территории.

Среди обнаруженных культурных слоев могильник эпохи поздней бронзы, отдельные скопления находок античного периода, периферия поселения хазарского периода, и перекрывающий все эти хронологические горизонты могильник XVII–XVIII вв. В ходе раскопок было найдено и обследовано более 150 захоронений. Во многих погребениях оказались различные артефакты: железные ножи, кресала, бусы, каменные и металлические подвески, серьги и стеклянные зеркала, кувшины и турецкие курительные трубки. Среди найденного нумизматического материала монеты античного времени, средневековые подражания Тмутараканского княжества, русские копейки и монеты Крымского ханства XVI–XVII вв. Значимым событием стала находка в том же культурном слое небольшого двуручного кувшина, покрытого зеленой поливой, содержащего драгоценный клад из 15 серебряных испанских монет — макукинов.

В современной отечественной нумизматике известно ограниченное число кладов испанских монет колониальной эры, описанных и атрибутированных в научной литературе. В частности, среди важнейших работ необходимо упомянуть Ипатьевский, Коломенский и Севастопольский клад (Беляков, 1980; Векслер, Мельникова, 1999; Фролова, 2005; Таценко, 2012). Принимая во внимание существенное влияние поставок американского серебра на революцию цен в Европе (Hamilton, 1934), изучение кладов испанских серебряных монет на территории России представляет заметный исторический интерес.

Макукины Таманского клада представляют собой сравнительно компактную в хронологическом отношении группу, выпущенную в период между 1586–1623 гг. Старшая монета датируется 1586 г. Младшая (8 реалов Сеговии) указывает на дату чеканки — 1623 г., после которого монеты покинули Испанию в путешествии к Причерноморью. Эти реалы можно разделить на несколько групп по местам выпуска из пяти монетных дворов Испанской империи: Севильи — 6 экз.; Толедо — 3 экз.; Сеговии — 1 экз., а также колоний: Мехико в Новой Испании (3 экз.) и Потоси, вице-королевства Перу — 2 экз. Монеты составляют две примерно равные группы из номиналов в 4 и 8 реалов, правления королей Филиппа II Разумного (1556–1598), Филиппа III Благочестивого (1598–1621) и Филиппа IV Великого (1621–1665)².

Названия и номиналы

Существуют различные теории о происхождении слова «макукин». По общепринятой версии, это слово происходит от арабского *machuch* «неправильный» из-за формы монет. В нумизматике Южной Америки сложился консенсус, согласно которо-

¹Автор благодарит Э.Д. Зиливинскую за предоставленную информацию о раскопках поселения и могильника Солёный II на Тамани (Зиливинская, Петров, Соколов, 2018).

²Подробнее атрибуция монет и определение даты чеканки представлены далее.

му данный термин происходит из языка индейского народа кечуа. Makkaikuna, mákkaу, mágaу или máскау означает «битая (кованая молотком)» (Santos, 2011).

Все пятнадцать серебряных испанских реалов в соответствии с их номиналами и весами принадлежат типу «груэса» (исп. gruesa «толстые»). Это название возникло еще со времени чеканки и обращения этих монет и относится к двум «тяжелым» номиналам. В первую очередь, это относилось к песо (исп. «вес»), равному 8 реалам со стандартом веса в 27,468 г, а также к их фракциям, достоинством в 4 реала — тостонам (Dargent, 2005: 245). За 110 лет, прошедших между началом правления короля Филиппа II с 1556 г. и смертью его внука Филиппа IV в 1665 г., большую часть серебряных денег циркулирующих в обращении на испанском полуострове составляли 4-реаловые монеты. Испанцы их называли тостонами (итал. тестоны, порт. тостао). Успех этой монеты был обусловлен не только метрологическими и экономическими соображениями при производстве, но и её естественной популярностью при обращении. Из всех фракций песо тостоны оказались самыми эргономичными, при этом знаки на монете легко и удобно определялись невооруженным взглядом, что позволяло быстро прочесть значение стоимости и метки пробирщика и удостовериться в подлинности и чистоте металла. Тогдашнее состояние цен также благоприятствовало широкому обращению монеты — на 4 реала средняя семья могла приобрести необходимые продукты питания на несколько дней, купить посуду или сельскохозяйственный инвентарь.

Следующая по весу и значению фракция — 2 реала — преимущественно использовалась в очень маленьких сделках, одновременно с разменными монетами в 8, 4 и 2 медных мараведи, в пользу чего свидетельствует статистика мелких кладов, обнаруженных в Испании. Более ценные клады в тоже время содержат крупные «груэса» достоинством 4 и 8 серебряных реалов в различных пропорциях, а иногда золотые эскудо. Таким образом, основное предположение состоит в том, что четырехреаловые монеты использовались в транзакциях среднего масштаба, в которых цены, как правило, устанавливались в мараведи для более точной оценки стоимости, но в тоже время сама оплата производилась более удобным серебром. Стоит отметить, что монеты такой стоимости в золотом эквиваленте не чеканились, поскольку были бы крайне неудобны при соответствующем небольшом размере (Guinea, 2011).

Инструкции, составленные для колониальных монетных дворов Перу, разрешали производство серебряных монет достоинством от $\frac{1}{4}$ до 4 реалов, предназначенных исключительно к местному обращению. К 1575 году наместник вице-королевства Перу разрешил чеканку 8 реалов. Добыча рудников быстро увеличивалась, что существенно разгоняло инфляцию как в Потоси, так и во всей Испанской Америке. В результате чеканка $\frac{1}{4}$ -реаловых монет была прекращена. Стоимость этих крошечных монет была относительно высокой, а спрос на крупные монеты был гораздо выше при равной или даже более дешевой себестоимости чеканки. По этим причинам от мелкого номинала в $\frac{1}{4}$ реала вскоре отказались и на монетном дворе Мехико.

К началу XVII века специализация монетных дворов Нового Света на производство и экспорт «песо» — крупной монеты в 8 реалов — еще более переориентировала континентальные монетные дворы Иберийского полуострова на чеканку дробных фракций. Основные объемы чеканки 4 реалов пришлись на Севилью и Толедо. Эта тенденция прослеживается в составе монет из Таманского клада:

Номинал	Новый Свет		Испания		
	Мехико	Потоси	Севилья	Толедо	Сеговия
8 реалов	2	2	2		1
4 реала	1		4	3	

Таблица 1. Номиналы монет Таманского клада.

Весовые характеристики.

Макукины обладают условным диаметром, что связано с грубой обрезкой заготовок (из-за неправильной формы их также называли «монедакортадо» — исп. *monedacortado*, «монета угловатая»). При этом номинал монет в ценном металле должен был строго соблюдаться — это также определяло их нестандартизированную толщину. В результате визуальные различия в размерах песо и их ½-фракций тостонов иногда не очень заметны. Основным критерием для определения номинала данной монеты при отсутствии соответствующих знаков в читаемом состоянии является вес. У найденных тостонов он составляет от 12,81 до 13,57 г, у песо от 23,94 до 27,63 г. Общий вес находки равен 292,53 г.

Рисунок 1. Гистограмма весовых характеристик монет Таманского клада.

Типология аверса и реверса монет

Лицевая сторона макукинов содержит марки монетных дворов и знаки-инициалы пробирщиков. В денежной системе Испанской колониальной империи пробирщики занимали важнейшее место, поскольку отвечали за контроль качества производимых монет, гарантируя их правильный вес и чистоту пробы металла в соответствии с королевскими стандартами. Датировки расположены на реверсе, в круговой легенде, как правило, сверху над крестом. Исключение составляет чеканка Мехико, где обозначение года выпуска располагалось на лицевой стороне в верхней части круговой надписи, слева от большой короны. Большинство монет имеют сравнительно хорошо отчеканенный центр и мало читаемые надписи по окружности.

Основой дизайна лицевой стороны испанских макукинов «груэса» является так называемая форма — «щит». Стандартный регулярный дизайн этой серии монет был принят в 1566 году и представлял испанский гербовый щит, увенчанный большой Ко-

ролевской короной и символически объединяющий территории, контролируемые испанской короной. В колониях он постепенно заменил предыдущий тип дизайна с коронованными колоннами и волнами. Поле щита разделено на секции, с гербами входивших в державу земель: квадранты замков и львов принадлежат Королевствам Кастилии и Леона, перекладина — Австрии; диагональные линии — Старой Бургундии, вертикальный лев — Фландрии, орел — Тиролю, лев — Брабанту, гранат — Гранаде, перекрещивающиеся диагонали в форме «X», с орлами в левом и правом треугольниках — Неаполю и Сицилии, вертикальные линии — Арагону. На реалах чеканки Толедо и Севильи аверс имеет отличие: на общем гербе присутствует герб-щит Португалии. Пять маленьких щитов символизируют поверженных исламских правителей Бадахоса, Бежи, Лиссабона, Эворы и Элваса. Семь мавританских замков, отвоеванные Португалией во время Реконксты, изображены по периметру.

Справа от гербового щита на лицевой стороне находится цифра, указывающая на ценность монеты. Это значение может отображаться как римским или арабским начертанием, так и в манере, отражающей рукописный стиль времени, с употреблением завершающей слово буквы «o» выше значения номинальной стоимости монеты — iiii quatro (четыре) или viii ocho (восемь) реалов. Обычай размещать литеру «o» происходит от традиционного сокращения, когда последняя буква слова помещалась над начальной. Примеры тому — знаки «m̄» и «t̄», представляющие монтмарки Мехико и Толедо. Такие марки монетных дворов обычно размещали слева от гербового щита. Исключением является чрезвычайно редкий макукин из клада, достоинством в 8 реалов 1623 г., отчеканенный в «Старом доме монет» (Casa Vieja) в Сеговии. Здесь знак монетного двора, изображающий римский акведук — символ города — расположен нетипично: его поменяли местами с римской цифрой VIII, обозначающей номинальную стоимость.

Основой дизайна оборотной стороны являлся «греческий» крест, представляющий союз церкви и государства. Крест состоял из двух одинаковых прямоугольных перекладин, пересекающихся под прямым углом, и был окружен орнаментом из восьми дуг, образующих четырехлистник на мавританский мотив. Вокруг размещалась часть легенды с датой. В Мехико рисунок креста имел отличия, которые будут рассмотрены далее. Основные элементы «щитового» дизайна макукинов сохранялись на всей регулярной чеканке периода правления династии Габсбургов, начиная с Филиппа II (1556–1598) и заканчивая Карлом II (1665–1700).

Методика атрибуции монет Таманского клада

Основным эмпирическим материалом в основе данного исследования стали фотографии аверса и реверса всех монет Таманского клада, выполненные с использованием макросъемки. С полученных исходных фотографий были выполнены прорисовки сохранившегося чекана, с целью восстановления знаков и марок, несущих выпускные данные монет. Важно отметить, что характерной особенностью многих макукинов является отсутствие многих элементов надписей, расположенных по окружности и не попавших в размер плашки в процессе чеканки. Кроме того, существенная часть изображений потеряна в результате механических повреждений или износа.

Только девять из пятнадцати монет Таманского клада обладают идентифицируемыми отдельными фрагментами цифр, имеющих западноарабское начертание. На всех монетах в то же время сохранились четко определяемые признаки монетных дворов:

Номер образца	Монетный двор	Реконструкция даты	Идентифицируемые фрагменты цифр, обозначающих год выпуска
№1	Севилья	1620–23	Отсутствуют

№2	Мехико	1620–22	Отсутствуют
№3	Потоси	1589–91	Отсутствуют
№4	Потоси	1618	Последняя цифра «...8»
№5	Севилья	1604	Нижняя часть цифры «...4»
№6	Мехико	1621	Нижняя часть предпоследней цифры «..2.»
№7	Сеговия	1623	Цифры «162.»
№8	Толедо	1609	Цифры «1..9»
№9	Севилья	1618	Все цифры «1618»
№10	Севилья	1618	Все цифры «1618»
№11	Севилья	1617–21	Отсутствуют
№12	Толедо	1619	Отсутствуют
№13	Севилья	1617–21	Отсутствуют
№14	Мехико	1621	Нижняя часть предпоследней цифры «..2.»
№15	Толедо	1617 (предположительно)	Цифры «161.»

Таблица 2. Определение дат чеканки монет по сохранившимся фрагментам цифровых обозначений.

Для уточнения атрибуции монет с утерянными датировками обратимся к методу определения года чеканки путем сопоставления марок пробирщиков с доступной информацией о пробирщиках, работавших на монетных дворах Испании и в ее американских колониях. Как уже было указано выше, пробирщик — энсаядор (исп. Ensayador) гарантировал качество чеканки и верифицировал монеты собственной уникальной маркой. Обычно такие метки соответствовали первым буквам имени или фамилии монетария и являлись наиболее важными знаками испанской денежной системы. Для этого их размещали ближе к центру лицевой стороны монет, где метки имели больше шансов сохраниться. Опираясь на идентифицируемые буквы, можно соотнести периоды службы пробирщиков со временем исследуемой чеканки.

В процессе анализа штемпельных пар также проводилось сравнение с аналогичными экземплярами соответствующих монетных дворов, что позволило выявить отдельные технические особенности, принадлежащие одной и той же серии. В качестве источника эмпирического материала на этом этапе использовались фотоархивы нумизматических аукционов «Aureo&Calicó, S.L.», «Cayon Subastas» и «Daniel Frank Sedwick», с информацией об известных подобных монетах.

В Таманском кладе представлены монеты чеканки трех монетных дворов континентальной Испании: Севильи — 6 экземпляров, Толедо — 3 экземпляра, Сеговии — 1 экземпляр. Еще пять макуинов клада были произведены в американских колониях — три экземпляра на монетном дворе Мехико в Новой Испании и два экземпляра в Потоси, вице-королевство Перу. Каждое место чеканки рассматривалось отдельно, и структурно представляет независимую часть исследования. В рамках данной работы даны краткие описания истории монетных дворов и практик продажи и аренды должностей пробирщиков в этих учреждениях. Эти сведения могут быть полезны как для атрибуции монет Таманского клада, так и для работы по определению других испанских монет рассматриваемого периода.

Монеты Потоси

Город Потоси был основан в 1545 г. на склонах серебряной горы Cerro Rico, открытой в 1539 г. в вице-королевстве Перу (совр. Боливия). Сразу после обнаружения залежей серебра в Потоси начали выплавлять и маркировать слитки и пластины, однако

чеканка монет не производилась, так как вице-король Франсиско де Толедо ожидал королевского указа на основание монетного двора в городе до 28 февраля 1572 г. После получения разрешения и продолжительного периода строительства монетного двора и наладки оборудования 28 марта 1574 г. началась чеканка монет с «щитовым» дизайном. Монетный двор Потоси стал самым производительным из всех колониальных и континентальных монетных дворов Испании. Огромные масштабы выпуска монет в Потоси связаны с богатством месторождения и относительной простотой добычи серебра. На шахтные разработки, расположенные на высоте 4200 м, испанские завоеватели сгоняли индейцев для принудительных работ на основании изобретённой инками *миты* — обязанности подданных империи работать на строительствах государственного значения. За период с 1556 по 1783 г. добыто этого металла на 820 513 893 песо и 6 «прочных реалов»¹. Минтмаркой Потоси являлась латинская буква «Р» (Potosi), которая размещалась на лицевой стороне макукинов, слева от гербового щита. Ниже размещались метки пробирщиков. С основания монетного двора до середины XVII века на монетном дворе сменился ряд официальных (титульных) пробирщиков и арендаторов должности²:

Имя владельца должности пробирщика	Марки пробирщиков	Годы работы	Арендаторы (tenientes) должности пробирщика	Марки пробирщиков	Годы работы
Alonso de Rincon	R	1574–1575	—		
Miguel Garcia	M	1575–1576			
Неизвестный пробирщик	L	1576–1578?			
Juan Ballesteros Narvaez Первый период работы	B	1576–1578? 1578–1586			
Juan Alvarez de Reinaltes	A	1586–1589			
Juan Ballesteros Narvaez со своим братом Hernando	B	1589–1603	Baltasar Ramos Leceta	R, RL	1-й период 1589–1591 2-й период 1603–1612
			Hernando Ballesteros	B	1589–1603
			Agustin de Quadra	Q	1612–1616
Juan Batista Fucilaserra	—	1615	—	—	—
Gaspar de Heredia	—	1615–1617	Agustin de Quadra	Q	1614–1616
			Francisco Calderón	C	1614–1616
			Juan Sanchez Mejia	M	1616–1617
Juan de Alva	—	1617	—	—	—
García de Paredes y	—	1617–	Juan Sanchez Mejia	M	1617

¹ В соответствии с информацией из письма казначея Потоси дона Ламберто де Сьерра императору Карлу III от 16 июня 1784 года.

² Таблица составлена по материалам: Madonna, 2015; Paoletti, 2016.

Ulloa		1618	Pedro Martin de Palencia	PAL	1617–1618
Antonio Salgado	—	1618	Juan Ximenez de Tapia	T	1618
Juan Ballesteros Narvaez el Mozo (Младший)	—	1618–1626	Juan Ximenez de Tapia	T	1-й период 1618–1624
			Pedro Martin de Palencia	P	1622–1626
Juan Martel de León	—	1626–1633	Juan Ximenez de Tapia	T	2-й период 1627–1639
			Pedro Martin de Palencia	P	1626–1629
Juan de Figueroa	—	1634–1647	Juan Ximenez de Tapia	T	3-й период 1644–1648
			Pedro Treviño	TR	1635–1647
			Felipe Ramirez de Arellano	FR	1640–1647
			Gerónimo Velázquez	V	1646
			Luis de Peralta	P	1646–1647
			Pedro Zambrano	Z	1647–1649

Таблица 3. Пробирщики монетного двора Потоси 1573–1649 гг. до возвращения к дизайну «Столбы и волны» в результате «великого скандала» в Потоси.

В составе Таманского клада присутствуют две тяжелых восьмиреаловых монеты чеканки Потоси — экземпляры №3 и 4. Один из двух боливийских песо был выпущен в период до введения датировок в 1617 г. Другой сохранил фрагмент цифры «8» и ряд признаков, по которым можно уточнить дату — 1618 г. В соответствии с приведенной таблицей были рассмотрены особенности чекана обеих монет Таманского клада чеканки Потоси. Экземпляр имеет фрагмент инициалов «А» пробирщика Хуана Альвареса Рейналтеса (Juan Alvarez Reinaltes). Поверх «А» надчеканена литера «В» — соответствующая метке первой буквы фамилии братьев Хуана Бальестероса Нарваэса (Juan Ballesteros Narvaez) и Эрнандо (Hernando Ballesteros). Монета имеет двойной удар штемпеля с поворотом на угол ~40°.

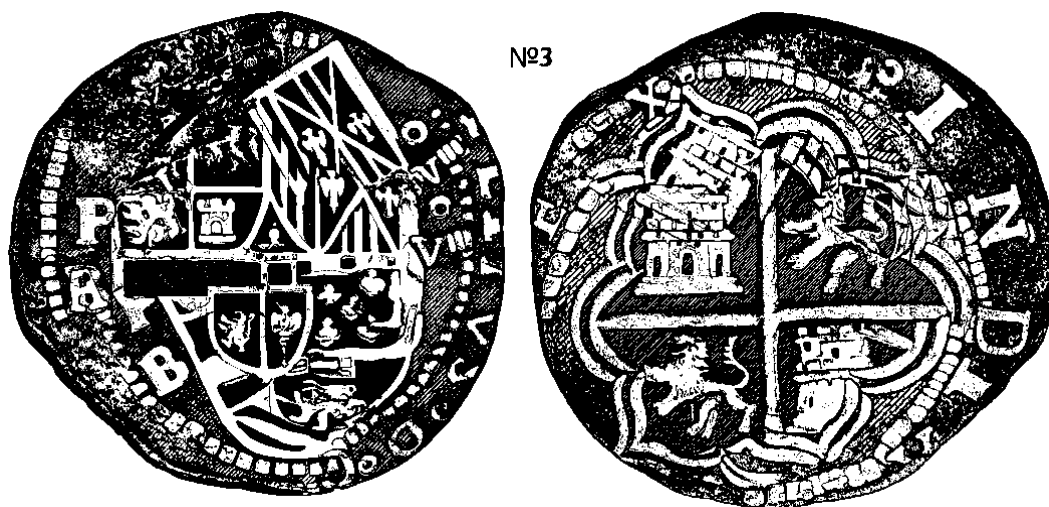

Рисунок 2. Экземпляр №3. Авторская прорисовка.

Экземпляр №3, Филипп III, без даты.

Монетный двор Потоси. Вес – 26,45 г;

Аверс: Коронованный гербовый щит, Знак монетного двора слева: «**P**». Ниже знак владельца должности пробирщика монетного двора: «**B**» — Бальестерос (Ballesteros), справа номинал — римская цифра «**VIII**»; По окружности легенда: «**PHILIPPVS·D·G·HISPANIARVM**» — «*Филипп, Божией милостью Испании*».

Реверс: В четвертях греческого креста, соединенного двойными фигурными дугами, расположены львы и крепости; По окружности легенда: «**ET INDIARVM REX**» — «*и Индии Король*»¹.

Другие отличительные признаки типа: имя короля без порядкового числа, что соответствует Филиппу II. Бордюры на лицевой и оборотной стороне сформированы из прямоугольников, характерных элементов для штемпелей Бальестероса второго периода работы 1589–1591 гг. (Paoletti, гр. 7,8,9) Таким образом, это самая старшая монета клада. Образцы, имеющие реверсы с близкими штемпельными связями были выставлены на аукционе «Augeo&Calicó» №279 от 26 мая 2016 г., лоты №361 и 362.

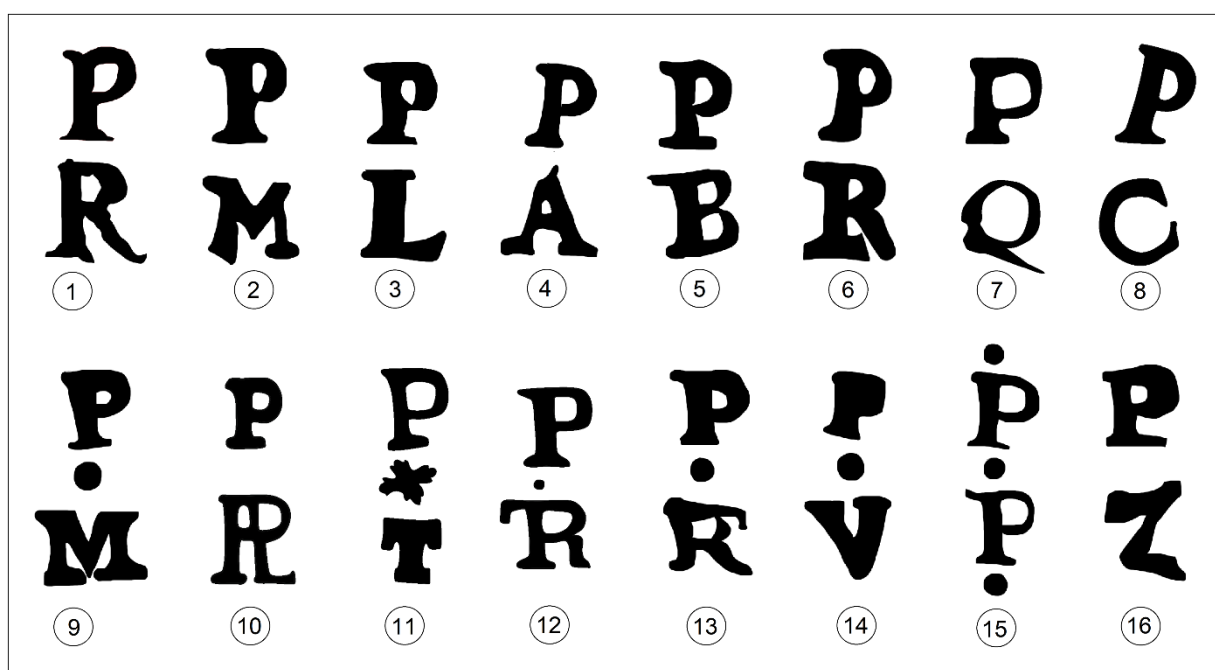

Рисунок 3. Метки пробирщиков Casa de Moneda de Potosí. 1 — Алонсо де Ринкон; 2 — Мигель Гарсия; 3 — неизвестный; 4 — Альварес де Рейналтес; 5 — Хуан Бальестерос; 6 — Рамос Лесета; 7 — Агустин де ла Куадра; 8 — неизвестный; 9 — СанчесМехия; 10 — Педро де Паленсия; 11 — Хименес де Тапия; 12 — Педро Тревино; 13 — Фелипе Рамирес де Арельяно; 14 — Херонимо Веласкес; 15 — Луис де Перальта; 16 — Педро Замбрано.

Должность главного пробирщика в Потоси перешла к Хуану Бальестеросу от Алонсо Ринкона (Alonso de Rincon) — монетария, ранее известного своей работой в Лиме и назначенного наместником при открытии монетного двора Потоси в 1573 г. Знаком Ринкона являлась большая латинская буква «**R**». Хотя причина, по которой Ринкон покинул свой пост, остается неизвестной, исчезновение чеканки с начальной буквой его фамилии после 1576 года и появление с этого момента значительного количества монет с буквами «**B**» свидетельствует о том, что должность главного пробирщика перешла к Бальестеросу. Стоит отметить, однако, что при этом не найдено никаких документальных свидетельств его вступления в должность до 1581 г., помимо самих

¹ Аналогичный экземпляр можно найти в Standard Catalog of World Coins: 1601–1700, 2011: 149.

монет. Известно, что десять лет спустя в 1591 г., Бальестерос ходатайствует о документальном оформлении должностей пробирщика и плавильщика монетного двора, которые он приобрел в открытом аукционе. В своем письме испанскому королю Бальестерос заявляет: «... более шестнадцати или семнадцати лет служения Вашему Величеству во многих делах, которые состоялись из-за моих способностей, компетентности и большой верности, с которой долгое время я служил в указанной должности по опробованию, переплавкам слитков серебра, принося пользу Вашему Величеству по сбору «квинты» — королевского налога и другой работы пробирщика...» (Cunietti-Ferrando, 1988). Эти сроки указывают на примерные годы начала работы Бальестероса на посту пробирщика Потоси — в 1574 или 1575 году, что соответствует появлению монет с его литерой в чекане. В то же время подробности его работы неизвестны, возможно, что он занимал этот пост время от времени. Бальестерос дважды работал на монетном дворе Потоси. Сначала он служил под патронажем наместника до 1586 года, затем его заменил Хуан Альварес Рейналтес, бывший городской пробирщик. Альварес получил титул графа Вильяр, должность и рекомендацию «человека, способного и компетентного» от вице-короля в Лиме. Новый пробирщик представил этот документ в мэрии Потоси 27 ноября 1586 года. В январе 1589 года монетный двор посетил важный чиновник, судья королевской Аудиенсии из Чаркаса, Хуан Гутьеррес де Монте Алегро. Он совещался с Бальестеросом, позже описывая его как человека «большого опыта и прямоты, талантливого в монетном деле». В том же году Альваресу, который ставил на свои монеты начальную букву своего имени «А», по неким причинам пришлось уехать в Испанию. Необходимость замены Альвареса не терпела отлагательства, и Бальестерос Нарваэс снова принял пост пробирщика на монетном дворе (Cunietti-Ferrando, 1988).

4 октября 1589 г. вышел Королевский указ Филиппа II о продаже различных должностей на торгах. Теперь эти места больше не могли принадлежать лицам, назначенным наместниками. В Потоси две вакансии были выставлены на аукцион: одна совмещала обязанности пробирщика и плавильщика для города, другая для монетного двора. Наместник Гарсиа Уртадо де Мендоса объявил аукционы в Потоси и Лиме. Должность городского пробирщика выиграл Гаспар Руис, получив также место в городском совете. Аналогичный пост на монетном дворе достался Бальестеросу за 20 200 песо с условием немедленной оплаты первой трети, следующей части по истечении двух лет, и последней после четырех лет. Официальный документ был выдан наместником в Лиме 21 ноября 1591 г. и утвержден королевским указом 4 декабря 1595 г. (Cunietti-Ferrando, 1988). Хуан Бальестерос Нарваэс (1591–1615 гг.) был одним из наиболее продуктивных пробирщиков в истории монетного двора Потоси, хотя в некоторых случаях его заменял брат Эрнандо Бальестерос. За 18 лет работы брата Бальестеросы выпустили большое количество монет. Талантливый ювелир Бальестерос владел несколькими месторождениями серебра в горах и был богатым жителем Потоси. Ранее он активно поставлял серебряную руду на монетный двор в Лиме. Не исключено, что он служил и там, в качестве пробирщика, так как существуют монеты с литерой «В», приписываемые Лиме. По различным важным поводам он покидал пределы города в деловых поездках. Поскольку Хуан Бальестерос купил должность с правом исполнять обязанности с помощью арендаторов, заместителей должности (исп. *teniente*), несколько таких людей в разное время были пробирщиками. Таким образом, практика сдачи в аренду должности пробирщика применялась достаточно широко.

Так, 23 октября 1596 г. его брат Эрнандо Бальестерос сообщил городскому совету, что из-за отсутствия владельца (должности), он будет осуществлять указанную деятельность. Но выделить монеты, отчеканенные при Эрнандо, невозможно из-за совпадения начальной буквы «В» фамилии Ballesteros (1596?–1605?). Работа арендатора Бальтасара Рамоса Лесеты подтверждена документами (Paoletti, 2016). Бывший коро-

левский литейщик начал свою работу к концу правления Филиппа II. Рамос отмечал свои монеты монограммой «**RL**», а затем большой литерой «**R**». Чеканка под гарантией Рамоса Лесеты продолжалась значительное время правления следующего короля Филиппа III, судя по обилию монет с его маркой. Так как Рамос был «тениенте» Бальестероса, нельзя точно определить начало периода его работы и установить, было ли его пребывание в учреждении sporadическим или непрерывным. Лесета иногда использовал монеты своих предшественников, делая надчеканку начальной буквы своего имени.

Еще один неизвестный помощник Бальестероса во время правления Филиппа III, отмечал монеты литерой «**C**». Он проработал очень короткий промежуток времени, учитывая большую редкость таких меток на реалах. Более длительным был срок полномочий у очередного «тениенте» от Бальестероса, Агустина де Ла Куадра, работавшего позднее Рамоса Лесеты и пробирщика «**C**». Чеканка монет с буквой «**Q**» продолжалась вплоть до смерти де Ла Куадра в 1616 г. (Paoletti, 2016: 100).

15 июня 1615 г. Хуан Бальестерос ушел с поста владельца должностей пробирщика и литейщика в пользу Хуана Батисты Фуциласерры. 10 июля 1615 г., менее чем через месяц после отставки, Бальестерос умер еще до того, как передача должности была завершена. Таким образом начался длительный процесс по поиску преемника.

Дело было передано прокурору, который усомнился в праве вице-короля маркиза де Каньете по перепродаже места пробирщика, поскольку Бальестерос выиграл «аукцион упомянутого поста с пожизненным правом владения и возможностью завещания в пользу своего преемника». Пока дело изучалось, сам Фуциласерра отказался от должности в пользу Хуана де Бальестероса-Младшего в документе, подписанном в Потоси 5 января 1616 г. Тем временем наместник Перу действовал. Известно письменное назначение вице-короля маркиза Монтекарлоса, из Лимы от 20 августа 1615 г.:

«Хуан де Бальестерос Нарваэс, Пробирщик монетного двора Имперского города Потоси умер и необходимо для королевской службы его Величества назвать другого человека заслуживающего доверия на это место, который будет присутствовать в указанном учреждении. Поскольку необходимые качества для указанной должности присутствуют у Вас, Гаспар де Эредиа, я даю этот документ, с помощью которого, во имя Его величества, Я назначаю вас как Пробирщика и Плавильщика монетного двора указанного города Потоси» (Cunietti-Ferrando, 1988).

До сих пор не известны монеты с метками Гаспара Эредиа. Вступив в должность, он осуществлял управление, как это было принято, через «тениенте». Мы знаем, о продолжении работы монетариев «**Q**» и «**C**» и появлении монет с метками «**M**» от Хуана Санчеса Мехии (Juan Sanchez Mejia). Эредиа умер в июле 1617 года. Важно отметить, что с этого года на монетах появились датировки. Юридические сложности затянувшегося судебного процессе породили новые иски и тяжбы. Чтобы еще больше запутать ситуацию с должностью пробирщика, Мария Раванеда, вдова первоначального истца Бальестероса, вмешалась, заявив, что место было куплено во время ее семейной жизни, и поэтому половина стоимости принадлежала ей, «*поскольку умерший не оставил никакого другого имущества, чтобы удовлетворить ее притязания*». В это время должность на монетном дворе использовали различные владельцы и тениенте.

В письме к наместнику Перу 2 июля 1617 г., будучи временно управляющим, судья-председатель Аудиенсии Чаркаса по имени Гарсиа де Паредес и Ульоа просит решить вопрос с пробирщиком и «*соизволить назначение того, кто был бы удобным и наиболее подходящим*». На монетном дворе в это время работали арендаторы Хуан Санчес Мехия и Педро Мартин де Паленсия (Pedro Martin de Palencia). Монеты, датированные 1618 г. и отмеченные монограммой «**PAL**», являются чрезвычайно редкими.

В июле 1618 г., временные назначения управляющих закончилось, когда наместник объявил в качестве замены Антонио Сальгадо. Сальгадо только собирал до-

ходы от должности, назвав в качестве своего арендатора Хуана Хименеса де Тапию (Juan Ximénez de Tapia). Наконец, наместник предоставил Бальестеросу-младшему необходимый титул в учреждении 19 января 1619 г. Новый Пробырщик вступил в должность 26 июня. Встретив в монетном дворе Хуана Хименеса де Тапию, выполняющего обязанности, Бальестерос подтвердил его полномочия как арендатора 2 июля 1619 г. Согласно историческим свидетельствам из Национального архива Боливии, Хуан Хименес де Тапия арендовал должность пробырщика у Бальестероса-младшего в 1618–1626 гг. После смерти Хуана Бальестероса-младшего в 1626 г. должности пробырщика и литейщика снова были выставлены на аукцион. Они были приобретены Хуаном Мартелем де Леоном за 80 000 песо. Новый владелец снова делегировал Хуана Хименеса де Тапию в качестве арендатора должности, чья метка «Т» снова появляется в 1626 г.

Рассмотрим теперь вторую монету чеканки Потоси в составе Таманского клада. Экземпляр №4, Филипп III, 8 реалов 1618 года. Монетный двор Потоси. Вес – 27,1 г; КМ# 10¹.

Аверс: Коронованный гербовый щит, Знак монетного двора слева: «Р»;

Ниже первая буква имени пробырщика: «Т». Метка «Т» соответствует инициалам Хуана Хименеса де Тапии (Juan Ximénez de Tapia). Справа от знака пробырщика расположена римская цифра номинала «VIII».

По окружности легенда: «PHILIPPVS·III·D·G·HISPANIARVM» — «Филипп III, Божией милостью Испании».

Реверс: В четвертях греческого креста, соединенного двойными фигурными дугами мавританского четырехлистника, расположены львы и крепости;

По окружности легенда: «ET INDIARVM REX·1618·» — «и Индии Король, 1618».

Образец с одноштемпельным реверсом был продан 25.10.2012 на аукционе Daniel Frank Sedwick Auction #12 / Лот 360.

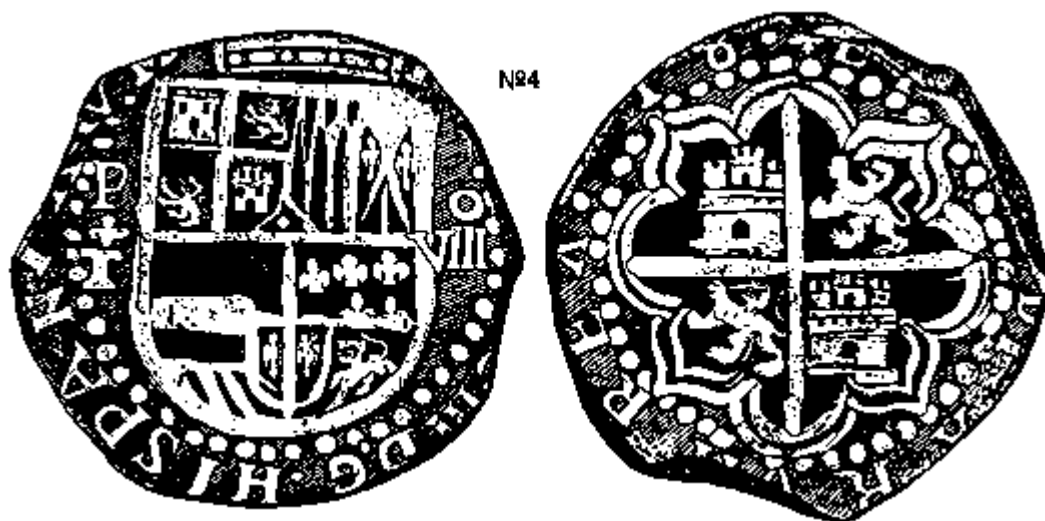

Рисунок 4. «Экземпляр №4. Авторская прорисовка».

Первые три цифры года выпуска утеряны. Имеется фрагмент последней цифры «8», что позволяет уверенно прочесть датировку — **1618**. Монеты де Тапии характеризуются серией ошибок и недостатков из-за плохого качества. Некоторые монеты имеют ошибки в гербовом щите с неправильным расположением Неаполя -Сицилии и Арагона слева, и Кастилии и Леона справа. Один из узнаваемых типичных для Хуана Хи-

¹ Аналогичный экземпляр можно найти в Standard Catalog of World Coins: 1601-1700, 2011: 149.

менеса де Тапии элементов дизайна — особенная крестообразная разделительная розетка между минтмаркой сверху и меткой пробирщика «Т» снизу.

Хуан Мартель де Леон умер 7 ноября 1632 года; Власти объявили должности свободными и приказали продать их 15 ноября того же года. Хуан де Фигероа выиграл место за 85 000 песо с *«условием и квалификацией, присутствия и осуществления указанной деятельности советника в испытательном и в плавильном залах, с помощью назначенного человека»*. Фигероа был испанцем из Гранады и влиятельным гражданином Лимы, где он был Коррехидором¹ в городском совете. Наместник Чинчон (Chinchón) вручил ему официальный титул 28 сентября 1634 года. Поскольку у Фигероа были друзья в суде, он получил разрешение без проблем, по приказу Филиппа IV от 26 марта 1637 года. Спустя десять лет, королевским указом от 2 декабря 1648 года, Фигероа получил постоянное владение должностями пробирщика и плавильщика для себя и своих преемников. Первым решением пробирщика, вступившего в управление, было назначение «тениенте». Получив хорошие отзывы о Хуане Хименесе де Тапии, «который в настоящее время использует и выполняет указанную должность», Фигероа подтвердил его полномочия 1 октября 1635 г. (Cunietti-Ferrando, 1988). Поскольку новый владелец жил в Лиме, он назначил некоего Педро Фернандеса де Опорто своим представителем в Потоси. Фернандес назначал и убирал арендаторов по своей прихоти, тем самым вызывая протесты и судебные процессы, которые сегодня предоставляют нам бесценный источник сведений о людях, работавших в испытательных и литейных цехах монетного двора в течение этого периода.

Монеты клада чеканки Севильи

Наибольшую группу в составе клада составляют шесть макукинов, выпущенных на монетном дворе Севильи. Это два песо и четыре тостона — экземпляры с номерами 1, 5, 9, 10, 11 и 13. С начала XVI в. Севилья имела исключительную монополию на товары, поступающие из Нового Света. Новый монетный двор был построен за доками у реки Гвадалквивир, между «золотой» и «серебряной» башнями «Торре-дель-Оро» и «Торре-де-Ла-Плата». Это местоположение позволяло монетариям контролировать трафик драгоценных металлов, доставленных из Америки, постепенно сосредотачивая у себя основные объёмы чеканки. Выпуск монет в Севилье «от имени католических королей» Фердинанда и Изабеллы, вставших во главе молодого королевства, приобрел большое значение для развивающейся экономики. После денежной реформы 1497 г., сократившей количество монетных дворов Кастилии до семи (Rollón, 2012: 61–62), севильский «дом монет» получил разрешение продолжить чеканку. Более полувека типология монет практически не менялась.

Типология

Производство посмертной чеканки Фердинанда и Изабеллы фактически продолжалось во времена Карла I (1516–1555) и в первом десятилетии правления Филиппа II. Наконец, в 1566 г. был выпущен новый указ (Rollón, 2012: 69), повелевающий создать новый облик монет с именем монарха. Дизайн оборотной стороны был совершенно переработан. Ярмо, опутанное гордиевым узлом и пучок из шести стрел, перевязанных лентой, — эмблемы Фердинанда и Изабеллы, поменяли на крепости и львов в четвертях иерусалимского креста. Через два десятилетия Королевским Указом от 2 июля 1588 г. была введена датировка монет. Ее изображали вертикально слева от гербового щита. Справа размещались все выпускные данные: минтмарка, номинал и метка пробирщика.

---

¹ Коррехидор — должностное лицо в феодальной Испании и её колониях, назначаемая монархом, с функцией надзора над местной администрацией и судьями.

В 1597 г. типология серебряных монет снова претерпела некоторые изменения. Написание даты было перенесено в круговую надпись на оборотной стороне монет. Обновились надписи на латыни «**PHILIPPVS DG Omnivm / Hispan Regnorvm Rex**». В большой составной герб на лицевой стороне был внесен малый португальский щит. Использовать тип «**OMNIVM**» продолжали на разных монетных дворах до 1612 года. С 1611 года было возвращено предыдущее написание легенд, с внесением следующего порядкового номера королевского имени «**PHILIPPVS III Dei Gratia / Hispaniarvm Rex**».

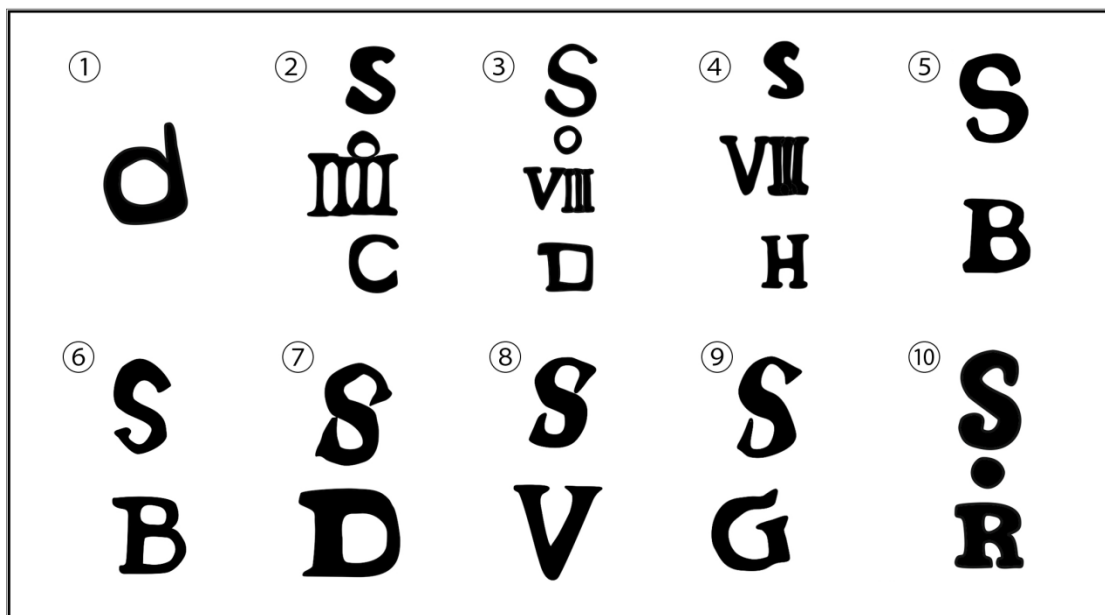

Рисунок 5. Метки пробирщиков монетного двора Севильи. 1, 3 — Мельчор Дамиен де Рокас; 2 — Родригес дель Кастильо; 4 — Эрнандо де Рокас; 5 — Эрнандо де Бальестерос; 6 — Хуан Висенте Браво; 7 — Дамиан Малдонадо; 8 — Франсиско Вентин; 9 — Гаспар де Талавера; 10 — Херонимо Родригес.

Филипп II		
Знак	Пробирщик	Период работы
d	Melchor Damián de Roxas	с середины 1540-х годов ¹ до его смерти в августе 1590 года.
H	Hernando de Rojas	1590
C	Melchor Rodríguez del Castillo	1591
H	Hernando de Ballesteros	1591
B	Juan Vicente Bravo	1591–98
Филипп III		
B	Juan Vicente Bravo	1599–05, 1607–12
D	Damián Maldonado	1611–18
V	Francisco Baptista Veyntin	1612–15
G	Gaspar de Talavera	1618–21
Филипп IV		
D	Damián Maldonado	1622–28

¹ По словам Пеллисера, в 1544 г. Мельчор Дамиан уже появляется как серебряный мастер в Севилье, что не означает, что он уже получил статус титульного пробирщика Севильского монетного двора (Pellicer, 2010).

R	Gerónimo Rodríguez	1619–65
---	--------------------	---------

Таблица 4. «Периоды работы пробирщиков монетного двора Севилья»¹.

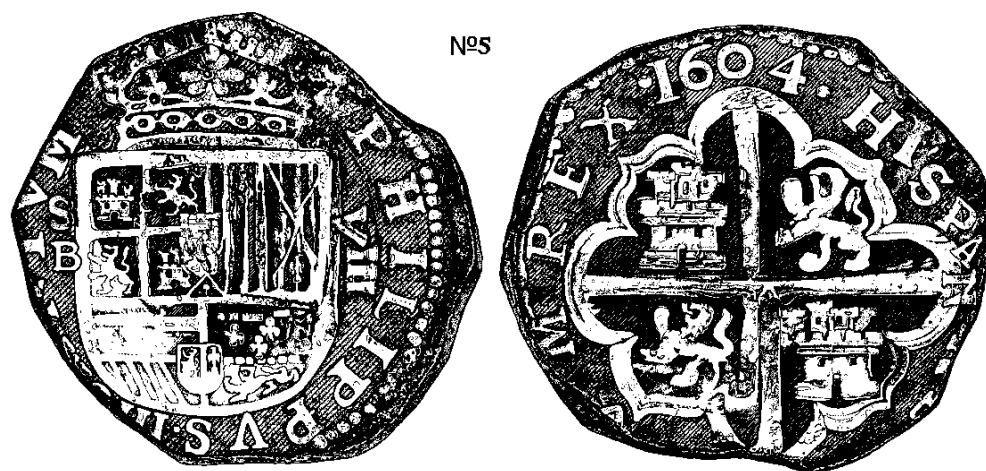

Рисунок 6. Экземпляр №5. Авторская прорисовка.

№5. Филипп III, 8 реалов (1598–1613 гг.). Реконструкция даты, минтмарки и метки пробирщика.

Монетный двор Севилья. Вес — 27,06 г;

Лицевая сторона: коронованный гербовый щит, Знак монетного двора слева: «S»;

Ниже первая буква имени пробирщика: «B» — Juan Vicente Bravo, справа номинал — «VIII» (вертикально);

надпись вокруг: «PHILIPPVS III D G OMNIVM» — «Филипп III, Божией милостью, всего».

Оборотная сторона: греческий крест, в четвертях львы и крепости;

надпись вокруг: «HISPAN REGNORVM REX 1604» — «Испанского государства Король, 1604». КМ#38.1².

Монета №5 принадлежит типу «OMNIVM». На экземпляре №5 присутствует небольшой фрагмент основания буквы «I», расположенный в необходимом месте, указывающий на слово «OMNIVM».

Другим подтверждением раннего периода чеканки являются элементы в изображении большой короны над гербовым щитом. Пять крупных звеньев, соединенных в цепочку в основании короны, и большой цветок с семью лепестками в ее центральной части соответствуют ранним штемпелям пробирщика Хуана Висенте Браво в период при Филиппе III. Его знак «B» — Bravo практически не виден, при сильном увеличении читается слабый контур буквы. На оборотной стороне слабо различимо основание цифры «4» в дате. Подобный экземпляр с близкими штемпельными связями и хорошо сохранившейся датировкой был выставлен на «Aureo&Calicó, S.L.» аукционе №286, лот 569, 15 декабря 2016 г.

¹ Датировки знаков пробирщиков подобраны с помощью каталога Numismatica Española, информация о именах и фамилиях пробирщиков восстановлена автором самостоятельно с опорой на статью Ланса-Лансароте (Lanzarote, 2020).

² Аналогичный экземпляр можно найти в Standard Catalog of World Coins: 1601–1700, 2011: 1484

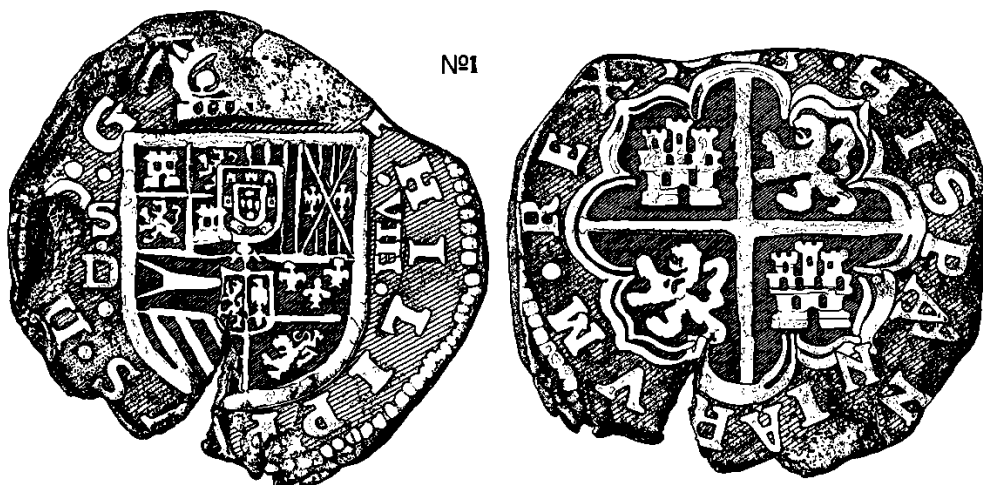

Рисунок 7. Экземпляр №1. Авторская прорисовка.

№1. Король Испании Филипп III, 8 реалов 1622–1623 г. Вес — 27,03 г.

Аверс: коронованный гербовый щит, знак монетного двора слева: «S» — Севилья; Ниже первая буква имени пробирщика: «D» — Damián Maldonado (1617–1621), справа номинал — «VIII» (вертикально); надпись вокруг: легенда: «PHILIPPVS·III·D·G·» — «Филипп III, Божией милостью».

Реверс: в четвертях греческого креста, соединенного двойными фигурными дугами мавританского четырехлистника, расположены львы и крепости; надпись вокруг: «HISPANIARVM REX · 162..» — «Испании Король, 162..». КМ#37.3¹.

Датировка практически находится за краем монеты. Сохранился небольшой фрагмент нижней части двойки.

У пробирщика Дамиана Малдонадо дизайн лицевой стороны имеет отличительный элемент: изображение герба Австрии — горизонтальная полоса не упирается в границу геральдического щита, а раздваивается в виде «рыбьего хвоста» влево. Эта исключительно севильская особенность появляется в 1620 году и продолжается в разных вариациях и при следующем короле Филиппе IV. Известно, что Малдонадо работал до 1625 года. При сравнении образца №1 с материалом из фотобанка аукционов «Aureo&Calicó, S.L.» и «Cayón Subastas» выявлено сходство штемпелей с экземплярами, датированными 1622 и 1623 гг.

Все севильские тостоны из состава клада несут метку пробирщика Гаспара де Талевере. Монеты №9 и №10 близки в хронологической цепочке штемпелей. Несмотря на износ и коррозию, эти экземпляры имеют на лицевой стороне хорошо различимую минтмарку «S», знак «G» (Gaspar) слева от гербового щита и значение номинальной стоимости, написанное римскими цифрами «III». На оборотной стороне почти полностью сохранились датировки — 1618 г. Экземпляр, соответствующий штемпелю образца №10, был выставлен на аукционе «Cayón Subastas» №23 от 29 января 2015 г., лот 138.

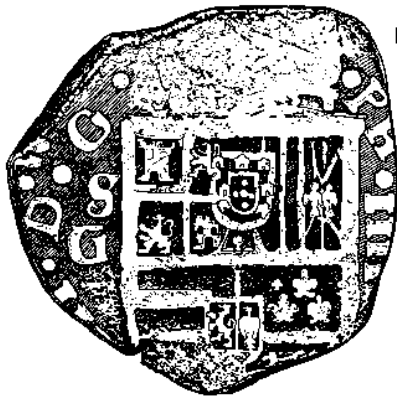
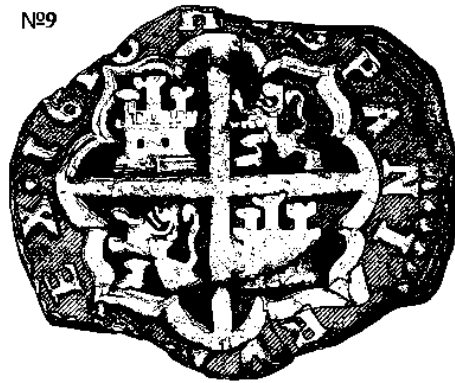
№11. Для 1619 г. есть небольшие различия. Штемпели сходны со штемпелями 1618 г., но у замков в квадрантах реверса другой силуэт. Основания башен шире и вмещают окна.

№13. На лицевой стороне сохранились только марки пробирщика и монетного двора. Штемпельная пара находится в хронологической цепочке 1618–1619 гг.

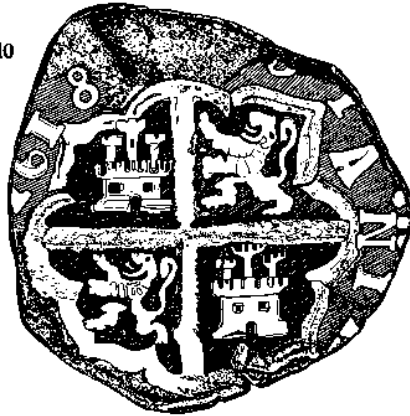
¹ Аналогичный экземпляр можно найти в Standard Catalog of World Coins: 1601–1700, 2011: 1484

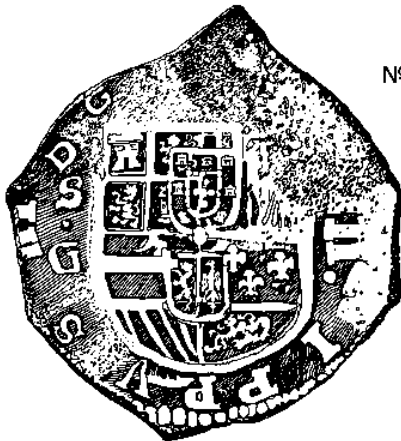
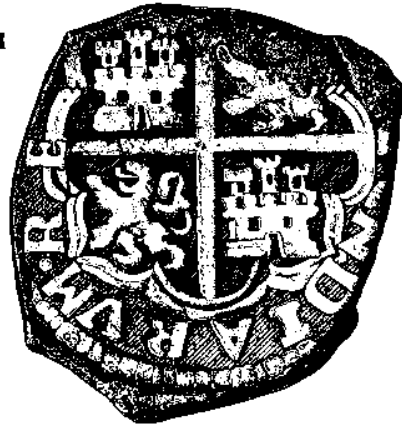
№9

№10

№11

№13

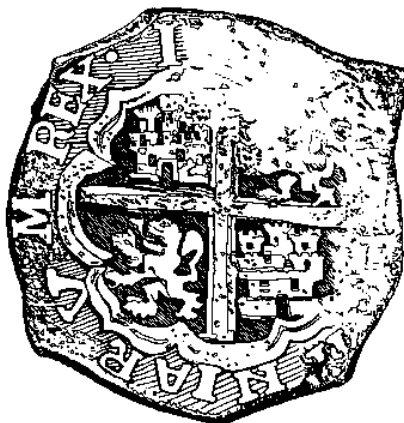

Рисунок 8. Экземпляры №9, №10, №11, №13. Авторские прорисовки.

№9. Филипп III, 4 реала 1618 г., монетный двор Севилья. Вес — 13,14 г;

Аверс: коронованный гербовый щит, знак монетного двора Севилья слева: «S» над «G»; Ниже первая буква имени пробирщика: «G» (Gaspar de Talevere), справа номинал «III» (вертикально); надпись вокруг: «PHILIPPVS·III·D·G·» — «Филипп III, Божией милостью».

Реверс: греческий крест, в четвертях львы и крепости;

Надпись вокруг: «HISPANIARVM REX·1618·» — «Испании Король, 1618». КМ#33.4¹.

№10. То же, что № 9. Вес — 13,14 г.

№11. Филипп III, 4 реала 1619 г. (дата по штемпелю) (тип 1617–1621 гг.). КМ#33.4².

Монетный двор Севилья. Вес — 13,49 г.

№13. То же, что № 11. Дата не читается. Тип 1617—1621 гг. по периоду службы пробирщика. Вес — 13,29 г.

Монеты Толедо

До начала XVI в. история чеканки в Толедо насчитывала почти две тысячи лет, охватывая три периода: вестготов, арабское нашествие и господство кастильских королей. На протяжении многих веков монетный двор располагался в районе нынешнего монастыря Санта-Фе.

С открытием Америки и началом добычи драгоценных металлов на острове Эспаньола (Гаити) в 1497 г. была предпринята попытка построить монетный двор на только что открытых новых территориях в Карибском бассейне. Насущная нужда в монетах для выплат заработной платы и ежедневных торговых сделок привели к назначению Хуана де Пестаны казначеем монетного двора Эспаньолы 29 января 1500 г. Но, из-за задержек «Дом Монет» Эспаньолы удалось открыть только в 1540 г. Столкнувшись с этими трудностями, Корона изменила стратегию и 26 июля 1503 г. вышел указ о том, что «золото для королевской казны с Эспаньолы и других островов из-за океана привозить на монетный двор в Севилье». С прибытием первых кораблей с сокровищами Нового Света Севилья получила эксклюзивные права на чеканку, но справиться с возрастающими объёмами была не в состоянии. 13 февраля 1504 г. королева приказала разделить поставки между тремя монетными дворами. Третью сырья доставалась Севилье, остальное делили «дома монет» Толедо и Гранады. Ранее сильно ограниченные в ценных металлах, монетные дворы континентальной Испании оказались попросту не готовы к «освоению» беспрецедентных по европейским меркам объемов поставок американского сырья.

Промышленные мощности старого монетного двора в Толедо также оказались не способны обеспечить чеканку такого масштаба. Поэтому за несколько месяцев до своей смерти королева Изабелла I Кастильская своим указом от 30 августа 1504 г. повелела перевести учреждение монетного двора из его предыдущего места в новое здание на улице Нуньес де Арсе (Núñez de Arce — старая Torno de las Carretas: Alvarez y Ваена, 1790). Новый «дом монет» приступил к чеканке всего спектра серебряных монет кратных 8, 4 и 2 реалам, а также их долям $\frac{1}{2}$ и $\frac{1}{4}$ реала, медных мараведи от 16 и до самых мелких фракций в испанской восьмеричной денежной системе. Технология чеканки молотовой ковкой оставалась примитивной, как на прежнем монетном дворе. Процесс чеканки начинался с «ресосо» — отжига слитков имеющих форму стержней, полученных в литейном цехе. Нагрев до определённой температуры обеспечивал пластичность металла и предотвращал появление трещин. Этот отжиг длился до пяти часов на среднем огне тигельной печи. Затем заготовки нарезали на дисковидные плашки

¹ Аналогичный экземпляр можно найти в Standard Catalog of World Coins: 1601–1700, 2011: 1483.

² Аналогичный экземпляр можно найти в Standard Catalog of World Coins: 1601–1700, 2011: 1483.

— «cospeles», с приблизительно необходимым весом будущих монет. Плашки отбивались опытным молотобойцем до требуемой толщины монет, с условно круглой формой. В результате металл остывал, и это требовало повторного отжига для размягчения. Следующей операцией была обрезка стружки на заготовке для удаления облоя и улучшения круглой формы и веса. После вышеуказанных стадий «cospeles» были загрязнены до черноты и нуждались в очистке и отбеливании перед началом чеканки. Для этого их разогревали и выдерживали в больших медных сосудах, содержащих щелочной раствор, затем бланшировали и сушили.

Последним этапом была чеканка монет методом ручнойковки. В результате этого трудоемкого и долгого процесса невозможно было избежать издержек качества, сохраняя крупные объемы выпуска. Для получения «правильной» монеты необходимой толщины и «округлости» требовались существенные усилия. На практике, при массовой чеканке монеты имели грубую форму и получались внешне несовершенными. Очевидно, неудобная технология многократного отжига и ручной обрезки, в условиях продолжавшихся и увеличивающихся поставок ценных металлов из Нового Света неизбежно поставила перед испанцами задачу разработки альтернативных методов производства монет.

В конце XVI в. Мигель де ла Серда, в сотрудничестве с Бальтасаром Веллорино, разработал особые высечные ножницы — «tijera». Это изобретение повышало качество изготовления круглых заготовок монет до нужного размера и веса, уменьшая количество операций по отжигу и подводя производство к отказу от цилиндрических слитков и дальнейшему совершенствованию — прокатному стану. Изобретение де ла Серда было приказано опробовать в монетных дворах Сеговии, Мадрида и Толедо, а также в колониях, но дальнейшее внедрение столкнулось с сопротивлением производителей. Затраты времени на обрезку плашки до идеального круглого состояния с помощью ножниц оказались длительнее, чем примитивная прежняя технология. Повышение себестоимости продукции оказалось неприемлемым. В связи с этим обстоятельством монетарии вернулись к предшествующим методам грубой обрезки (Molina, 1993).

Под впечатлением от успехов в машинной чеканке на новом «Инхеньо Реал» в Сеговии Филипп II решил построить еще один завод в Толедо. Но проект так и не был реализован. Установка оборудования для прокатного стана на старых водяных мельницах (Barranchuelo) на реке Тахо была приостановлена в 1662 г. (Lazaro, 1991).

Знаки пробирщиков Толедо

Хосе Пеллисер, известный исследователь и президент Испанской Ассоциации нумизматики в своем «глоссарии создателей монетных дворов и пробирщиков» подробно разобрал этот вопрос в соответствии с имеющимися фактами из национальных архивов (Pellicer, 2010). Буква «**М**» соответствует монетарию Бальтасару де Манзанасу, служившему на монетном дворе с 1530 до 1553 г. Его преемник Еухеньо де Манзанас использовал такую же литеру в 1559–1566 гг. После 1566 г. появляется новый дизайн, крест с королевским гербовым щитом на лицевой стороне и замками и львами на оборотной. Еухеньо де Манзанас работал до 1576 г. Следующий пробирщик Алехо Монтоя использовал знак «**М**» внутри круга в 1578–1592 гг. В этом промежутке времени появляются датировки на монетах — в Сеговии в 1586 г., в Толедо на четыре года позже, в 1590 г. Хуан Кабальеро занимал должность пробирщика в 1591–1596 гг. Его знак «**С**» от фамилии «Caballero». Мельчор Родригес дель Кастильо до 1615 г. также ставит «**С**». В 1611 г. появляется метка неизвестного пробирщика «**V**». Ее можно встретить на монетах до 1618 г. Одновременно, начиная с 1615 г. работал еще один монетарий, чье имя в настоящее время не установлено, монеты с его меткой «**P**» встречаются до 1639 г.

Метка	Пробирщик	Период работы
M	Baltasar Manzanas	1530–1553
M	Eugenio de Manzanas	1566–1576
M	Alejo (Alexo) de Montoya	1578–1592
C	Melchor Rodriguez del Castillo	1602, 1604, 1606–1615
V	Неизвестный пробирщик	1611–1618
P	Неизвестный пробирщик	1615–1639

Таблица 5. Периоды работы пробирщиков монетного двора Толедо.

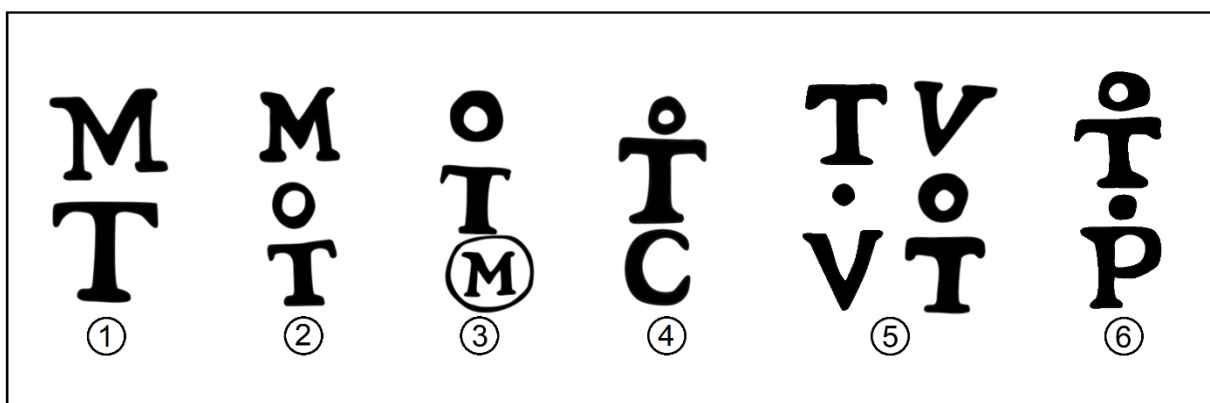

Рисунок 9. Метки пробирщиков монетного двора Толедо. 1 — Бальтасар Манзанас; 2 — Эухень Манзанас; 3 — Алехо де Монтойя; 4 — Мельчор Родригес дель Кастильо; 5,6 — неизвестные пробирщики «V» и «P».

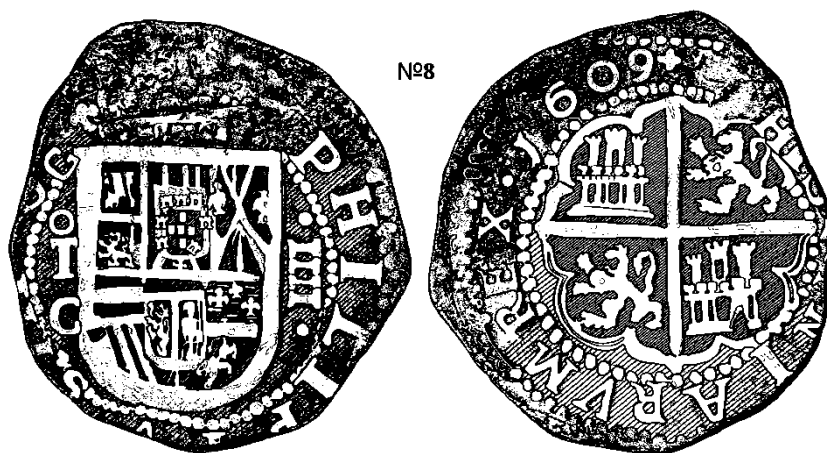

Рисунок 10. «Экземпляр №8. Авторская прорисовка».

8. Филипп III, 4 реала 1609 г., реконструкция даты.

Монетный двор Толедо. 13,23 г;

Аверс: Коронованный гербовый щит, знак монетного двора слева: «o» над «T»;

Ниже первая буква имени пробирщика: C (Melchor Rodriguez del Castillo), справа номинал III (вертикально);

По окружности легенда: «PHILIPPVS·III·D·G·» — «Филипп III, Божией милостью».

Реверс: В четвертях греческого креста, соединенного двойными фигурными дугами мавританского четырехлистника, расположены львы и крепости;

По окружности легенда: «HISPANIARVM REX·1609·» — «Испании Король, 1609». KM#33.5¹.

¹ Аналогичный экземпляр можно найти в Standard Catalog of World Coins: 1601–1700, 2011: 1483.

На оборотной стороне слабо различимы цифры даты «16..» и основание цифры «9». Следует отметить некоторые из признаков, отличающих дизайн 1609 г. Гербовый щит на лицевой стороне слишком узкий, за счет чего в верхнем поле не поместились правые квадранты львов и крепостей. Контур границы щита толще обычного. На оборотной стороне у кастильских замков в четвертях креста вытянутые вертикально прямоугольные окна и башни. Входы в крепость расположены выше основания и выглядят как окна. Близкий по штемпельным связям экземпляр был выставлен на аукционе «Aureo&Calicó, Auction 286 — Lot 642, 15 декабря 2016 г.

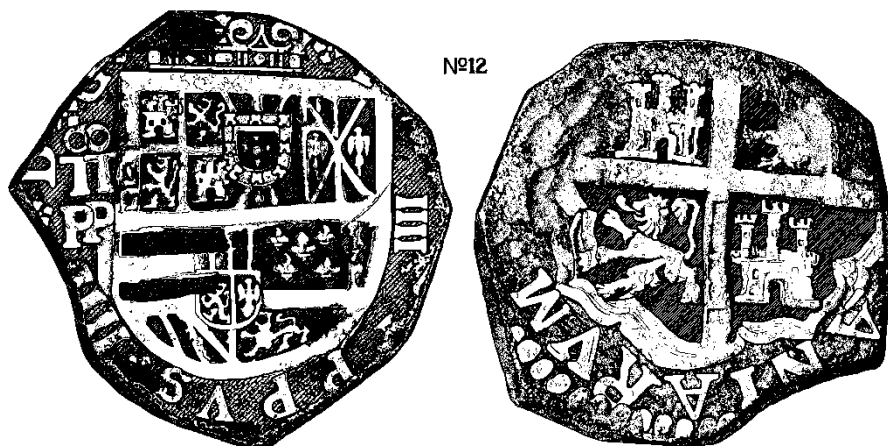

Рисунок 11. «Экземпляр №12. Авторская прорисовка».

12. Филипп III, 4 реала 1618–1621 гг., Толедо.

Неизвестный пробирщик «Р». Вес: 13,19 г.

Аверс: Коронованный гербовый щит, Знак монетного двора слева: «о» над «Т»;

Ниже первая буква имени пробирщика: «Р», справа номинал «III» (вертикально);

По окружности легенда: «**HILIPPVS·III·D·G·**» — «Филипп III, Божией милостью».

Реверс: В четвертях греческого креста, соединенного двойными фигурными дугами мавританского четырехлистника, расположены львы и крепости;

По окружности легенда: «**HISPANIARVM REX· [1620–22]**» — «Испании Король, 162...»¹.

Распространенный брак: смещение плашки на нижнем штемпеле при ударе по верхнему. Дата полностью утрачена.

Метка неизвестного пробирщика определяет широкий интервал периода чеканки 1615–1639 гг. Основными признаками для определения датировки является форма короны, изгиб ее основания и геометрические узоры в основании короны (см. рисунок № 12). Для 1619 и 1620 гг. это чередование «круг-ромб-квадрат». В 1621 г. — круги и квадраты, в 1622 один горизонтальный прямоугольник в центре и два ромба по сторонам разделены двойными узкими вертикальными полосками, иногда отсутствует разделительная планка-основание короны.

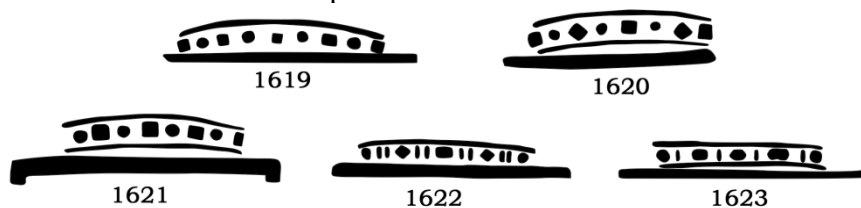

Рисунок 12. Авторские прорисовки основания короны на аверсе монет чеканки Толедо.

¹ Аналогичный экземпляр можно найти в Standard Catalog of World Coins: 1601–1700, 2011: 1483.

В 1623 и 1624 гг. горизонтальные прямоугольники чередовались с одиночными узкими вертикальными полосками. Несмотря на плохое состояние монеты из клада, по остаткам контуров можно предположить штемпельную связь с 1620–22 гг.

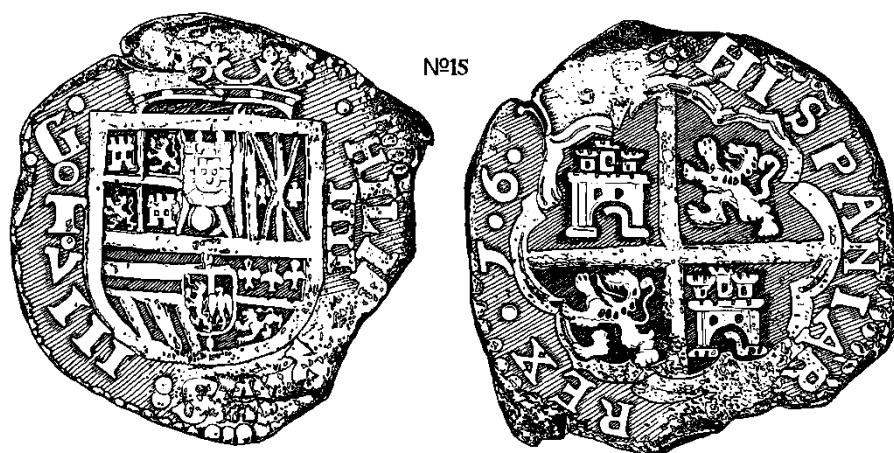

Рисунок 13. Экземпляр №15. Авторская прорисовка.

15. Филипп III, 4 реала (тип 1613–18 гг.)

Монетный двор Толедо. Неизвестный пробирщик «V». Вес: 13,55 г.

Аверс: Коронованный гербовый щит, Знак монетного двора слева: «V» над «T»;

Ниже первая буква имени пробирщика: «V», справа номинал «III» (вертикально);

По окружности легенда: «PHILIPPVS III D G» — «Филипп III, Божией милостью».

Реверс: В четвертях греческого креста, соединенного двойными фигурными дугами мавританского четырехлистника, расположены львы и крепости;

По окружности легенда: «HISPANIARVM REX 16[17]» — «Испании Король, 1617». КМ#33.5¹.

У монеты №15 из клада сохранились все выпускные данные, кроме последней цифры даты выпуска. Для ее уточнения обратимся к испанскому каталогу монет Ксавьера Калико, где тостоны с меткой «V» обозначены под типом №156 (Calico, 2019: 137). Этот неизвестный пробирщик начал работать на монетном дворе Толедо в 1611 г., когда он использовал штемпель Мельчора дель Кастильо с прорезанной собственной маркой «V/C». Также в каталоге отмечаются другие даты с использованием метки «V» до 1618 г. Сравнение штемпельных связей позволяет сделать предположение о выпуске в 1617–1618 гг. Еще одна особенность, оригинальное изображение входного портала крепостей Кастилии в четвертях креста на оборотной стороне. Следует отметить пропущенную начальную букву «P» в имени короля.

Каса Вьеха — Старый монетный двор Сеговии

Первая чеканка в Сеговии началась еще со времен римской колонизации - между 30 и 20 г. до н.э. здесь выпускались бронзовые ассы. На монетах, которым более 2000 лет, присутствует надпись: «SEGOVIA» — первое дошедшее до сегодняшнего дня упоминание названия города.

Испанская чеканка началась во время Реконксты, а в 1136 году Альфонсо VII Император, первый испанский король из Бургундской династии, разрешил епископу дону Педро чеканку в городе, и подписал декларацию, в которой пожертвовал одну четверть от всех отчеканенных монет на строительство старого собора Санта-Мария.

¹ Аналогичный экземпляр можно найти в Standard Catalog of World Coins: 1601–1700, 2011: 1483.

При короле Хуане I Кастильском в Сеговии чеканились веллоны из меди с очень небольшим добавлением серебра, изображающие бюст короля и серебряные бланки «Агнец Божий» (Agnus Dei) с буквами «SG» — Сеговия. Чеканку веллонов продолжали короли Альфонсо VIII (1158–1214), Энрике II (1369–1379), Хуан I (1379–1390), Энрике III (1390–1406). Все эти монеты имели минтмарки «S» или «SE».

«Сеговийский» король Энрике IV, вступив на престол, приказал построить новый монетный двор, известный сегодня как Каса Вьеха (Casa Vieja) — «Старый Дом», расположенный в Коралильо Сан-Себастьян. 1 мая 1455 г. новое здание было открыто. Чтобы отпраздновать это событие, в качестве марки монетного двора в Сеговии впервые использовали изображение древнеримского **акведука**. В течение следующих столетий, когда испанские деньги стали свободно распространяться на всех континентах, вытесняя в разных странах местную валюту, этот символ получил известность как визитная карточка города. «Каса Вьеха» стал самым важным монетным двором в Испании в течение следующих лет, вплоть до прибытия золота и серебра из колоний Нового Света.

Энрике IV (1454–1474) раздал множество привилегий своим друзьям и доверенным лицам в разных городах. Это привело к многочисленным злоупотреблениям и фактам мошенничества, связанным с качеством чеканки. Католические короли Фердинанд и Изабелла были вынуждены реформировать испанскую денежную систему. Одной из наиболее важных мер было ограничение числа монетных дворов до **семи** — чеканка была разрешена Сеговии, Бургосу, Ла-Корунье, Куэнке, Толедо, Гранаде и Севилье (Rivero, 1928).

Карл и Хуана (1504–1555) продолжали чеканку веллонов, а также золотых и серебряных монет в Сеговии. Постепенно, если судить по объему произведенных денежных средств, монетный двор в Севилье приобретал всё большую важность. Все драгоценные металлы, поступающие из Нового Света, выгружались на пристани, заполняя склады у Башни Торре-дель-Оро. Открытие месторождений горы Потоси в вице-королевстве Перу в 1545 г. привело к тому, что начиная примерно с 1550 г., все значительные по масштабам поставки американского серебра прибывали ежегодно в Севилью, существенно изменив характер взаимоотношений между кастильскими монетными дворами. Воцарился яростный дух соперничества за распределение излишков металлов, которые не успевали освоить севильские монетарии.

В течение трех последних десятилетий XVI в. монетные дворы в метрополии переработали около 4 500 т серебра и 121 т золота. Из этих объемов, почти 72% всего серебра, и 87% всего золота, были обработаны в королевском «Каса де ла Монеда де Севилья», в то время как Сеговия получила для чеканки только 9% от всего серебра и всего лишь 1% от всего золота (Murphy, 2002). Поэтому монеты из Сеговии являются значительно более редкими, чем аналогичные монеты, отчеканенные в Севилье.

Появление в XVI в. немецкой технологии механизации чеканки вызвало переворот в производстве с использованием ручнойковки, изобретенной еще в 700 г. до н.э. Новый способ обработки слитков на прокатных станах, приводимых в движение гидравлическими колесами, и чеканку с помощью прессы начали пробовать в разных европейских державах. Это изобретение быстро пришло в Испанию. В конце 1580 г. Филипп II успешно провел переговоры со своим двоюродным братом эрцгерцогом Фердинандом Тирольским, который в качестве благодарности за военную поддержку в 1582 г. передал технологию и некоторые из этих устройств, изготовленных в Инсбруке. В мае 1583 г. после частной покупки королем Филиппом II старой мукомольной фабрики на реке Эресма в Сеговии на ее месте было решено основать новый монетный двор — «Реаль Инхеньо» (Real Ingenio). Перевод этого названия можно предложить как «королевский» и «остроумие, машина, механическое устройство». Переустройство здания

началось 7 ноября 1583 г. под руководством известного архитектора Хуана де Эррера. Король пригласил для работы на своей фабрике тирольских специалистов. Новейший прокатный стан прибыл в Сеговию 1 июня 1585 г., а в марте 1586-го «Реаль Инхеньо» начал серийное производство (Мальцев, 2020).

Оба монетных двора в Сеговии работали параллельно — не сообщаясь между собой, в течение практически целого столетия (1583–1681). Деятельность «Каса Вьеха» регулировалась поверенными казначейства, как и всех других кастильских монетных дворов. В то же время «Реаль Инхеньо», будучи частной собственностью короля, управлялся «Ассамблеей работ и лесного хозяйства», внутренним административным органом королевского дома (Мальцев, 2020).

Пробирщики старого монетного двора в Сеговии при королях Филиппах II, III и IV, с 1556 г. до закрытия монетного двора в 1681 г.

Хуан де Арфе, родился в Леоне в 1535 г. В молодости он переехал в Вальядолид, где изучил ремесло мастера серебряных дел (платеро). В 1563 г. от брака с Анной Мартинес Карриона из семьи ювелиров родилась его единственная дочь, Германа, которая в 1596 г. вышла замуж за ювелира Лесмеса Фернандеса дель Морал¹. После смерти в 1603 г. Хуана де Арфе, энсаядора (пробирщика) «Старого Дома» в Сеговии, знаменитого своими ювелирными произведениями и трактатами об искусстве, появилось несколько претендентов на эту должность. Сын королевского ювелира в Мадриде, также мастер серебряных дел, Франсиско Рейналте, указывая на заслуги своей фамилии перед короной, пытался заполучить место. Вдова де Арфе обратилась к защите собственности в пользу своего зятя, Лесмеса Фернандеса дель Морал. Она утверждала, что тот учился два года монетному делу у королевского ювелира Джакомо Треззо (Jacome Trezzo) и ради новой должности оставил работу резчика монетного двора Бургоса. Это требование стало решающим в выборе назначения и в документах 1618 и 1619 гг. дель Морал упоминается пробирщиком старого монетного двора (Del Rivero, 1928: 33). Пробирщик, приступивший к работе при Филиппе VI, помечал монеты буквой «F», предположительно им был всё тот же Франсиско Рейналте, который работал на Старом монетном дворе Сеговии в 1623–1628 гг. Этот пробирщик, по всей видимости, вольно относился к контролю стандарта размещения выпускных данных и геральдики, допуская массу различных ошибок. Менялись местами значения номинала и минтмарок, квадранты львов и крепостей Леона и Кастилии, акведук мог быть расположен вертикально или горизонтально. Количество арок акведука в ряду могло различаться от двух до трех. В 1623 г. резчик попросту «забыл» добавить в штемпель герб Португалии.

Метка	Пробирщик	Годы работы
D°	Diego de Espinar	1537
звезда	JuliándeCarvajal	1557
D, D°	Diego de Muñoz	1557–1571
IM	Juan deMorales	1586–1588
I°	Juan de Ortega	1595
FE	Juan de Arfe	1596
Дерево	Lesmes Fernández del Moral	1597–1608
Башня	Melchor Rodríguez del Castillo	1599–1602
A	Alonso de Ávila	1610–1612

¹Подробнее см. Aurelio A.B.G. Lesmes Fernández del Moral // La Real Academia de la Historia. Историческая справка. [Эл. ресурс] URL: <https://dbe.rah.es/biografias/9433/lesmes-fernandez-del-moral> [Дата обращения: 21.07.21].

B, BT,	Неизвестный пробирщик	1613
S	Неизвестный пробирщик	1612–1614
AR	Andrés de Pedrera	1614
R	Francisco Reynalte ¹	1623–1628
P	Pedro Enriquez	1627
BR	Bernardo de Pedrera	1642–1662
S	Sebastián González de Castro	1661

Таблица 6. Периоды работы пробирщиков «Каса Вьеха» — Старого Дома монет Сеговии².

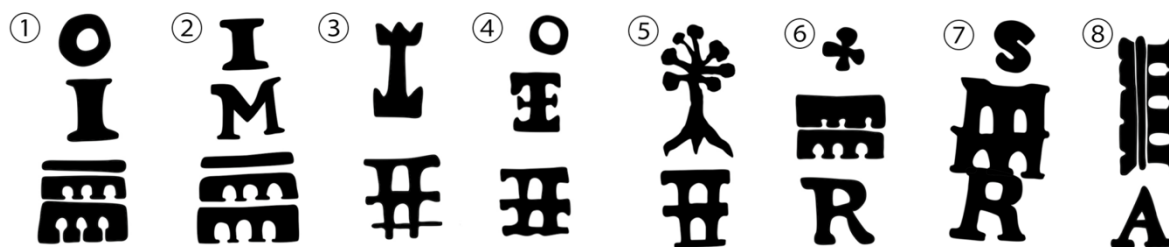

Рисунок 14. Метки пробирщиков «Старого Дома» монет в Сеговии. 1 — Хуан де Ортега; 2 — Хуан де Моралес; 3 — Мельчор Родригес дель Кастильо; 4 — Хуан де Арфе; 5 — Лесмес Фернандес дель Морал; 6–7 — Франциско Рейналто; 8 — Алонсо де Авила.

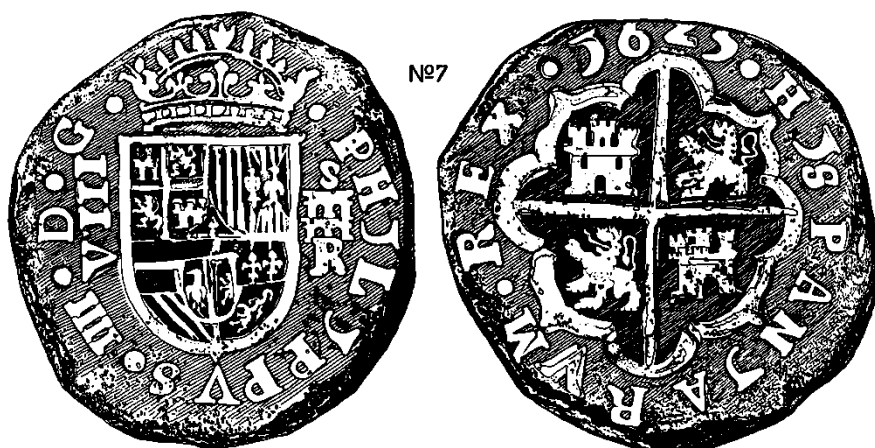

Рисунок 15. Экземпляр №5. Авторская прорисовка.

7. Филипп IV. 8 реалов 1623 г.

Старый монетный двор Сеговия. 27,05 г;

Аверс: Коронованный гербовый щит, Знак монетного двора изображен нестандартно, справа: «O» над символом «акведук», ниже метка пробирщика «R» — Francisco Reynalte; справа номинал «VIII» (вертикально).

По окружности легенда: «PHILIPPVS·III·D·G·» — «Филипп III, Божией милостью».

Реверс: В четвертях греческого креста, соединенного двойными фигурными дугами мавританского четырехлистника, расположены львы и крепости;

По окружности легенда: «HISPANIARVM REX·1623·» — «Испании Король, 1623» КМ#39.5¹.

¹ Имя пробирщика восстановлено с опорой на испанский каталог монет Ксавьера Калико (Calico, 2019: 191).

² Подробнее см.: Официальный сайт Ассоциации Amigos de la casa de la monedade Segovia. [Эл. ресурс] URL: <https://segoviamint.org/es/> [Дата обращения 21.07.21].

Последняя цифра даты имеет фрагмент, предполагающий варианты «3» и «5». В каталоге Ксавьера Калико тип с номиналом слева от гербового щита и отсутствием герба Португалии отмечен единственной датой 1623, как Tiro 339, №1565, и относится к чрезвычайно редким монетам. Также можно обратиться к экземпляру, реализованному на аукционе «Сауон» в Испании, 6 июля 2016 г. Это лот №740, с идентичным штемпелем лицевой стороны, — 8 реалов 1623 г., Филипп IV, «Casa Vieja», Сеговия². Штемпель лицевой стороны монеты, выставленной на торги, идентичен макукину из Сеговии в составе Таманского клада. Обратная сторона имеет отличия, но, несомненно, уточняет дату чеканки. Особенность написания тройки подобна фрагменту монеты из клада. Кроме того, изнашивание штемпелей не могло выдержать столь долгого срока использования и к 1625 г. сменилось несколько штемпельных пар. Это подтверждают многочисленные образцы с изменившейся типологией. Например, в гербе Новой Бургундии с 1624 и 1625 гг. присутствуют три лилии в шахматном порядке, в отличие от 1623 г., где их две. Таким образом, датировка самой младшей монеты в кладах — 1623 г.

«Старый Дом» в Сеговии продолжал выпуск монет в XVI и XVII веках. Время большого производства продолжалось до публикации Прагматики 27 марта 1626 г., когда чеканка медных мараведи на всех монетных дворах была приостановлена. С тех пор работа была спорадической, за исключением шести крупных кампаний по нанесению надчеканок для переоценки старых медных монет. Чеканка серебряных реалов была очень нерегулярной и незначительной, а золотых монет практически не известно. Производство так и не было механизировано. Последними монетами, выпущенными на старом монетном дворе, были мараведи, отчеканенные 8 июня 1681 г. С закрытием «Каса Вьеха» эпоха ручной ковки монет в Сеговии завершилась.

Монеты Мехико

Два песо и один тостон в составе Таманского клада принадлежат чеканке Мехико. Для типологии мексиканских реалов характерны некоторые очевидные признаки. Основным отличием является форма креста в виде большого плюса на оборотной стороне. Флорентийский крест имел расщепленные концы, завершающиеся сферами или полусферами, и чеканился исключительно в Мехико. Другим признаком был перенос и размещение даты выпуска на лицевую сторону монет. Легенда «PHILIPPVS·III·DEI·G·16XX» вокруг гербового щита «упиралась» в большую корону и у даты было свое постоянное место слева в верхней части. Это знание очень помогает при поиске необходимых фрагментов цифр и реконструкции изображений. Отличие типологии состояло в том, что в чеканке других монетных дворов обозначение года располагалось на реверсе и могло «перемещаться» вместе с легендой вокруг центрального изображения. Поскольку несовершенная технология изготовления приводила к значительной потере надписей, зачастую проблематично установить контуры даты. Монетарии Мехико первыми отказались от римских цифр в написании номинальной стоимости, перейдя на индо-арабский цифровой код, что также является особенностью чеканки исследуемого периода.

К сожалению, мексиканские макукины из клада не содержат достоверных фрагментов датировки и легенды с порядковым номером королевского имени. Минтмарка Мехико и метка пробирщика «D» едва просматриваются на двух экземплярах песо, но хорошо сохранились на тостоне.

Эффективным способом атрибуции становится сравнение элементов конструкции штемпелей 1620, 1621 и 1622 гг. Дизайн монет Филиппа III был практически почти

¹ Аналогичный экземпляр можно найти в Standard Catalog of World Coins: 1601–1700, 2011: 1484.

² Лот на аукционе Сауон Subastas. Архив веб-портала нумизматических аукционов. 2016. [Эл. ресурс] URL: <https://www.numisbids.com/n.php?p=lot&sid=1576&lot=740>[Дата обращения 21.07.21].

идентичен макукинам Филиппа II. Поэтому чрезвычайно трудно различать мексиканскую чеканку этих королей. Штемпели, используемые во время Филиппа III, вырезаны грубее, плашки менее круглые (Беляков, 1990). Для уточнения датировки проведено исследование элементов конструкции в дизайне, с выявлением признаков, присущих разным пробирщикам, работавшим в период с 1572 по 1634 гг.

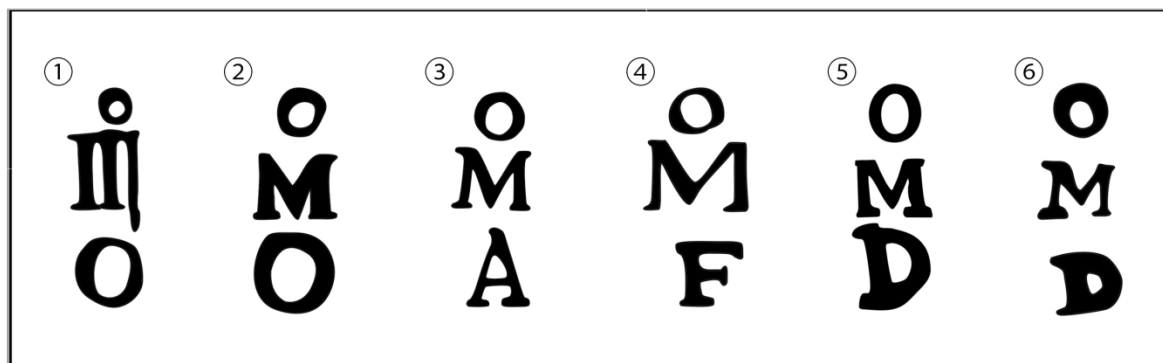

Рисунок 16. Метки пробирщиков Casa de Moneda de México. 1 — Бернардо Онате; 2 — Луис де Онате; 3 — Антонио Моралес; 4 — Франсиско де Моралес; 5–6 — Диего де Годой.

Пробирщики монетного двора Мехико

Мексиканский монетный двор, основанный королем Карлом I в 1535 г., стал первым в Америке. До введения машинной чеканки здесь, как и на других подобных предприятиях в колониях Нового Света, производство было частным предприятием в течение двух столетий. Должности казначея, пробирщика, интенданта, плавильщика, резчиков, весовщика и охранников приобретались на торгах в пользу королевской казны. Деятельность «Каса де Монета Мехико» ограничивалась услугами по чеканке серебряных и золотых монет из металла, предоставленного заказчиком, за вычетом соответствующего сеньоража, в который входила и королевская доля. В 1732 г. корона вступила во владение и непосредственное управление монетным двором. С этого времени учреждение становилось покупателем драгоценных металлов и отчеканенные монеты принадлежали королевской казне.

Бернардо Онате занимал должность главного пробирщика еще со времен правления Карла I и его матери Хуаны I Безумной, когда в 1572 г. пришло королевское указание о переходе к новому дизайну с гербовым щитом Габсбургов. Некоторые источники указывают, что в середине 1580-х, в отсутствие Бернардо, его замещал Луис де Онате, который, возможно, был его сыном (Mirabal, 2012). Монеты выпускались с такой же меткой «O» поэтому нет возможности различить монеты этих пробирщиков. Осенью 1584 года должности казначея, плавильщика и пробирщика с пожизненным владением за 57.730 песо приобрел Луис Нуньес Перес де Менака (Luis Núñez Pérez), чем обеспечил себе 15 летнюю карьеру до своей смерти 18 марта 1610 г.

Мельчор де Куэльяр, «гадитано» — уроженец Кадиса, был богатым купцом в мексиканском Веракрусе. Свое состояние он приумножал на прибыльной торговле кошенилью и серебром, которое испанские галеоны вывозили в Азию по маршруту Манила — Акапулько, в обмен на пряности, фарфор и слоновую кость. Располагая деньгами, де Куэльяр купил должность мэра в городе Пуэбла. В 1610 г. за 140 000 песо он приобрел должности пробирщика и плавильщика (*fundidor*) монетного двора Мехико. Это приобретение дало торговцу возможность получать доход около 13–14 тыс. песо в год. В 1622 г. его состояние составляло более 400 300 песо (Mirabal, 2012: 87–89, 125–126). Будучи глубоко верующим католиком, Мельчор де Куэльяр основал семинарию

«Нуэстра Сеньора Санта-Ана» и религиозный фонд «Общество Иисуса», в который пожертвовал 100 000 песо. Вместе со своей женой Марианной де Агильяр, Мельчор де Куэльяр покровительствовал ордену кармелитов в Мехико и стал основателем монастыря «Santo Desierto de los Leone». Для того, чтобы не оставить кармелитов без содержания, в 1634 г. де Куэльяр завещал право владения монетным двором и должности плавильщика и пробирщика монастырю¹. Кармелиты управляли чеканкой с помощью арендаторов-«тениенте» до 1732 г., когда с введением механизации чеканки король присвоил эти права себе. По одной версии, литера «D», определяющая пробирщика на чеканке этого периода, является начальной буквой названия монастыря Santo Desierto (Святая Пустыня). По другой версии, основанной на архивных документах, это имя основного арендатора монетного двора Диего де Годоя (Diego de Godoy) (1618–1634)².

Используя право передачи должности в аренду, Мельчор де Куэльяр нанимал себе заместителей для управления чеканкой. Первым арендатором или «тениенте» стал пробирщик с инициалом «F», Франсиско де Моралес. Он работал в 1603, 1607–1608 и 1610–1618 гг. Антонио де Моралес, сын донна Франсиско, работал в монетном дворе в период отсутствия отца, между 1608 и 1610 гг. Стоит отметить, что Франсиско Моралес и его преемник Диего де Годой (1618–1634) выпустили столь большое количество монет, что их в значительных объёмах обнаруживали в известных подводных археологических раскопках на местах кораблекрушений испанского флота (Mirabal, 2012). В России известные испанские клады на хранении основных музеев также имеют в своем составе серебряные реалы с маркировками этих пробирщиков (Таценко, 2012: 96).

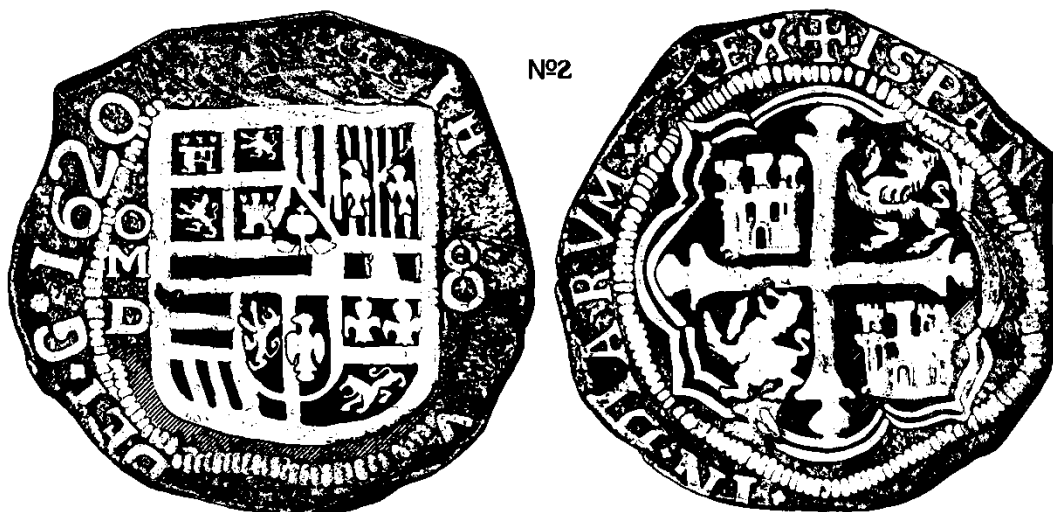
Метка	Имя пробирщика	Годы работы
O	Бернардо де Онате — Bernardo de Oñate	1550-е — 1578?
O	Луис де Онате — Luis de Oñate	1580 — 1590?
	Луис Нуньес Перес де Менака — Luis Núñez Pérez	1584 –1610
	Мельчор де Куэльяр, владелец должности	1610–1634
F	Франсиско де Моралес.	1603, 1607–1608 и 1610 — 1618
A	Антонио де Моралес — Antonio de Morales	1608–1610
D	Диего де Годой — Diego de Godoy	1618–1634
P	Неизвестный пробирщик	1634–1666
G	Geronimo Bercerra	1666–1677

Таблица 7. «Пробирщики монетного двора Мехико».

¹ Данный вывод сделан с опорой на: Завещание Мельчора де Куэльяра. 1634. Документ из архива Archivo General de Indias [ES.41091.AGI//Contratacion,960, N.11]. Доступен в оцифрованном виде. [Эл. ресурс] URL: <http://pares.mcu.es/ParesBusquedas20/catalogo/description/97934> [Дата обращения 21.07.21].

² Данный вывод сделан с опорой на: Moreno, 1721.; а также архивные документы: ходатайства о взыскании долга 1631,177060/2 и 1650, 57140/20. Аннотации к документам в архиве Archivo General de la Nación [Alcaldes ordinarios, Civil, caja 4A, Exp. 2; Alcaldes del Crimen, Civil, caja 5B, Exp. 50]. Доступны на сайте архива. [Эл. ресурс] URL: <https://www.archivos.gob.mx/InstrumentosConsulta/pdf/001MexicoNovohispano/011TribunalSuperiordeJusticia-Colonia.pdf> [Дата обращения 21.07.21].

№2

№2. Филипп III, 8 реалов 1620 или 21 года.

Вес — 27,63 г

Каталоги Krause WCC: KM#44.3; Cayón №4935

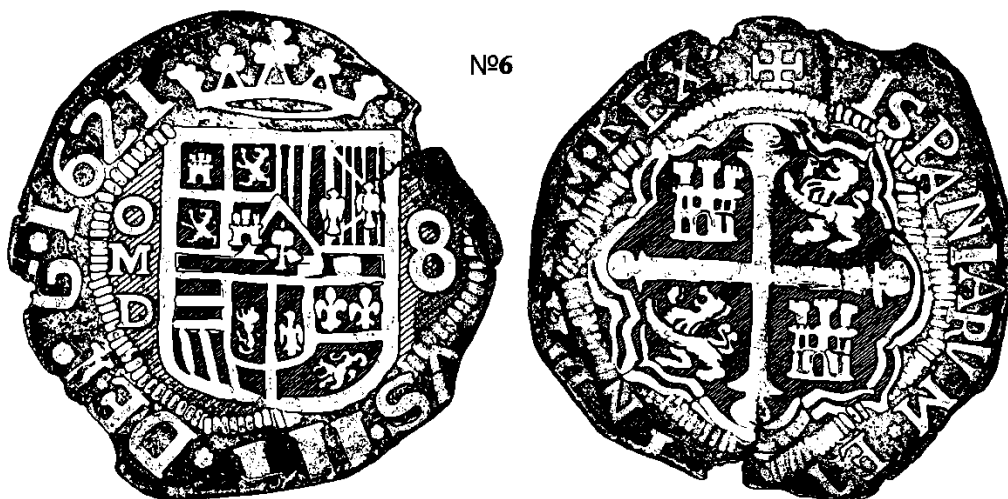
Лицевая сторона: коронованный гербовый щит, знак монетного двора слева: «0» над «М» — монетный двор Мехико. Ниже пробирная метка: «D» (1618–1636 гг.) — Диего де Годой, справа номинал — арабская цифра «8»;

надпись вокруг: «PHILIPPVS·III·DEI·G·16...» — «Филипп III, Божией милостью, 16...».

Оборотная сторона: флорентийский крест, в четвертях львы и крепости;

надпись вокруг: «ISPA NIARVM ET INDIARVM REX·+» — «Испании и Индии Король+».

Образец №2 имеет следы сильного износа. Особенность конструкции гербового щита — поперечная черта в верхней части составляет единое целое с изображением герба Гранады и относится к штемпелям 1620 и начала 1621 г.¹

№6

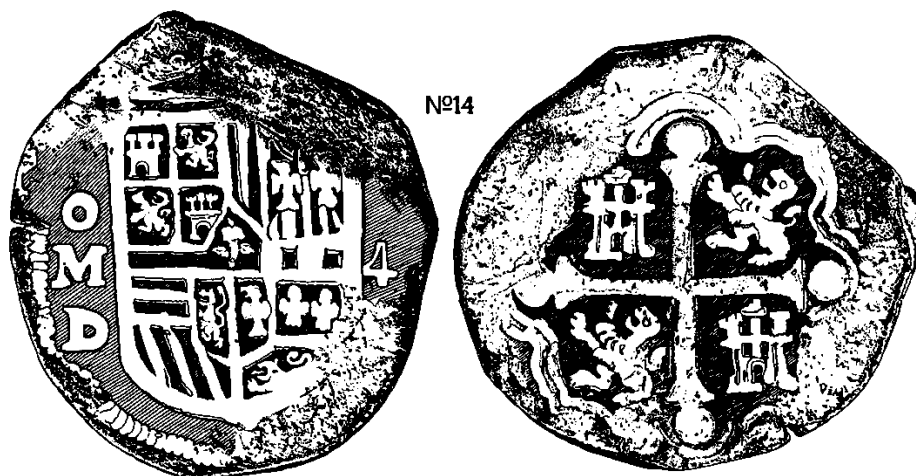
¹ Аналогичный экземпляр проходил как лот на аукционе Daniel F. Sedwick. [Эл. ресурс] URL: http://auction.sedwickcoins.com/Mexico-City-Mexico-cob-8-reales-Philip-IV-assayer-D-1620s_i26972058 [Дата обращения 21.07.21].

№6. Филипп III, 8 реалов. Датировка по штемпельным связям 1621–1622 гг.
Вес — 23,94 г.

Лицевая сторона: коронованный гербовый щит, знак монетного двора слева: «O» над «M» — монетный двор Мехико. Ниже пробирная метка: «D» (1618–1636 гг.) — Диего де Годой, справа номинал — арабская цифра «8»;

Лицевая сторона: «PHILIPPVS·III·DEI·G·1621» — «Филипп III, Божией милостью, 1621».

Оборотная сторона: «·ISPANIARVM·ET·INDIARVM·REX·+»- «Испании и Индии Король+». КМ#44.3¹.

№14. Филипп III, 4 реала. Датировка по штемпельным связям 1620–1622 гг.
Вес — 12,81 г.

Лицевая сторона: коронованный гербовый щит, знак монетного двора слева: «O» над «M» — монетный двор Мехико. Ниже пробирная метка: «D» (1618–1636 гг.) — Диего де Годой, справа номинал арабская цифра «4»;

надпись вокруг: «PHILIPPVS·III·D·G·HISPANIAR» — «Филипп III, Божией милостью Испании».

Оборотная сторона: флорентийский крест, в четвертях львы и крепости; надпись вокруг: «ET INDIARVM REX» — «и Индии Король, [дата]». КМ#37.2².

Определение датировки дает оригинальный дефект, соответствующий пуансону для дат 1620–1623 гг. У замков в квадрантах креста на оборотной стороне отсутствует фрагмент основания от входа справа.

Одноштемпельные варианты были выставлены на аукционе Daniel F. Sedwick, Treasure Auction #13: LLC, лот 996³; Аналогичный экземпляр на хранении ГИМ: №102613/КП–1578453.

Заключение

Отдельный интерес представляет вопрос происхождения Таманскогоклада испанских монет. Наиболее очевидным источником поступления денежных средств в черноморский регион представляется Османская Империя. В результате активной сре-

¹Аналогичный экземпляр можно найти в Standard Catalog of World Coins: 1601–1700, 2011: 1359.

²Аналогичный экземпляр можно найти в Standard Catalog of World Coins: 1601–1700, 2011: 1359.

³Аналогичный экземпляр проходил как: Лот на аукционе DanielF.Sedwick. [Эл. ресурс] URL: http://auction.sedwickcoins.com/Mexico-City-Mexico-cob-4-reales-162-3-2D-rare_i20694455[Дата обращения 21.07.21].

диземноморской торговли османы имели постоянный доступ к испанскому серебру. Хотя в конце XVI и начала XVII в., отношения между державами характеризовались взаимным недоверием и соперничеством, и прямые торговые контакты находились под запретом, на практике экономические взаимоотношения сохранялись, в основном благодаря обширной сети стран-посредников, в первую очередь Венеции, Генуи и Тосканы, а также через французских, голландских и английских купцов (Bal, 2011). К концу шестнадцатого столетия, монетарная экспансия Испанской империи только продолжала увеличиваться, в основном благодаря значительным объемам транспортировки серебра из американских колоний в Испанию, а также явному превалированию импорта в испанской экономике. «К концу 16-го столетия поток испанских серебряных монет буквально наводнил рынки средиземноморских стран, в первую очередь Алжира» (Corrales, 2005).

В свою очередь, Османская империя, вне зависимости от меняющейся динамики отношений с Испанией начиная с XVI в. и вплоть до конца XVIII-го в. была заинтересована в испанском серебре для поддержания собственной монетарной политики или по крайней мере не препятствовала свободному обращению испанских и других европейских монет (см., например: Gerber, 1982: 309; Pamuk, 2000: 88–111). Хотя совокупные причины такой политики являются дискуссионными, в современной исторической литературе широко распространен консенсус о неудачной монетарной политике Османской империи начиная с конца XVI в. (подробнее обзор литературы можно найти, например: Pamuk, 2001; Pfeif Fer-Taf, Schindel, 2013). Не затрагивая глубоко вопросы фискальной и монетарной политики Османской империи, стоит отметить, что в денежной системе османов и их вассалов наблюдался дефицит монет крупных номиналов и высокой стоимости. Таким образом, среди иностранных монет особой популярностью пользовались именно крупные серебряные монеты — которые на турецком именовались *gurush* — искаженное заимствование от европейского *groschen*. В обращении находились самые разнообразные типы монет — голландские талеры, польские злотые, австрийские рикс-талеры (Pamuk 1997: 360). Но наиболее важными, в первую очередь благодаря высокой доступности, объемам поставок и высокой чистоты металла являлись именно испанские реалы или пиастры — серебряные монеты номиналом в восемь реалов. Европейское серебро еще более усилило свои позиции после денежного кризиса 1585–1587 гг., когда основная турецкая серебряная монета акче потеряла 44% в чистоте металла, что привело к ее резкому обесцениванию, в особенности в сравнении с испанскими реалами. Среди причин названного кризиса, помимо нехватки ценного металла для чеканки, и революции цен в связи с поставками американского серебра, выделяют также разделение Османской Империи на несколько зон с независимой монетарной политикой в каждой — в результате снижения стандартизации выпускаемых монет, европейские монеты выступали проверенным и общепризнанным платежным средством, наиболее предпочтительным для средиземноморской торговли (Pamuk 1997; Tezcan, 2009).

Год	Отчеканено акче из 100 дирхемов серебра	Вес в граммах	Венецианский дукат	Испанский пиастр
1500	420	0.73	54	-
1550	420	0.73	60	40
1584	450	0.68	65-70	40-42
1586	800	0.38	120	80
1596	-	-	220-230	-
1600	950	0.32	125	78

1618	1000	0.31	150	100
1620	-	-	160	100
1622	-	-	180-210	120–150
1623	-	-	210-280	120–170
1624	-	-	330-420	170-320
1624	1000	0.31	130	-
1628	-	-	190	100–110
1634	-	-	230	110–120
1640	-	-	270	125
1641	1000	-	168	80
1650	-	-	175	90

Таблица 8. Оттоманская акче и ее обменный курс в Стамбуле, 1500–1640 гг.

Таким образом, средиземноморская морская торговля и отсутствие координированной монетарной политики можно назвать основными движущими силами распространения испанских монет в разных частях Османской империи. Черноморский регион в данном случае не являлся исключением — серебряные испанские реалы были широко распространены на территории Крымского ханства начиная со второй половины XVI в. и вплоть до начала XVIII в. (Бертье-Делагард, 1914, Рамук, 2003). Активная торговля между частями Османской империи, в том числе и работорговля, центральным «поставщиком» в которой являлось Крымское ханство хорошо объясняет происхождение кладов испанских монет в прибрежных поселениях. Русский археолог и нумизмат Александр Львович Бертье-Делагард писал в статье «Ценность монетных номиналов в Крымском ханстве»: *«Хасене — хорошая, красивая, настоящей пробы. ...Татары под этим именем понимали европейские монеты, чеканенные по типу талера (ефимка). Этим монет было так много в стране, что до сих пор их часто приносят разные торговцы и даже в значительных количествах. Кажется, это название — хасене в особенности заслужили испанские пиастры за их высокую пробу (до 89) и красивый чекан»* (Бертье-Делагард, 1914).

Вместе с тем, однако, существует ряд обстоятельств, которые не позволяют удовлетвориться данным простым объяснением происхождения испанских монет Таманского клада. Во-первых, отличительной особенностью клада является полное отсутствие примесей иных монет помимо испанских — будь то османских, европейских или монет Крымского ханства. Этот факт весьма нетипичен для кладов в торговых поселениях, где в результате постоянного обращения монеты разных номиналов и разного происхождения смешиваются, что хорошо заметно на примере аналогичного Севастопольского или Ипатьевского кладов (Фролова, 2005; Таценко, 2012). Второй особенностью клада является отсутствие монет мелких номиналов — монеты достоинством в четыре и восемь риалов не использовались в повседневном обращении, и больше подходили для крупных торговых сделок.

Наконец, отдельного внимания заслуживают враждебные отношения османов и адыгов, в чьем поселении был обнаружен клад. *«Между Таманью и Темрюком находится коса земли, на берегу которой несколько деревень. Говорят, они по-черкесски и по-турецки. Одни из них магометане, другие следуют греческому обряду, но первых больше. Хотя еще священник, живущий в Терки, приходит иногда к ним совершать таинство крещения, но он мало наставляет их в [христианском] законе, так что они постоянно мусульманятся; они от греческой веры только сохранили обычай носить съестные припасы на могилы покойников, да соблюдают некоторые посты. Эти деревни повинуются московскому царю и некоторым мурзам или особенным боярам его двора, которым они отданы в награду за службу»* (Юрченко, 1879: 473-493).

В конце XVI и первой половины XVII в. Таманский полуостров и восточное побережье Азовского моря оставались фронтиром Османской Империи. Населявшие эти территории черкесские народности оставались данниками крымского хана и подвергались постоянным набегам. Московское царство еще не способно было прямо бороться за контроль над этими территориями, однако использовало собственное влияние на донское казачество и черкесских князей для борьбы с Крымским Ханством и турками. После смерти Темрюка в 1570 г. собственным амбициям черкесов пришел конец, однако на протяжении всего XVII в. донские казаки совершали ответные набеги, отбивая пленных и грабя турецкие поселения. Для обороны от них и закрепления контроля над регионом на побережье Азовского моря турками была выстроена сеть крепостей, от Таманского полуострова до устья Дона (Волков 2000, Чхаидзе, 2014). Постоянные военные действия приводили к тому, что территория зачастую переходила из рук в руки, форты возводились и разрушались, а местное население оказывалось жертвой сразу всех сторон конфликта.

Заметное преобладание в кладе монет континентальной Испании позволяет связать клад с «южной» Средиземноморской системой торговли. Для сравнения в кладах «северных» торговых путей, связывающих Восточную Европу с Англией и Голландией, преобладают монеты именно колониальной чеканки. Таким образом можно предположить, что испанские монеты могли быть доставлены на полуостров османским торговцем или европейским миссионером (подобно уже упомянутому итальянскому монаху Джованни Лукка, прошедшему от восточного черноморского побережья на Кавказ к Каспийскому морю) (Юрченко, 1879: 473–493). Отважный путешественник мог купить припасы и снаряжение для путешествия на восток в Черкассию, расплатившись испанскими монетами, знакомыми местному денежному обращению Причерноморья.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Бертъе-Делагард А. Л. Ценность монетных номиналов в Крымском ханстве // ИТУАК. Симферополь. № 51 (27). 1914. С. 153–185.
- Волков И.В. Еще раз об Адахунском сражении казачьего флота в 1639 г // Древности Кубани. Вып. 16. 2000. С. 42–63.
- Зиливинская Э. Д., Петров П. А., Соколов П. М. Поселение и могильник Солёный II на Тамани: предварительные итоги. // Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье. XXX «Крупновские чтения». Карачаевск. 2018. С. 459–461
- Мальцев М.С. Технологический трансфер вальцовочной чеканки монет из Тироля в Испанию в сер. XVI в. и успех нового монетного двора «РЕАЛЬ ИНХЕНЬО» в Севеви. // Нумизматика. №47. 2020. С.73–82.
- Мельникова А. С. Векслер. А. Г. Новые монетные клады в Москве. // Археологические открытия 1971 г. М., 1972, С. 110
- Описание перекопских и ногайских татар, черкесов, мингрелов и грузин, Жана де Люка, монаха доминиканского ордена (1625 г.) [Текст] / пер. и предисл. П. Юрченко // ЗООИД. Т. 11, Отд. 3. 1879. С. 473–493.
- Письмо казначея Потоси дона Ламберто де Сьерра императору Карлу III от 16 июня 1784 года. // *Collección de documentos ineditos para la historiade Espana*. Том 5. Мадрид. 1844. С. 170
- Таценко С.Н. Ипатьевский клад испанских и испано-американских монет первой трети XVII в. из собрания Музея истории Москвы: состав и датировка. // Нумизматический сборник ГИМ. Том XIX. Труды ГИМ. М. Вып. 192. 2012. С. 93–102.
- Фролова Н.А. Севастопольский клад монет XVI–XVII веков из собрания Эрмитажа // Хранитель. Исследователь. Учитель. К 85-летию В.М. Потина. СПб. 2005. С. 111–116

- Чхаидзе В. Н. Османская крепость Хункала //ЕИ Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. XXVIII Крупновские чтения. 2014. С. 395-398.
- Alvarez y Vaena, J. A. Hijos de Madrid: ilustresens antidad, dignidades, armas, ciencias y artes; diccionario histórico por el ordenal fabetico de sus nombres, que consagra al illmo. y nobilísimo ayuntamiento de la imperial y coronada villa de Madrid. Madrid: En La Oficina de D. Benito Can. O. 1790 (1803). С. 20
- Aurelio A.V.G. Lesmes Fernández del Moral. // La Real Academia de la Historia. Историческая справка. [Эл. ресурс] URL: <https://dbe.rah.es/biografias/9433/lesmes-fernandez-del-moral> [Дата обращения: 21.07.21]
- Bal F. Ottoman-Spanish economic relations in the sixteenth century: rivalry in the Mediterranean //International Journal of Business and Social Science. №21 (2). 2011. С. 296-306
- Calico X. Numismatica Espanola. Catalogo general con precios de todas las monedas espanolas acunadas desde los Reyes Catolicos hasta Felipe VI (1474-2020). Barcelona: Aureo& Calico S.L. 2019. С. 1-577
- Corrales E. M. De cómo el comercio se impuso a la razzia en las relaciones hispanomusulmana sentiempos del Quijote: hacia la normalización del comercio con el norte de Africa y el Levante otomano a caballo de los siglos XVI y XVII //Revista de Historia Económica- Journal of Iberian and Latin American Economic History. №. S1 (23). 2005. С. 139–159.
- Cunietti-Ferrando A. J. Documentary evidence regarding the La Plata Mint and the first issues of Potosí //The Coinage of El Peru. Coinage of the Americas Conference at the American Numismatic Society, New York. 1988. С. 51-78
- DargentE. Tipos de monetas espanolas. // Дидактический порталTesorillo.com [Эл. ресурс] URL: <https://www.tesorillo.com/otras/medievales.htm> [Дата обращения 21.07.21]
- Del Rivero. C. M. Segovia Numismatica // Archivero-Bibliotecario Arqueólogo. 1928. С.33
- Dym K. Los ensayadoresBaltasar Ramos y Agustín de la Quadra de la casa de moneda de Potosí. // Cuadernos de Numismatica. №12(78). 1985.С. 63-66.
- Gerber H. Monetary History of Ottoman Empire. // Journal of the Economic and Social History of the Orient. №3 (25). 1982, С. 308-324
- Guinea E.G. Comparandocuatroreales de Sevilla y Toledo. // ПорталAdministracion Digital. 2011. [Эл. ресурс] URL: http://www.administraciondigital.es/index.php?option=com_k2&view=item&id=125:65-comparando-cuatro-reales-de-sevilla-y-toledo [Дата обращения: 21.07.21]
- Hamilton E. J. American Treasure and the Price Revolution in Spain 1501–1650. Cambridge. MA: Harvard University Press. 1934
- Lanzarote L. Anatomía de una macuquina sevillana. // Revista Digital Bimestral Unan Numismática. №6 (35). 2020. С. 15-29
- Lazaro M.J. La casa de moneda de Toledo. Caja de Ahorros de Toledo. 1991
- Madonna J. Identificación de una macuquinapotosina de 1624. // Centro Filatelico y Numismatico de San Francisco Asociacion Civil. №57 (24). 2015. С. 33-39.
- Mirabal. A. Spanish Coins in Mozambican Waters: The Numismatic Collection of the São José (1622). Funchal: Arqueonautas Worldwide SA. 2012. С. 1-42.
- Molina R. R. Dos experimentosacuñadoresen Madrid: las pruebas de Miguel de la Cerda y Diego de Astor en las casas de Jacome Trezzo //Numisma. №. 233. (43). 1993. С. 155-259.
- Moreno J. F. Por el alferes Don J. de Leon, Ensayador, y Fundidor Mayor de la Real Casa de Moneda de esteReyno. Mexico: Por los Herederos de la Viuda de Miguel de Ribera. 1721. С. 1-64
- Murray, G. Brief History of Minting in Segovia. // Нумизматическийпортал Gmmnut.com. 2002. [Эл. ресурс] URL: <http://web.archive.org/web/20111118215301/http://www.gmmnut.com/gmm/historia.html> [Дата обращения: 21.07.21]

- Pamuk Ş. *A Monetary History of the Ottoman Empire*. Cambridge: Cambridge University Press. 2000. С.1-272.
- Pamuk Ş. In the Absence of Domestic Currency: Debased European Coinage in the Seventeenth-Century Ottoman Empire // *The Journal of Economic History*. №2 (57). 1997. С. 345-366.
- Pamuk Ş. The Ottoman Monetary System and Frontier Territories in Europe, 1500–1700 // *International Journal of Turkish Studies*. Вып. 9. 2003. С. 175-82.
- Pamuk Ş. The price revolution in the Ottoman empire reconsidered // *International Journal of Middle East Studies*. №1 (33). 2001. С. 69-89.
- Paoletti E. *8 Reales Cobs of Potosí*. Third edition. Buenos Aires: Emilio Paoletti — Argentina. 2016. С. 1-479
- Pellicer. J. *Ensayadores. Las emisiones monetarias hispánicas (Siglos XV-XX)*. Barcelona: Asociación Numismática Española. 2010. С. 1-427.
- Pfeiffer-Taş Ş., Schindel N. The Beçin Coin Hoard and Ottoman Monetary History in the Late 16th/Early 17th Century // *Journal of the Economic and Social History of the Orient*. №4-5 (56). 2013. С. 653-671.
- Rollón, A. C. Medina del Campo 1497: Análisis de la reformamonetaria de los Reyes Católicos. // *Ab Initio: Revista digital para estudiantes de Historia*. №3 (2). 2012. С. 57-89.
- Santos E.R. *Glosarionumismático*. // *Numisma*. 2011.
- Standard Catalog of World Coins: 1601–1700*. / Подред. Cuhaj G.S. Iola: Krause Publications. 2011. С.1–1608.
- Tezcan B. The Ottoman Monetary Crisis of 1585 Revisited // *Journal of the Economic and Social History of the Orient*. №3 (52). 2009. С. 460-504.
- Беляков А.С. Коломенский клад испанских и испано-американских монет первой трети XVII века. // *Труды Государственного Исторического Музея*. Выпуск № 50. Москва, Внешторгиздат. 1980. С. 60–164.

ЭВОЛЮЦИИ МАЛОРОССИЙСКОГО КАЗАЧЕСТВА В XVIII — НАЧАЛЕ XX В. (ИЗ ИСТОРИИ ОДНОГО РОДА)

Создание на берегах Днепра в середине XVII столетия Гетманщины осталось в истории единственной — и неудавшейся — попыткой устройства «казацкой державы», военной демократии, в которой главная, «государствообразующая», роль принадлежала казакам. Зачатая в казацких седлах, выношенная в утробе Хмельничины, вскормленная с сабель и пик, Гетманщина родилась в 1649 г., менее чем через год от начала крупнейшего восстания казаков против Речи Посполитой. Датой ее рождения стал день подписания Зборовского договора между реестровым Войском Запорожским и польской короной, которым очерчивалась территория Гетманщины — Киевское, Черниговское и Брацлавское воеводства, утверждалось ее самоуправление и главенствующей религией признавалось православие. К договору прилагался реестр на 40 тысяч имен — казаков, явившихся таким образом поручителями автономии новосозданного военно-политического образования.

В той «казацкой державе» современная Украина видит истоки своей государственности и национальной идентичности. Полноценного государства, однако, с развитыми структурами власти из Гетманщины не получилось. Копировавшая в своем устройстве, за неимением иных образцов, властные институты уже угасавшей в политическом отношении Речи Посполитой (выборный правитель — гетман, «шляхетский парламент» — казачья рада), Гетманщина, едва родившись, начала умирать. Ее «отцы-основатели» — реестровое казачество не имело достаточно сил, средств и времени для выстраивания собственного государства.

Сразу же после изгнания польской шляхты со своих земель казаки заняли освободившееся место привилегированного сословия. Превращение их в новую шляхту было делом нескольких десятилетий, да и то процесс этот задержала гражданская война, известная под именем Руины. Именно это — следование нравам, правилам и обычаям польского шляхетства и клонившейся к политическому ничтожеству Речи Посполитой — сыграло с «казацкой державой» злую шутку.

Во-первых, привилегированным сословием с правом вволю «пановать» захотело стать больше половины населения Гетманщины. Если массовое показачивание крестьян и мещан в первые же месяцы и годы Хмельничины объяснялось желанием народа освободиться от польского рабства, то впоследствии запущенный механизм обретения казацких вольностей — и ухода от «мужицкой» тягловой повседневности — было уже не остановить. Сломать его смогли лишь Екатерина II и генерал-губернатор Малороссии граф П.А. Румянцев.

«Порожденный Хмельничиною анархо-разрушительный элемент — массы показаченных» становится «социальной базой для взрывов недовольства» (Яковлева, 2006: 40). Руину — гражданскую войну с привлечением крымских татар, турок и поляков в качестве союзников разными группировками, боровшимися за власть в Гетманщине, — подпитывала огнем мятежная стихия нерестрового казачества. Число этих нерестровых казакующих бывших крестьян доходило до 50 %, а в иных местах и до 80 % населения. «Неуправляемая толпа показачившихся становится, с одной стороны, тормозом на пути завершения государственного строительства в Гетманщине, а с другой — тем пороком, которым были готовы воспользоваться боровшиеся за власть группировки старшины и иностранные державы» (Яковлева, 2006: 38).

Во-вторых, казачья старшина слишком рьяно начала присваивать себе неограниченные права власти, включая главное — право смещать гетмана и ставить другого по своему выбору. И слишком усердно принялась пользоваться своими привилегиями землевладельцев, закабалая себе в «подданные» и крестьян, и рядовых казаков, устраивая новое крепостное право взамен прежнего польского, от которого всех поселян Гетманщины избавил Хмельницкий. «Республиканство» быстро привело к территориальному расчленению Гетманщины в годы Руины и, как следствие, потере ею земель по правую сторону Днепра. А новая панщина довольно быстро, за несколько десятков лет, лишила казачью старшину и вместе с ней все гетманское войско былой пассионарности и боеспособности. «Старшин, утративших истый козацкий дух и превратившихся в паннов-землевладельцев» (Стороженко, 1898: 17), более заботило улучшение личного и родового благосостояния, чем необходимость проливать кровь за отечество. «Чем более проникались представители козацкой старшины аристократическими тенденциями, тем более развивались у них хищнические инстинкты. Хорошо помня о громадных земельных богатствах, находившихся в распоряжении старой шляхты, права на владение которыми были уничтожены “козацкой саблей”, они стремились сравняться с нею в этом. Разнообразны были способы обогащения, но их основными чертами были полный произвол и насилие» (Там же).

Впрочем, в военном отношении, как и в политическом, Гетманщина никогда не была самодостаточна. Все главные победы Хмельницкого над польскими войсками одержаны при поддержке крымского хана и татарской конницы. Но татары — опасный союзник, Хмельницкий не раз имел возможность убедиться в этом, когда хан играл на руку полякам и казаки оказывались без помощи татар прямо во время сражения. Поэтому с первых же месяцев восстания от казаков полетели в Москву просьбы о военной поддержке и покровительстве. Зависимость Гетманщины от поддержки союзников закономерно привела ее в состав России. И вплоть до времен Николая I малороссийское казачество оставалось немалой головной болью для российского правительства. В Русском царстве, затем в Российской империи Гетманщина больше столетия являла собой полуавтономию (права которой со временем всё более урезались) с сильным элементом анархического брожения, потенциальной оппозиционности царскому правительству, с призраком измены, нашедшим свое ярчайшее воплощение в лице гетмана Мазепы. На этот призрак, вновь лишенный плоти, но отнюдь не расточившийся в среде «беспокойного» казачества, российским властям волей-неволей приходилось постоянно оглядываться.

Гетманщина второй половины XVII — первой четверти XVIII в. — это и территория непрерывного брожения в буквальном смысле. Миграционные потоки, «великое переселение народа» исчерчивали ее вдоль и поперек на протяжении более полу столетия, то обезлюживая целые регионы, то вновь заселяя земли, опустевшие из-за войны, татарских набегов и договоров между Россией, Польшей, Турцией о статусе украинского Правобережья. Территориально Гетманщина делилась на крупные военно-административные единицы (полки) и более мелкие (сотни), во главе которых стояли полковники и сотники, исполнявшие роль военных и гражданских чиновников. В реестре 1649 г. числится 16 полков по обеим сторонам Днепра. Как итог военных действий правобережные полки два раза прекращали свое существование. Гетман И. Самойлович провел «великий сгон» второй половины 1670-х гг. — организованное переселение правобережных полков на левый берег Днепра и в Слободскую Украину. Кое-как оживший к началу XVIII в. край, вновь заселенный казаками и крестьянами, был повторно опустошен указом Петра I: Прутский мир с Турцией 1711 г. обязывал все стороны договора оставить эти земли «впусте». А правобережные казаки и мужики еще

долго «утрамбовывались» на и без того нескладной населением Левобережной Украине, искали себе место, свободные пахотные земли и лучшую долю.

Так окончательно сформировалась территория Гетманщины, более-менее стабильно просуществовавшей еще чуть более полувека — до отмены гетманства в 1760-х гг. и замены сотенно-полкового устройства на общероссийский губернский (сперва в виде наместничеств) в начале 1780-х. Концентрация казачества на этих землях — будущих Полтавской и Черниговской губерний, с кусочком Киевской на правом берегу — была огромна. Как уже говорилось, до половины и более от всего населения края. Хотя первый запрет на переход «посполитых», т.е. крестьян, в казаки появился уже в начале правления гетмана И. Мазепы (1680-е гг.), и такие указы периодически возобновлялись позднее (например, в 1743 г.), показачиваться, уходить на казацкие вольности малороссийское «посполство» не переставало. При том, однако, набирал силу и обратный процесс — возвращение малоимущих, «нищетных и убогих», казаков в исконное крестьянское состояние. Этому способствовали и разорительная для многих тяжесть военной службы, и своя казацкая старшина, нещадно грабившая рядовое «товариство» и отягощавшая его повинностями без зазрения совести.

Чтобы крестьянину стать казаком, т.е. записаться в компут (реестр) сотни и полка, нужно было немного — желание бросить «мужиковать» и свой кусок земли, с которой можно «казаковать», т.е. получать доход для боевого снаряжения. Земельный вопрос решался просто: «крестьянское землевладение в Гетманщине (в отличие от Московского государства) со времен Хмельниччины оставалось свободным, базированным на “заиманщине”, т.е. занятии пустующих сел или земель. Это положение сохранялось вплоть до второй половины XVIII в.» (Яковлева, 2006: 43). Иными словами, первоначальный капитал для приобретения земли, чтобы зачислиться в привилегированное казацкое сословие, не требовался.

В качестве иллюстрации мы берем село Бирин (совр. Бирино Новгород-Северского района Черниговской области). Расположенное в 10 км от столицы древнего Новгород-Северского княжества, «поселение Бирин на р. Десне впервые упоминается в 1514 году при описании пути московских послов в Крым» (Сіверяньський літопис, 2013: 38). Во времена Гетманщины село входило в Шептаковскую сотню (сотенный центр село Шептаки) Стародубского полка — самого северного и самого крупного из полков Войска Запорожского как по территории, так и по числу населения. Можно предполагать, что в середине XVII в. оно было чисто крестьянским по составу жителей. Из документов за это время мы располагаем лишь присяжными списками 1654 г.: города, села и местечки Малороссии присягали на верность царю Алексею Михайловичу. Казаки Новгородской и будущей Шептаковской сотен даны в этих списках без разбивки на села, так что в нашем распоряжении только список «мещан села Гирина» (так!) из 56 человек. Три фамилии из этого списка (Коптя, Голопуз, Пердун) в первой трети следующего столетия принадлежат уже казакам. (Любопытна пропорция казацкого и «мещанского» населения Новгород-Северской округи в этом документе — к присяге приведено 655 казаков и 311 мещан.)

В первой трети XVIII в. число казацких дворов в Бирине быстро растет. Если в присяжном списке 1718 г. (присягали на верность наследнику престола малолетнему Петру Петровичу) в селе всего 4 главы казацких родов (РГАДА. Ф. 140. Оп. 1. Д. 34. Л. 273 об.), то три года спустя, согласно переписи 1721 г. (АВПРИ: л. 360 об.), в селе уже 18 казацких дворов (казаков конных и пеших). По ревизии Шептаковской сотни 1735 г. в Бирине 29 казацких семейств (ЦГИАК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 692. 10 л.). Там же указано их имущественное положение: казаки среднегрунтовые (среднеземельные), малогрунтовые и «нищетные», которые «кормятся с огородов». Это не только естественный при-

рост населения, но и, надо полагать, пополнение числа жителей села пришлыми людьми, в том числе, вероятно, переселенцами бывших правобережных полков.

По документам 1730-х гг. в Бирине обнаруживаются казак Григорий Ипатченко и его младший брат Семен — первые представители рода, о котором пойдет речь. В присяге 1732 г. на верность императрице Анне Иоанновне в список сотни вписан старший в роду — Грицко Ипатченко (РГАДА. Ф. 248. Оп. 103. Д. 8250. Л. 554 об.). Как давно их предки жили в этом селе и в каких годах показались, установить не удалось. «Генеральная опись Левобережной Украины», проведенная графом П.А. Румянцевым во второй половине 1760-х гг., сообщает о сыновьях Григория и Семена, что «оние Ипатченки с предков козаки» (ЦГИАК. Ф. 57. Оп. 1. Д. 129. Л. 843 об.), — надо думать, как минимум с деда или прадеда. Из описания их земельных владений в том же документе видно, что помимо купленных в 1730-х — 1760-х гг. они имели «родовые» земли, «на которые крепостей нет», т. е. купчих или жалованных грамот. Это может свидетельствовать о том, что земли были приобретены в давние годы упомянутым выше способом «заиманщины». По ревизиям Шептаковской сотни 1735–1740 гг. Ипатченки — казаки среднегрунтовые, со своего имени «поход дальний служить могут», т. е. доход позволяет снарядиться на долгую и дальнюю службу: иметь двух коней, всю необходимую амуницию, оружие, запас пороха и продуктов. Жили они на одном дворе в двух хатах, а службу несли по очереди, как это было в обычае в семействах, где больше одного казака. В 1739 г. очередь была за Семеном, и он, согласно документу из канцелярии полка, вместе с десятком других казаков Биринского куреня отправляется в «военный поход, в назначенные в указах места» (ЦГИАК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 918. Л. 70, 71 об.).

Шла очередная Русско-турецкая война (1735–1739), фельдмаршал Миних хотя и оценивал боевые качества малороссийских казаков очень низко (они «в поле весьма неспособны»), но обойтись без них всё же не мог. Как и вообще ни одна война на южных порубежьях России в XVIII столетии. Точно такую же оценку давал гетманским казакам Петр I: «...войско малороссийское нерегулярное и в поле против неприятеля стать не может...». О «неспособности быть в поле» левобережных казаков докладывали и главнокомандующему П.А. Румянцеву во время Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. Такая оценка была бы не столь уничижительна, учитывая, что нерегулярное войско вообще по своей организации не может эффективно противостоять регулярной, профессионально обученной армии, особенно в прямом бою. Однако тот же Миних выше малороссийских по боевым качествам ставил слободских казаков и гораздо выше — донских.

Польза от гетманских казаков была в другом. Со времен Петра I их использовали как вспомогательную силу: для охраны обозов, дозорной службы, в разведывательных отрядах, для конвоирования пленных, для действий в тылу врага, получивших позднее название малой, или партизанской войны, для преследования и рубки бегущего с поля боя противника. Царь-реформатор в годы Северной войны нашел малороссийским казакам и еще одно дело, не слишком приятное для казацкого гонора: фортификационные и земляные работы. «Прежде всего козаками не как войском, а как рабочей силой начал пользоваться Петр I, сначала для возведения во время шведской войны крепостей, а затем и для земляных работ, ничего не имевших общего ни с войнами, ни с Малороссией. Чем дальше, тем меньше в этом отношении церемонились с козаками: после Полтавской битвы казаки редко видели поле сражения, им большею частью приходилось исполнять тяжелую работу рытья каналов, насыпей, валов, устройства ретраншементов, шанцев, засек и т. п. на отдаленном севере, юге и востоке. Известно, скольких тысяч жизней стоили козакам работы на берегах Ладоги, Онеги, Невы...» (Стороженко, 1898: 17).

Падение уровня боеспособности малороссийского казачества было одной из причин лишения Гетманщины остатков автономии при Петре Алексеевиче. В 1707 г. царский указ отдал Киев и левобережные города в прямое подчинение Малороссийскому приказу. А в 1722 г. Петр ликвидировал и гетманат, учредив вместо него Малороссийскую коллегия (пять лет спустя гетманство всё же было восстановлено). Русское правительство нуждалось в казаках как военной силе, пускай и вспомогательной. Но гетманское войско на глазах теряло боевые качества. Дошло до прямого срама: «Во время Войны за польское наследство (1733–1735) на театре военных действий было задействовано 13 000 малороссийских и 5000 слободских казаков. Призванные на войну малороссийские полки опозорили себя, выставив в поход сплошь наемных людей — несовершеннолетних юнцов, стариков и калек, плохо обеспеченных и почти не вооруженных. Эта толпа стала только обузой для армии» (Шпитальов, 2009. Пер. с укр. Н. И.).

Украинские историки склонны по крайней мере часть ответственности за плачевное состояние гетманского войска возлагать на российскую власть: «...причина низкого уровня малороссийских полков крылась в политике российской власти на Украине, направленной на то, чтобы сделать казацкую службу непривлекательной для населения края. И правда, как может привлекать служба, за которую не получаешь плату и не имеешь возможности получать военную добычу?» (Там же.)

Истинные причины, конечно, в ином. Прежде всего, казачье население края, особенно старшинская элита, неплохо себя чувствовали под защитой российской армии и военно-политической мощи Империи. Времена «военной демократии» и постоянной военной опасности остались в прошлом. Социально-имущественное расслоение шло полным ходом. Казачья старшина превращалась в помещиков-домоседов, занятых приращением земли и числа «подданных» — крепостных, и под любым предлогом уклонялась от военных походов. Основная же масса рядовых казаков нищала, продавала свои пахотные нивки казачьей «шляхте» и не могла уже нести службу со своего достатка, предпочитая «мужицкую тяглость», нанимаясь в «подсоседки» к казачьим панам и нередко оказываясь у тех в закрепощении. В 1730-х гг. в Шептаковской сотне почти треть казачьих семейств не имела земель. В Исповедной ведомости за 1758 г. в Бирине значится лишь 19 казачьих дворов (ЦГИАК. Ф. 127. Оп. 1015. Д. 28а). Существенная убыль в сравнении с 1735 г. — минус десяток. Российская власть, нуждаясь в казаках, предпринимала меры, чтобы остановить это разорение «рядового товариства», отпадение казаков от службы и обращение их в крестьян. Так, при Анне Иоанновне была запрещена купля-продажа казацких земель. Другой мерой было разделение в 1735 г. казачьего населения Малороссии на две категории: выборных и подпомощников. Целью было — облегчить последним службу, освободив от необходимости снаряжаться в походы. Обязанность непосредственной войсковой службы целиком легла на выборных — зажиточных казаков. В 20-тысячный реестр выборных были зачислены те, кто имел со своей земли не менее 10 четвертей хлеба и 50 возов сена либо иной соразмерный доход. Все прочие, менее состоятельные, отныне лишь помогали выборным служить: обеспечивали одеждой, провиантом, фуражом, обрабатывали их земли, пока хозяева находились в походе. Это разделение просуществовало до административной реформы Малороссии 1782 г.

Среднегрунтовые казаки попадали в категорию выборных. В Бирине в 1740 г. таковых было записано 9 (глав домохозяйств), в их числе Григорий Ипатченко.

Тем не менее, эти меры не повышали боеспособность малороссийского воинства и не возгревали охоту к казачьей службе (в отличие от непреходящего стремления к казацким вольностям). В Семилетней войне (1756–1762) Малороссия должна была выставить 5 тыс. выборных казаков для вспомогательной службы при регулярной россий-

ской армии. Но гетманские казаки вновь показали свое «вольнолюбие»: на войну попросту не явились. В итоге вместо них Гетманщина отправила к армии тысячу компанейцев, т. е. казаков из компанейских полков — гетманской гвардии. И лишь в завершающие годы войны смогла наскрести еще тысячу выборных. «В военном отношении малороссийские казаки зарекомендовали себя не лучшим образом... В начале правления Екатерины II перед российской властью встали неотложные вопросы. Если Малороссия войсковая область, то где ее собственное войско? Если в Малороссии существуют казацкие полки, то какая от них государству польза? Российский генералитет считал малороссийских выборных казаков дармоедами, которые не платили пошлыны и обеспечивали себя за счет подпомощников, уклоняясь при этом от своих войсковых обязанностей» (Шпитальов, 2009).

О реформировании гетманского воинства, придании ему более регулярного войскового вида задумывался еще Петр I. Но всерьез за дело взялся полвека спустя граф П.А. Румянцев, генерал-губернатор Малороссии и президент второй Малороссийской коллегии (Екатерина II, последовав Петру Великому, также отменила гетманство в 1764 г.). Для начала он распорядился о проведении генеральной описи Левобережной Украины, всех 10 полков. По сути, это была тщательная ревизия человеческих, материальных и экономических ресурсов Малороссии. Одной из целей описи было точное определение численности и имущественного состояния казачьего населения края. Проведенная во второй половине 1760-х гг. опись «замкнула» казачье сословие Украины. С одной стороны, все записанные в ней выборными казаками уже не могли уклоняться от службы, в том числе посредством вольного или невольного перехода в иные сословия. С другой, «искание» казачества людьми других сословий отныне прекращалось: «чтоб от сего времени никого более в козаки не писать», — резюмировал Румянцев.

В Румянцевскую опись попали выборные казаки села Бирин Иван и Гаврила Григорьевичи Ипатченки с женами и детьми, а также их двоюродные братья Максим и Емельян Семеновичи. Жили они все пока что совместно, в двух хатах на одном дворе. Отцы их к тому времени умерли, старший сын Григория Никита тоже ушел из жизни, оставив потомство. Казачью службу на момент проведения описи нес Гаврила, который «одним глазом не видит». Тщательно описаны все строения на дворе, пахотные нивы, находящиеся во владении рода (23 участка с указанием размеров и объема посевов при трехпольной системе земледелия), покосы, огороды с посевами «конопели», винокурня, ульи и борти с дикими пчелами. Точно зафиксировано количество скота: «Лошадей рабочих 6, нерабочих 1, быков рабочих 4, нерабочих 5, коров старых 6, молодых 4, овец старых 20, молодых 10, свиней старых 6, молодых 16» (ЦГИАК. Ф. 57. Оп. 1. Д. 129. Л. 846).

Другой мерой Румянцева стало введение армейского кавалерийского устава в малороссийском казачьем войске. Была организована боевая подготовка на сборах в лагерях под управлением армейских офицеров. Кроме того, из лучших выборных казаков был сформирован 12-тысячный Малороссийский корпус, состоявший из 24 пятисотенных отрядов под командой гусарских офицеров (Шпитальов, 2009). Это было уже некое подобие регулярных частей.

И всё же... В начале Русско-турецкой войны, в 1769 г., казаки этого корпуса были включены в состав 1-й и 2-й действующих армий. Вскоре командир легкоконного корпуса генерал-майор Исаков докладывает Румянцеву о казацкой «неспособности быть в поле». Увы, снова «в продолжение Русско-турецкой войны 1768—1774 гг. левобережное казачество, будучи наименее боеспособной частью действующей армии, вынуждено было выполнять второстепенные задачи и не имело возможности отличиться в заметных военных акциях» (Шпитальов, 2006: Эл. ресурс). И снова украинский историк видит в этом вину российской власти и командования: «Причиной тому была не

только недостаточная боевая подготовка в предвоенные годы, а прежде всего отказ российской стороны от давних боевых традиций левобережного казачества и полное подчинение его внутренней жизни и организации службы общевоинскому уставу» (Там же.) Что ж, плохому танцору и ноги мешают. «Боевые традиции левобережного казачества» к тому времени давно растворились в небытии.

К концу войны необходимость коренной реформы военно-административного устройства бывшей Гетманщины назрела и едва ли не перезрела. Новое военное столкновение с Турцией было не за горами, и кавалерийский потенциал малороссийского казачества мог пригодиться, если направить его в нужное русло и придать ему правильную форму. В 1782 г. Екатерина II наконец отменяет архаичный сотенно-полковой устрой Малороссии и создает на территории Украины три наместничества (Киевское, Черниговское, Новгород-Северское; в скором будущем наместничества сменятся губерниями). «Казачья держава», еще державшаяся на рудиментах своей былой военно-политической организации, окончательно была ликвидирована. Казачья старшина, дабы пресечь всплески ее недовольства и занять службой отечеству, получает имя и права российского дворянства. С этих пор идет ее активная инкорпорация в имперскую элиту и чиновничество, в том числе на высших уровнях власти. Бывшие же казаки, не попавшие в румянцевский реестр, ставшие крестьянами, оказались «в крепости» у государства.

Вместо 10 левобережных полков тогда же формируются 10 легкоконных регулярных полков, вскоре получивших статус карабинерных. Это была реализация идеи Румянцева почти двадцатилетней давности: «Выделяя малороссийских козаков в особую сословную единицу и обязывая ее неуклонным исполнением воинской повинности, Румянцев на первых же порах старался приучить их по возможности к регулярной службе, но при этом встречал со стороны козаков, представлявших себе свои обязанности в отношении военной службы по понятиям старого “вольного казачества”, сильное противодействие. Находя военную службу козаков, согласно их взглядам, “столь безстройной, столь ни к чему не удобной и ненадежной”, он уже в своей записке 1766 года предлагает императрице Екатерине II “сию милицию привести в настоящий порядок воинских людей”» (Стороженко, 1898: 26).

Часть офицерских должностей в этих регулярных полках занимали все те же казачьи старшины, на первых порах сохраняя и кое-какие старые казачьи звания. В Исповедной ведомости новообразованного Стародубовского карабинерного полка за 1786 г. числятся в шестом эскадроне «неперейменованные армейскими чинами» войсковой товарищ, бунчуковый товарищ, сотник (ГАЧО. Ф. 712. Оп. 1. Д. 255. Л. 59).

Среди рядовых карабинеров шестого эскадрона этого полка значится Емельян Никифоров(ич) Ипатка — один из внуков Григория Ипатченка. (В 1780-х гг. уменьшительный суффикс, обозначающий младших членов семейства, отпал от фамилии.) Рядом с ним записан еще один казак из Бирина — Емельян Коптев. Историю Стародубовского карабинерного, впоследствии драгунского полка, включая участие в боевых операциях, подробно изложил в своей книжке полковой офицер ротмистр Мартынов. В начале очередной Русско-турецкой войны (1787–1791) полк действовал в составе Украинской армии фельдмаршала П.А. Румянцева. В мае 1789 г. он вошел в 3-ю дивизию, которой командовал А.В. Суворов. «В кампании 1789 года кавалерийские полки под общим начальством князя Потемкина имели дни своей славы и с честью разделяли труды своей армии; но наиболее завидная доля досталась, без сомнения, находившимся весь этот год в отряде Суворова трем карабинерным полкам под командою бригадира Бурнашева, а именно: Рязанскому, Черниговскому и нашему Стародубовскому» (Мартынов, 1908: 11). Полк участвовал в громких и славных победах Суворова: в разгроме турок при Фокшанах 21 июля, в сражении 11 сентября при реке Рымник, где небольшими си-

лами была разбита 100-тысячная турецкая армия. «В одно мгновение стройные эскадроны летят со всех сторон на неприятеля; невысокий вал его укреплений не может остановить их порыва; полковник Миклашевский со своим Стародубовским полком врубается первый и начинает сечу, отбивает 4 орудия...» (Мартынов, 1908: 30). Послужной список командира полка, потомственного казака, внука стародубского полковника, сообщает: Михаил Миклашевский «находился в действительных с неприятелем сражениях 1789 г. июля 20-го обще с соединенными союзными императорскими (австрийскими. — Н. И.) войсками при Путне; 21-го при взятии Фокшан на баталии в штурме ретраншемента и главного там Каменного монастыря, как и в завоевании неприятельского лагеря и пушек сентября 11-го, тако с союзным императорским войском при Тургокуколи, Крынгумейлоре и речке Рымник на генеральной баталии, продолжавшейся целый день. При поражении главной турецкой армии и совершенном разбитии верховного визиря при взятии их ретраншемента, в завоевании трех лагерей и всей их полевой посадной артиллерии» (РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 2930. Л. 3).

В мае 1790 г. шестой эскадрон Стародубовского полка был направлен в формирующийся Киевский конно-егерский полк. Судьба карабинера Емельяна Ипатки осталась нам неизвестна.

Создавая регулярные полки вместо прежних казачьих формирований, правительство предусмотрело довольно быструю ротацию их личного состава. Полки должны были полностью обновляться за шесть лет как за счет командирований части офицеров и нижних чинов на пополнение других конных полков, так и за счет выбывания людей в отставку. К середине 1790-х гг. в карабинерных полках едва ли оставались казаки, служившие по старому территориальному принципу. Тем не менее вовсе упразднить малороссийскую казачью корпорацию, хотя и лишенную своей войсковой организации, правительство не думало. Во-первых, это было и невозможно: «...сразу лишить прав столь своенравную, хотя внешне и миролюбивую категорию населения царская власть не рискнула, помня, чем это обернулось в свое время для Польши» (Лисниченко, Шило, 2010). Казаки еще помнили времена Хмельницкого и свои былые победы на полях сражений. Как сказал в 1821 г. генерал-губернатор Малороссии князь Н.Г. Репнин-Волконский, «сохранился в них донныне воинственный дух». Во-вторых, именно этот воинственный дух правительство имело в виду, желая сохранить украинское казачество как сословие, дабы при необходимости, в случае новых войн на юге России, «извлечь из них пользу для военных надобностей, в качестве иррегулярного войска» (Стороженко, 1898: 4). Иными словами, желая иметь под рукой потенциальную военную силу, быстро мобилизуемую в случае надобности и так же быстро распускаемую по домам, на крестьянские борщи, по прошествии военной угрозы.

Павел I даже вернул казакам некоторые былые привилегии, издав в 1796 г. указ «о восстановлении в Малороссии правления и судопроизводства сообразно малороссийским правам и прежним обрядам». Реакция населения края на этот указ была несколько неожиданной для властей: массы подневольного, крепостного люда принялись «искать казачества» — подавать просьбы о восстановлении их в казачьих правах, которыми когда-то обладали их отцы и деды. Тогдашний генерал-губернатор Малороссии князь А.Б. Куракин писал в Сенат: «...малороссийский народ, будучи подстрекаем тамошними юристами, целыми селениями поднялся на подачу просьб об отыскании козачества, и многие из них вообразили, что, подав просьбу, можно уже и не слушаться помещиков» (Стороженко, 1898: 38). Количество исков значительно сократилось лишь после того, как было разъяснено: свободными казаками считать тех, кто был записан в этом качестве в ревизии 1782 г., и только позднее был несправедливо закрепощен. По сути, это была отсылка к реформе П. А. Румянцева, оставившего казачье звание лишь за выборными казаками.

Так к началу XIX столетия казачье население Малороссии оформилось в особое военное сословие без своего войска и войсковой администрации. От войсковых казачьих областей, существовавших и создававшихся вновь на граничных землях России, его отличала рекрутская повинность, подати наравне с крестьянскими, право личной собственности на землю, а также «права и привилегии, уходящие своими корнями в литовское право и отчасти сходные с шляхетскими», как, например, право на винокурение и торговлю вином. В остальном малороссийские казаки чем далее, тем более походили на обычных поселян, по своему образу жизни почти ничем не отличаясь от крестьян. Единственной существенной разницей была личная свобода, коей обладало казачество.

Довольства таким положением украинские казаки не выказывали. Напротив, Малороссия оставалась территорией немалого социального напряжения. Растущее как на дрожжах в благоприятном климате население Полтавской и Черниговской губерний страдало от малоземелья и тесноты, было недовольно размером податей и рекрутчиной и мечтало о восстановлении своего казачьего войска, о поновлении былой казачьей славы днепровского «рыцарства».

Правительство думало, что делать с воинственным населением Малороссии. Но даже на сторожевой пограничной службе казаков использовать было нельзя: границы отодвинуты Екатериной II весьма далеко, а подолгу держать казачьи отряды вдали от их земель и домов значило разорять их и провоцировать еще большее недовольство. Выход был найден еще князем Г. А. Потемкиным, иницировавшим в начале 1790-х гг. переселение низовых запорожских казаков с Буга и Днестра на присоединенную Россией Кубань. Расселившись своими куренями (впоследствии превратившимися в станицы) на землях от Тамани до пограничной реки Кубань, запорожцы составили основу Черноморского казачьего войска, в будущем Кубанского. Александр I пошел тем же путем, решив заселять всё еще пустынную, скудную людьми Черноморию казаками Полтавской и Черниговской губерний. В 1808 г. последовал указ: «Двадцати пяти тысячам малороссийских козаков, по недостаточному количеству у них земли, переселиться на земли, войску Черноморскому пожалованные в Таманском полуострове и за Боспорским проливом, между Азовским морем, до границ Кавказской губернии, и от Ейского укрепления в губернии Екатеринославской по Кубани до самого ее устья» (Стороженко, 1898: 42). В 1809–1811 гг. в Черноморию переселилось почти 50 тыс. человек обоого пола: казачьи семьи с детьми. Среди этих новых поселенцев полуденного края России числилось семейство Тимофея Ивановича Ипатки, внука Григория Ипатченка, обосновавшееся в Куцевском курене (позднее — Куцевская станица). Сам он был уже в преклонных годах, и осваивать службу черноморских казаков принялись его сыновья.

Служба оказалась нелегка. Вряд ли, оставляя свой дом и землю в Бирине, они представляли, с насколько воинственными горскими племенами им придется соседствовать в Черномории. И повоевать сыновьям Тимофея Ивановича довелось немало: годы их молодости и зрелости пришлись на начало и пик Кавказской войны (1817—1864). Постоянные мелкие и крупные, набеги из-за реки Кубань черкесов, грабивших русские селения и похищавших людей для обращения в рабство, приходилось отражать едва ли не каждый год.

Старший, Максим Тимофеевич, начал службу в ноябре 1812 г., как сообщает его послужной список (Лысенко, 2010: 135–136). Отдельные части казаков-черноморцев участвовали в боевых действиях против армии Наполеона и в Заграничном походе. А летом 1815-го несколько полков черноморцев были отправлены в Варшавское герцогство, но последний всплеск военных действий Наполеона был подавлен без их участия, и полки повернули обратно. В этом польском походе участвовал Максим Епатка (так трансформировалась фамилия на Кубани).

В дальнейшем он нес службу на Черноморской кордонной линии, на участке Елизаветинского и Александровского постов. В 1820, 1823, 1825 гг. черкесы переправлялись через реку Кубань в этих местах большими отрядами по несколько тысяч человек. И не всегда казакам удавалось отбить их грабительские набеги. 24 января 1820 г. «прорыв был сделан в дистанции Елизаветинского поста, и горцы ударили на хутора Осечки, находившиеся верстах в шестидесяти пяти от Екатеринодара и в пятнадцати верстах от Кубани. Восемьдесят казаков, предводимых подполковником Ляшенко и войсковым старшиной Порохней, выскакали наперерез скопищу и стали на отбой. Черкесы одним натиском семитысячной массы смяли казаков, а через час одни обгорелые головни показывали место, где жили хуторяне» (Потто, 2006). По другим сведениям, казаков было 300, но сути это не меняет — против такой орды они не могли устоять. Среди этой горстки казаков был Максим Епатка, о чем также сообщает его послужный список.

Вожаком горцев в эти годы был знаменитый Казбич. 23 января 1825 г. под его командованием через замерзшую Кубань переправился отряд в две с половиной тысячи человек. «Главные силы его шли на Елизаветинское селение, правое крыло ударило на Александровский пост. Сильный ружейный и пушечный огонь и отчаянная вылазка с последнего поста остановили неприятеля. Это расстроило Казбичу весь план нападения, и горцы... поспешно отошли за Кубань. Не прошло и недели, как Власов, в отместку Казбичу, был уже за Кубанью и первого февраля громил абадзехские аулы» (Потто, 2006). И в том бою, и в последовавших закубанских экспедициях для усмирения горцев участвовал Максим Тимофеевич Епатка.

В годы Русско-персидской войны 1826–1828 гг. он служил в 4-м конном полку. Осенью 1826-го часть черноморских полков, в том числе 4-й конный, отправилась в Закавказье «для действия противу персиян, где они отличными своими подвигами приобрели честь и славу» (Туренко, Кухаренко, 1887: 140). Сразу после заключения мира с побежденной Персией казаки двинулись на Тифлис для действий против турок, тоже начавших войну с Россией. В составе войск генерала И.Ф. Паскевича 4-й конный черноморский полк участвовал в осаде и взятии нескольких крепостей. За участие в обеих войнах казак Максим Епатка получил две серебряные медали.

Его младший брат Анисим, вероятно, также участвовал в войнах с персами и турками. В 1831 г. он был произведен в урядники, служил и в конных, и в пеших полках. В 1838 г. был выбран на годовой срок атаманом Кушчевского куреня (Кубанская генеалогия: Эл. портал).

От Максима и Анисима Тимофеевичей произошли все многочисленные казаки Епатка станицы Кушчевской.

Казачий дух Малороссии пришелся весьма кстати в 1812 г. С подачи генерал-губернатора Я.И. Лобанова-Ростовского император Александр издает рескрипт о формировании казачьих полков в Полтавской и Черниговской губерниях. В докладе П.И. Багратиона, который подал царю аналогичную идею, говорилось о 10 конных полках по тысяче казаков в каждом. Но воодушевление казаков Малороссии превзошло любые ожидания властей и армейского командования. В Черниговской губернии к сентябрю было сформировано шесть конно-казачьих полков, в Полтавской — девять, общей численностью около 18 тыс. казаков. Воспрянувшие духом, они исполнились мечтой о возрождении своего казачьего войска, об отмене рекрутчины и даровании им иных привилегий, тем более что всё это обещал казакам князь Лобанов-Ростовский. Обнадеженные казачьи общины щедро жертвовали деньги на вооружение и обмундирование полков. «Например, в Черниговской губернии для этого было собрано 2233 тыс. руб. Каждый казак обязан был иметь коня, конскую сбрую и мундирную одежду по образцу, три рубахи, две пары сапог, две пары онуч (полотняные и суконные), шапку “из реше-

тиловских смушек”, бурку, нагайку и два пояса» (Лисниченко, Шило, 2010: Эл. ресурс).

Казакі села Бірина записувалися во 2-й Чернігівський конний полк, який формировав в Новозыбковському уезді полковник Потрисов. В іменних списках цього полка за 1812—1814 гг. значаться дев'ять біринських казаків, серед них — Степан Іпатка (РГВИА. Ф. 395. Оп. 311. Д. 28. Л. 117). Це Степан Васильєвич Іпатка, правнук Григорія Іпатченка. Казачьі полки Малоросії, наряду з полками земського ополчення, були задіявані в кордонній ланці, прикривавшій Україну від проникнення ворога, брали участь в бойових операціях разом з регулярними частинами і в численних сутичках з відступаючими частинами ворога в Могилевській губернії. Так, в листопаді казакі 2-го Чернігівського конного полка достойно витримали напружений бій, точніше, декілька сутичень з французами під Пінском, незважаючи на перевагу сил противника. В часі Заграничного походу цей полк в складі корпусу генерал-лейтенанта С.Л. Радта брав участь в облозі фортеці Замостьє.

Однак, незважаючи на те що казакі Малоросії в війні з Наполеоном показали себе з кращої сторони, мріям їх про відродження українського казачього війська не судилося здійснитися (подробніше см.: Лисниченко, Шило, 2010). Отримати свою військову організацію, знову отримати традиційну для них роль служилих казаків вони могли єдиним способом — переселенням в казачьі області на границях Росії, де така організація існувала і де була гостра необхідність в обороні прикордонних земель від воєнних сусідів. Новий «чорноморський набір» з казаків малоросійських губерній проходив в першій половині 1820-х гг. знову за указом Олександра I. Кубанське казачьє населення знову поповнилося півсотнею тисяч чоловік обоєго статі, врятувавшись від малозем'ля на батьківщині.

Розрослий клан казаків Іпатка дав Чорноморському війську ще пучок своїх представителів. В поселенні, яке пізніше стало іменуватися станицею Новолешківської, осіли 5 родин родичів: Кирилл і Герасим Єфимовичи, Федор Ємельянович, Василь Карпович, Семен Самойлович Іпатки з жінками і дітьми (як і в Кушівській, прізвище змінилося на Епатка).

Цим прийшлося важче. Адаптація до місцевих умов, кліматическим і воєнним, очевидно, проходила важко. За тридцять років, з початку 1850-х, вижило чоловіче покоління тільки двох родин Епатка Новолешківської станиці. І не просто вижило, а дало достойних представителів Чорноморського, потім Кубанського казачього війська. Василь Федорович, потрапивши на Кубань дитиною, три роки поспіль в 1850-х обирався атаманом станиці (Кубанська генеалогія: Эл. портал). Служив урядником в 9-му конному полку ЧКВ. В 1859 г. був нагороджений знаком відмінності воєнного ордену Святого Георгія (Георгиевським хрестом) 4-го ступеня (№ 7312) з формулюванням «за відмінність проти горців за Кубанню 23.04—04.12.1858 року» (РГИА. Ф. 496. Оп. 3. Д. 801).

З переселенням цієї партії казаків Іпатка з Бірина на Кубань пов'язана любовна судова тяжба за ділянку родової землі (РГИА. Ф. 383. Оп. 1. Д. 638). Переселившися спочатку продали її залишкою в селі рідні, а потім, незважаючи на паперові формальності, подарували ту ж ділянку біринській Георгієвській церкві. П'ять років після старости храму, місцевий поміщик і міської секретар С. Кривичкий, пред'явив претензію на землю, якою користувалися як власністю казакі Іпатки. Справа розглядалася більше 10 років. По черзі: в уездному земському суді, губернським прокурором, Головною господарською канцелярією для малоросійських казаків, потім пішло в Петербург і уважливо розглядалося Сенатом, Синодом і міністром державних маєтків графом П.Д. Киселевим. Різні інстанції виносили рішення то на користь «казаків Іпатков», то на користь церкви. В кінці кінців чиновники департамен-

та Сената нашли пункт закона, согласно которому земля по справедливости должна принадлежать казакам. Окончательный вердикт последовал в 1842 г.: «спорную землю оставить за покупателями Ипатками».

Остроту проблемы малоземелья казаков украинских губерний хорошо понимали в Петербурге. Еще в 1832 г. указ Николая I запретил под каким бы то ни было видом отчуждать наследственные земли казаков-малоросов. В бытность наследником престола Николай Павлович лично убедился в «расстроеном положении их, происходящем от недостатка земель и неимения промыслов». А кроме того — от разорения 1812 г.: снаряжение огромного ополчения без всякой финансовой помощи государства значительно и надолго подорвало имущественное положение казачьих общин Малороссии. Меж тем военный потенциал их, тот самый «воинственный дух», еще не был исчерпан. На протяжении более чем половины XIX столетия правительство не раз прибегало к этому ресурсу.

Казачьи полки как резервная сила формировались в 1831 г. во время польского мятежа (восемь полков); шесть — во время Крымской войны (1853–1856); наконец, еще три полка — при подавлении очередного польского бунта (1863–1864). Поучаствовать в боевых действиях им не пришлось. И если в первых двух случаях казаки с огнем шли в ополчение, то напоследок от былого воодушевления «службой царской» не осталось и следа.

О зачислении в эти полки казаков села Бирина сведений у нас нет. Известно лишь, что один из представителей рода Ипатка в 1840-х гг. служил унтер-офицером в Волынском уланском полку...

Земли катастрофически не хватало. Весь XIX в. и в начале XX-го из Малороссии выплескивались одна за другой волны переселенцев, иницируемые царскими указами, — на Кубань, Северный Кавказ, Урал, в Сибирь, на Алтай, Дальний Восток и в Приморье. В 1830-х—1850-х гг. Кавказская война, острая нехватка в горских областях русского населения для освоения края, особенно казачьего населения на кавказской кордонной линии, направили переселенческие потоки в этот регион. В 1848–1849 гг. сюда пришла уже третья миграционная волна из Левобережной Украины. За эти два года на Северный Кавказ и в Черноморию (Кубань) прибыло около 12 тыс. человек обоего пола из казачьего сословия. Местами выхода, как и прежде, были Черниговская, Полтавская, Харьковская губернии. Причем Черниговская в тот раз дала более половины переселенцев.

С этой волной на пограничную реку Терек, в станицу Александрийскую прибыло семейство биринского казака Андрея Емельяновича Ипатки. Стоит заметить, что покидали родное село в поисках казачьей службы и лучшей доли исключительно представители младших ветвей рода. Старшая ветвь, происходящая от первого сына Григория Ипатченка Никиты, прочно укоренилась в Бирине.

Все водворившиеся в станицу Александрийскую казаки — в количестве 93 семейств — были зачислены в Кизлярский полк Кавказского линейного казачьего войска. Тотчас было роздано оружие, доставленное из Тулы: по одному ружью, шашке и кинжалу на семью. Архивное дело сообщает подробности: вместо отца оружие получил младший сын Игнат Ипатка, которому в тот год было 15 лет. За этот оружейный комплект с каждой семьи взыскивалось по 1 руб. 50 коп. серебром (РГВИА. Ф. 5205. Оп. 1. Д. 222). В 1870 г. после реформы Кавказского линейного казачьего войска Кизлярский полк стал 1-м Кизлярско-Гребенским полком Терского казачьего войска. Игнат Андреевич Ипатка в 1895 г. был утвержден на трехлетие одним из пяти почетных судей станицы Александрийской (Гребенские казаки: Эл. портал).

Крестьянская реформа 1861 г. лишила малороссийских казаков того единственного преимущества, которое отличало их от крестьян. В праве личной свободы те и

другие сравнялись. И хотя казачьи органы самоуправления сохранялись в Малороссии вплоть до 1917 г., а сами казаки чтити и хранили свои былые обычаи (в числе которых бритая голова с оселедцем на макушке оставалась самым колоритным), происходило размывание и смешивание казачества с крестьянской средой. Казаки женились на крестьянках, крестьяне брали жен из казачьих семей, те и другие охотно становились крестными детей друг у друга. В последние десятилетия XIX в. малороссийские казаки «не неся каких-либо особенных обязанностей... различаются от крестьян больше лишь по одному названию» и в сословном плане являются уже «некоторым анахронизмом» (Стороженко, 1898: 3).

В Межевом отделе РГАДА хранится дело со списками жителей села Бирина 1880-х гг. Более десятка записанных глав семейств — казаки Ипатка. Представитель старшей ветви — Капитон Павлович Ипатка зафиксирован в этом деле как один из трех поверенных от общества казаков села Бирина (РГАДА. Ф. 1350. Оп. 1. Д. 10797. Лл. 39—39 об., 92 об.). Капитону Павловичу Бог даровал долгую жизнь — он родился в пушкинские времена, где-то во второй половине 1830-х, а дожил до раскулачиваний и коллективизации, окончательного разорения и уничтожения крепких хозяйств на селе, обнищания собственного рода, уже не казачьего, а колхозного.

Меж тем как в Бирине казаки жили совершенно по-крестьянски и лишь вспоминали о былом, кубанские и кавказские ветви рода тянули служебную лямку, продолжая славные традиции черноморского и терского казачества. Как минимум одному из них выпала огромная честь служить в Собственном Его Императорского Величества Конвое, куда набирали лучших из лучших кубанских и терских казаков. В СЕИВК Михаил (Сергеевич?) Епатка из кубанской Новолеушковской станицы проходил срочную службу в 1894—1898 гг. Был уволен, по конвойскому обычаю, с производством в урядники, сохранением гвардейского мундира и награждением (лично императором) Знаком за службу в Конвое Его Величества. О другом гвардейце-конвойце из Новолеушковской сообщает краевед В. К. Панфилец: «Епатко Александр Елисеевич... действительную службу (1903—1907 гг.) служил в гвардейских казачьих войсках Его Императорского Величества» (Панфилец, 1993: 103). Подтвердить эту информацию пока не удалось.

Еще один новолеушковский Елисеевич — Даниил Епатка. В марте 1911 г. «вследствие ходатайства российского императорского чрезвычайного посланника и полномочного министра в Персии» казак 1-го Уманского полка Даниил Епатка произведен в приказные, что соответствовало армейскому званию ефрейтора (Лысенко, 2010: 146). Служил он в «консульских конвоях» в Персии. В 1909 г. Россия ввела в Иран, охваченный революционными беспорядками и насилиями, экспедиционный корпус для охраны своих и европейских консульств, дорог, торговых караванов, в том числе российских купцов. Казаки 1-го Уманского и еще из двух полков — всего около 40 человек — несли охрану генерального консульства России в Тавризе. Насколько напряженной была обстановка, свидетельствует описание боев декабря 1911 г. в книге П. Н. Стрелянова (Калабухова) «Казаки в Персии. 1909—1918 гг.». Казаки и армейские части больше 10 дней отбивали вооруженное нападение на Тавриз орды персов-фидаев, поддержанных городским населением. Едва не каждый дом в городе становился крепостью. Однако участвовал ли приказной Даниил Епатка в этих боях, неизвестно. Возможно, после окончания срочной службы он еще весной отбыл из Персии.

Казак 1-го Кизлярско-Гребенского полка Петр Ипатко на рубеже XIX—XX вв., вероятно, служил в составе казачьих войск в Бухарском эмирате, являвшемся протекторатом России. Из 8 тыс. военнслужащих на территории эмирата, охранявших границу Бухары с Афганистаном, большую часть составляли казаки. Более того, российская власть проявляла заинтересованность, чтобы армия бухарского эмира и его личная гвардия были организованы по казачьему принципу. А инкорпорация бухарской дина-

стии в сановно-аристократическую элиту Российской империи в числе высоких чинов и наград дала эмиру еще и звание наказного атамана Терского казачьего войска (Почекаев, 2016: 206—207). В 1904 г. казаку Петру Ипатко, в числе других терцев, было высочайше разрешено носить на груди серебряную медаль Бухарского эмирата на красной ленте «За службу и усердие» (Гребенские казаки: Эл. портал).

Его близкий родственник и одностаничник Георгий Ипатко в 1904 г. отправился со своим полком на Русско-японскую войну. В составе Сводного кавалерийского корпуса под командованием генерал-адъютанта П. И. Мищенко 1-й Кизлярско-Гребенский полк участвовал в мае 1905 г. в громком набеге на тылы японской армии. Казаки блестяще выполнили задачу, подняв большой переполох у японцев и оттянув на себя с фронта значительные силы неприятеля.

В начале XX столетия российское правительство активизировало колонизацию Сибири и Туркестана силами русского крестьянства. И коль скоро казаки Малороссии почти утратили свою казачью особость, они легко смешивались с крестьянскими переселенческими потоками, направленными на далекий восток империи. В «стольпинских вагонах» до красноярских краев и Киргизской степи добрались два семейства биринского клана Ипатка. Одно обосновалось в селе Кускун под Красноярском, другое в поселке Преображенка Семипалатинской области. Этот поселок был основан в конце XIX в. духовной миссией для новокрещеных казахов и киргизов. «В планах Киргизской миссии было поселить в Преображенском поселке определенное количество русских крестьянских семейств для укрепления новокрещеных киргизов в догматах и традициях Православия. Поэтому территория вокруг новокрещенского поселка стала одним из мест водворения переселенцев» из густонаселенных губерний империи, более всего из Черниговской и Полтавской (Андриенко: Эл. ресурс). Интересно, что на Алтае, в одном из таких же миссионерских селений для новокрещеных туземцев, основанных Алтайской духовной миссией (отделением которой была Киргизская миссия), в документе начала 1880-х гг. тоже присутствует фамилия Ипатка. Редкая по происхождению, эндемичная биринская фамилия, несомненно, принадлежала кому-то из этого казачьего рода.

Великая война 1914–1918 гг. коснулась всех ветвей рода. Самый многочисленный «отряд» казаков Епатка дала Кубань — не меньше дюжины их воевало в конных и пластунских частях Кубанского казачьего войска. В первые же месяцы войны полным георгиевским кавалером стал 27-летний казак станицы Куцевской, старший урядник 2-го Уманского казачьего полка Андрей Васильевич Епатка. Справочник С.Б. Патрикеева по георгиевским кавалерам дает краткое описание его геройств. Крест IV степени (№ 192334) присвоен за «безукоризненную храбрость, мужество и распорядительность при разведке в боях под Яблоновом и Делятином 22-го, 23-го и 24.10.1914». Крест III степени (№ 63740) дан за то, что «в бою 11.01.1915 при атаке Борника, идя в цепи, первым бросился на противника, под его сильным огнем, увлекая за собой товарищей, чем и способствовал успеху атаки». Крест II степени (№ 9517) присвоен за «отличия, оказанные в делах против неприятеля». Наконец, крестом I степени (№ 3948) А.В. Епатка награжден за то, что «в бою 8.02.1915 под г. Станиславовом неоднократно был посылаем с донесениями и приказаниями под сильным огнем противника, каковые исполнял с полным успехом». Кроме того, была у казака-лихача еще и Георгиевская медаль IV степени (№ 67375). В бою под Станиславовом (ныне Ивано-Франковск) он получил ранение и выбыл с фронта в госпиталь в Галиче. Дальнейшая его судьба неизвестна.

Еще один георгиевский кавалер из Куцевской — родной брат Андрея Васильевича, Филипп, тоже старший урядник. Воевал на Кавказе, в 1-м Уманском полку. Награжден Георгиевским крестом IV степени с формулировкой «лично из рук Его Императорского Величества Государя Императора в селении Верхний Меджингерт». Во

время поездки в войска на Кавказе император Николай II 1 декабря 1914 г. побывал в горах на русско-турецкой границе, где проходил фронт. Около трех сотен крестов государь вручил лично храбрецам, собранным из всех воюющих частей. Еще пятьсот крестов по Высочайшему повелению были переданы командованию для вручения отличившимся в боях нижним чинам. Награждали ими 12 января, после успешно завершённой Сарыкамьшской операции. Среди этих пятисот был и Ф.В. Епатка. Вскоре 1-й Уманский полк в составе Экспедиционного корпуса был отправлен в Персию для противостояния турецко-германским оккупационным войскам. В конце года Филипп Епатка оказался в плену, попал в лагерь военнопленных Афьон-Карахисар в Турции. Видимо, там, в лагере под «Черной крепостью», он и погиб.

На интернет-портале Министерства обороны «Памяти героев Великой войны. 1914–1918» размещены документы по потерям личного состава — списки и карточки погибших, выбывших по ранению или болезни. Помимо кубанских казаков Епатка в этих документах значатся: Ипатко Андрей Дмитриевич, казак станицы Александрьевской, 1-й Кизлярско-Гребенский полк, болен; Ипатко Авраам Петрович, с. Кускун, рядовой 13-го пехотного Белозерского полка, ранен; Ипатко Тимофей Платонович, Красноярский уезд, ефрейтор 44-го пехотного Камчатского полка, умер от ран; Ипатка Семен Федорович, Новгород-Северск, рядовой 304-го пехотного Новгород-Северского полка, пропал без вести; Ипатка Павел Ларионович, с. Бирин, рядовой 206-го пехотного Сальянского полка, ранен; Ипатка Лука Демьянович, с. Бирин, рядовой 125-го пехотного Курского полка, ранен и контужен. Лука Демьянович, родной прадед автора этих строк, ушел воевать ополченцем в 35 лет, обремененный семейством, выбыл в госпиталь после боя под Черновицами (совр. Черновцы) на Юго-западном фронте.

Последним всплеском казачьего самосознания в Бирине, наверное, следует считать явление в годы распада страны и Гражданской войны такого «государственного» образования, как Биринская, или Задеснянская, республика. Весной 1918 г. Десна, как обычно, широко разлилась, надолго отрезав Бирин и соседние заречные села от остальной территории губернии. С другой стороны, к северо-востоку, проходила нейтральная полоса между большевистской Россией и самостийной Украиной, новой Гетманщиной. Биринцы, объявив независимость и от советов, и от гетмана, навели в селе и ближайшей округе порядок, по-своему решили земельный вопрос, наладили печатание собственных денег. По воспоминаниям старожилов, во главе «республики» стояли «местные атаманы» (Павленко: Эл. ресурс). В 1919 г. наступление красных войск упразднило «республику». Этот исторический факт выглядел бы курьезом, если бы не трагический контекст происходившего в те годы.

Было, конечно, и сопротивление большевистским идеологическим фантомам, подкрепленным кровавой политикой массового террора и ограбления народа под видом продразверстки, расказачивания, раскулачивания, коллективизации и пр. Список представителей рода Ипатко/Епатко — жертв советского террора — не столь обширен лишь потому, что автор не располагает полнотой информации по всем ветвям рода, особенно кубанской и терской. Вот этот список. 1. Епатко Андрей Кузьмич, казак Кущевской ст., участник 1-й Мировой войны, расстрелян в 1922 г. 2. Епатко Игнат Федорович, Кущевская ст., осужден на 5 лет лагеря в 1930 г. 3. Епатко Александр Григорьевич, Кущевская ст., репрессирован в 1930-х гг. 4. Епатко Александр Елисеевич, Новолеушковская ст., репрессирован в 1930-х гг. 5. Ипатко Авраам Петрович, крестьянин с. Кускун, участник 1-й Мировой войны, раскулачен в 1932 г., выслан со всей семьей. 6. Ипатко Петр Демьянович, колхозник с. Бирина, расстрелян в 1938 г. 7. Ипатко Михей Демьянович, колхозник с. Бирина, расстрелян в 1938 г. 8. Сюда же, очевидно, следует отнести Епатко Василия Спиридоновича из Кущевской, служившего в штабе 1-й Кубанской казачьей дивизии Добровольческой армии и Вооруженных силах Юга России в чине хо-

рунжего (по данным С. В. Волкова в его базе «Участники Белого движения в России»). Попал в плен к красным. В 1922 г. он был еще «на особом учете», в дальнейшем, скорее всего, репрессирован.

АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Российский государственный архив древних актов. Ф. 1350. Оп. 1. Д. 10797. Ф. 248. Оп. 103. Д. 8250.
Архив внешней политики Российской империи МИД РФ. Ф. Малороссийские дела. Оп. 124/1. Д. 62.
Центральный государственный исторический архив Украины (ЦГИАК). Ф. 64. Оп. 1. Дд. 692, 837, 918, 959. Ф. 57. Оп. 1. Д. 129. Лл. 842—847.
Государственный архив Черниговской области. Ф. 712. Оп. 1. Д. 255.
Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 395. Оп. 311. Д. 28. Ф. 5205. Оп. 1. Д. 222.
Российский государственный исторический архив. Ф. 383. Оп. 1. Д. 638. Ф. 496. Оп. 3. Д. 801.

БИБЛИОГРАФИЯ

Абалихин Б.С. Украинское ополчение в войне 1812 года // Исторические записки. Т. 72. М., 1962. С. 87—118.
Андриенко С.Е. История Преображенского стана Киргизской духовной миссии с Преображенка. URL: <http://pravsobor.kz/Blagoch/Prihody/Preobrazhenka.html>
Лисниченко А.И., Шило Н.И. Малороссийские казаки в войнах XIX в. // Вестник Ростовского генеалогического общества. Вып. 2. 2010. URL: http://old.mglin-krai.ru/IzbrannieStranici/1812/Kazaki_XIX_vek.htm
Лысенко В.В., Лысенко Г.И. Поколенная роспись казачьего рода Епатко (Ипатка) станицы Кушевской Кубанского казачьего войска // Вестник Ростовского генеалогического общества. Вып. 2. 2010.
Мартынов, ротмистр. История 12-го драгунского Стародубовского полка. СПб, 1908.
Павленко С. Было такое государство. URL: <http://www.golos.com.ua/rus/article/154361>
Панфилец В.К. Кубанская станица. Краснодар, 1993.
Патрикеев С.Б. Сводные списки кавалеров Георгиевского креста 1914—1922 гг. В 14 тт. М., 2012—2015.
Потто В.А. Кавказская война. Т. 2. М., 2008. URL: <https://statehistory.ru/books/Kavkazskaya-voyna-Tom-2-Ermolovskoe-vremya/>
Почакаев Р.Ю. Казачьи «мотивы» в военном деле Бухары и Хивы под российским протекторатом // Средневековые тюрко-татарские государства. 2016. № 8. Казань.
Присяжні книги 1654 р. Білоцерківський та Ніжинський полки. Київ, 2003.
Сіверяньський літопис. 2013. № 3. Чернігов.
Стороженко Н.В. Очерк из истории малороссийских казаков в конце XVII и в начале XIX века. Киев, 1898.
Стрелянов (Калабухов) П.Н. Казаки в Персии. 1909—1918 гг. М., 2007.
Туренко А.М., Кухаренко Я.Г. Исторические записки о войске Черноморском. Киев, 1887.
Шпитальов Г.Г. Лівобережне козацтво в російсько-турецькій війні 1768–1774 рр. // Записки історичного факультету Одеського національного університету. Вип. 17. Одеса, 2006. С. 133—139. URL: http://www.cossackdom.com/articles/s/shpitaliov_levkozak.htm
Шпитальов Г.Г. Українське козацтво в Семилітній війні (1756–1763) // Вісник Запорізького юридичного інституту Дніпропетровського державного університету внутрішніх

справ. № 1. Запоріжжя, 2009. С. 215—224. URL: http://www.cossackdom.com/articles/s/shpitaliov_7voina.pdf

Эсадзе Б.С. Памятка гребенца. Очерк многовековой доблестной службы престолу и отечеству 1-го Кизлярско-Гребенского генерала Ермолова полка Терского казачьего войска. Пг., 1916.

Яковлева Т.Г. Гетманщина и ее инкорпорация в Российскую империю // Западные окраины Российской империи. М., 2006. С. 35—49.

ИСПОЛЬЗОВАНЫ МАТЕРИАЛЫ САЙТОВ

Гребенские казаки <https://combcossack.0pk.me>

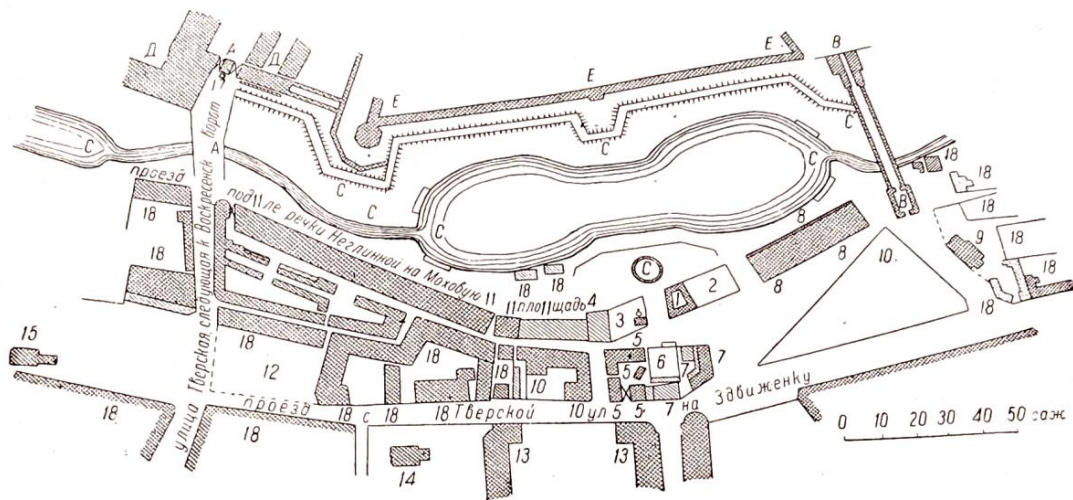
Кубанская генеалогия <http://kubangenealogy.ucoz.ru>

Памяти героев Великой войны. 1914—1918 <https://gwar.mil.ru>

РАСХОДНЫЕ КНИГИ ПАТРИАРШЕГО КАЗЕННОГО ПРИКАЗА КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ МОИСЕЕВСКОГО МОНАСТЫРЯ В МОСКВЕ

В исследовательской и справочной литературе по истории храмов и монастырей России — как сохранившихся, так и не сохранившихся — к настоящему моменту, к сожалению, не нашлось достойного места Моисеевскому женскому монастырю, находившемуся в Москве на территории современной Манежной площади предположительно на протяжении последней четверти XVII в. и первых двух третей XVIII в. (Векслер, Беркович, 2000: 218–219). Известно, что обретению им статуса монастыря предшествовало существование богаделен при церкви Моисея Боговидца: они уже были основаны, по крайней мере, по состоянию на 1600 г. (Векслер, Пирогов, 2015: 60).

План ул. Моховой 1805 г. (Тарабрин, 1936: 45).

Под № 12 — Моисеевская площадь, которая была устроена на месте монастыря вскоре после 1787 г. (Векслер, Беркович, 2000: 219).

Современная научная литература по истории монастыря представлена исключительно трудами отечественных археологов, обобщившими результаты археологических раскопок, предпринятых на бывшей территории Моисеевского монастыря в 1993–1995 гг. и предваривших строительство торгового центра «Охотный ряд» (Векслер, 1995: 28–29; Векслер, Беркович, 2000: 181–191; Векслер, Пирогов, 2015: 60). Археологов в силу их специализации и практической деятельности интересовали, прежде всего, вещественные источники, связанные с историей монастыря и его построек, — источники же иной типовой принадлежности (например, Сигизмундов план, Пискаревский летописец, писцовая книга 1685 г.) привлекались лишь эпизодически для решения прикладных археологических задач (Векслер, Беркович, 2000: 218; Векслер, Пирогов, 2015: 60).

Что касается современных справочных изданий, необходимо отметить, что даже в широко известном четырехтомнике московского писателя и историка П.Г. Паламарчука «Сорок сороков», заявленном как «краткая иллюстрированная история всех московских церквей», во втором томе, географически соответствующем локализации Моисеевского монастыря, т.е. посвященном Белому городу, нет раздела о Моисеевском монастыре — имеется лишь его упоминание в приложении «Московские монастыри,

упраздненные до 1917 года» к первому тому издания (Паламарчук, 1992: 404; Паламарчук, 1994)¹.

На сегодняшний день существуют и онлайн-каталоги храмов и монастырей России, которые регулярно, почти ежедневно, пополняются, однако даже в крупнейшие из них (Все православные монастыри России и мира; Список монастырей России) Моисеевский монастырь не внесен.

В дореволюционной и советской научной литературе не удалось выявить специальных исследований по истории Моисеевского монастыря, однако известны труды обобщающего характера, в которых были предприняты попытки ее конкретизации.

Прежде всего, это фундаментальное двухтомное издание И.Е. Забелина «Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы», где в части 1, в разделе, посвященном храмам Белого города, выдающийся историк-москвовед под заголовком «Ц. Св. Прор. Боговидца Моисея» излагает известные ему сведения о церкви и монастыре, почерпнутые из источников различной видовой принадлежности: общего (челобитные и доношения игумений монастыря) и специального делопроизводства (писцовые книги 1642 г.), актового материала (подрядная запись на строительные работы 1690 г.) (Забелин, 1884: 560–567). К сожалению, необходимо констатировать, что в указанном издании упоминания документов по истории церкви и монастыря были точечными, не систематизированными. При этом, хотя те же строительные работы финансировались из средств Патриаршего Казенного приказа и исследователь был хорошо знаком с его материалами, включая расходные книги (Там же: 114–135), к ним И.Е. Забелин в указанном разделе своего труда не обращался.

Другое издание обобщающего характера своим появлением было обязано строительству в 1930–х гг. первой очереди Московского метрополитена. В издании содержатся сведения о постройках и кладбище Моисеевского монастыря, примечательные прежде всего с точки зрения архитектуры и градостроительства, отчасти с точки зрения археологии (Тарабрин, 1936: 42).

Из вышесказанного следует, что, хотя материалы по истории монастыря подбирались и вводились в научный оборот случайно и из них извлекались случайные сведения, история Моисеевского монастыря вызывала определенный интерес. Для ее изучения учеными использовались источники различной типовой и видовой принадлежности, прежде всего вещественные — объект исследования археологов. Однако для восстановления разносторонней истории Моисеевского монастыря следует обратиться и к делопроизводственной документации, а именно к делопроизводству Патриаршего дома: выяснить, какого рода сведения о монастыре содержатся в расходных книгах Патриаршего Казенного приказа и как можно их интерпретировать. Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы обозначить проблемы изучения истории монастыря и расширить источниковую базу для ее изучения, в том числе посредством рассмотрения расходных книг Патриаршего дома.

Прежде всего, необходимо определить хронологические рамки, которым должны соответствовать расходные книги Патриаршего Казенного приказа, чтобы можно было извлечь из них сведения по истории Моисеевского монастыря. С этим вопросом связана одна из главных проблем изучения истории монастыря — дата его основания. В качестве такой даты А.Г. Векслер и В.А. Беркович предлагают 1676 г. и ссылаются при этом на некое челобитье игуменьи Моисеевского монастыря Таисии, следствием которого стало расширение кладбищенской территории обители за счет «порозжих» мест бывшего крупяного ряда (Векслер, Беркович, 2000: 218). Цитата, приведенная археологами, взята ими из «Материалов для истории, археологии и статистики города

---

¹ П.Г. Паламарчук скончался в 1998 г.; мы ссылаемся на последнее прижизненное издание.

Москвы» (Ч. 2) И.Е. Забелина (раздел «Писцовая книга 194 года») (Забелин, 1891: 312). Документ, опубликованный И.Е. Забелиным, представляет собой список 1694 г. с писцовой книги 1685 г., в которой имеется, в свою очередь, выписка из данной грамоты «по памяти» о событиях, которые в тексте датированы 1676 г.; сам же текст челобитья не представлен (Там же: 312–314). В тексте использован именно термин «монастырь» применительно к Моисеевской обители (Там же: 313–314). Необходимо, однако, учитывать, что сведения, зафиксированные «по памяти», могут быть не вполне точны, к тому же текст неоднократно переписывался и ошибка переписчиков в записи даты также могла иметь место. Помимо этого, поскольку выписка сделана позднее 1676 г., лицо, которое предоставило сведения, могло не задумываться специально о терминах и вести речь о монастыре просто потому, что он существовал на момент фиксации информации. Наконец, даже если предположить, что сведения соответствуют действительности и датировка верна, анализ текста, написанного в 1694 г., укажет исследователям не на дату основания монастыря, а лишь на дату его вероятного первого упоминания в документах, непосредственное ознакомление с которыми невозможно.

Один из наиболее авторитетных дореволюционных исследователей истории московских нищих И.М. Снегирев утверждал, что в 1676 г. царь Федор Алексеевич повелел «отдать в ведомство Патриаршего дома 412 человек обоего пола нищих в московских богадельнях: Моисеевской, Покровской и Кулиженской» (Снегирев, 1852: 14). В то же время нами в расходной книге Патриаршего Казенного приказа за 1676 г. (РГАДА. Ф. 235. Оп. 2. Д. 89) сведений, касающихся как Моисеевского монастыря, так и Моисеевской богадельни, обнаружено не было.

Между тем И.И. Шимко, автор фундаментального труда по истории Патриаршего Казенного приказа, утверждает, что упомянутый выше указ Федора Алексеевича необходимо датировать 25 апреля 1678 г. (Шимко, 1894: 242–243). И.М. Снегирев не ссылаясь на что-либо, тогда как И.И. Шимко ссылаясь на «Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы» (Ч. 1) И.Е. Забелина, где в разделе «Нищие и богадельни», приведен, однако, не сам текст указа, а лишь его подтверждение от имени патриарха Иоакима в рамках небольшого фрагмента текста расходной книги Патриаршего Казенного приказа за 1678 г. (Забелин, 1884: 1085). При этом из текста явствует, что 25 апреля 1678 г. — это дата получения в Патриаршем разрядном приказе указа из Приказа Большого дворца, а не дата самого письменного царского распоряжения. Таким образом, необходимо констатировать, что И.И. Шимко не вполне корректно выразился. В тексте, который приводит И.Е. Забелин, упоминаются моисеевские «игуменья» (правда, без имени) и «старицы», что позволяет предположить, что по состоянию на 1678 г. Моисеевский монастырь уже существовал. Необходимо, впрочем, понимать, что в указе Федора Алексеевича шла речь именно о Моисеевской богадельне, а не о Моисеевском монастыре. В то же время, поскольку ни нам, ни нашим предшественникам не удалось обнаружить полный текст этого указа (не попавшего в ПСЗ), в данный момент его текстологический анализ невозможен.

С учетом приведенных рассуждений нижнюю границу хронологических рамок, которым должны соответствовать расходные книги Патриаршего Казенного приказа для извлечения из них сведений по истории Моисеевского монастыря, можно условно принять за 1678 г. В качестве верхней границы следует принять 1700–1701 гг., когда произошли такие события, как смерть патриарха Адриана, замена его местоблюстителем патриаршего престола, восстановление Петром I Монастырского приказа под светским управлением, заместившего Патриаршие приказы. Говоря обобщенно, для достижения поставленной цели подходят расходные книги Патриаршего Казенного приказа, относящиеся к последней четверти XVII столетия.

Перечень статей расходов в расходных книгах Патриаршего Казенного приказа был довольно устойчив, но при этом конкретные формулировки в названиях соответствующих им глав могли различаться. Применительно к истории Моисеевского монастыря наибольший интерес представляют главы о выдаче милостыни и о «богаделенном строении» (Шимко, 1894: 241, 243).

Применительно к слову «милостыня» необходимо учитывать важное терминологическое замечание И.А. Устиновой, современного исследователя, изучающего приходо-расходные книги Патриаршего дома преимущественно первой половины XVII в., о том, что «источники XVII в. подразумевают под милостыней не только пожертвование денег, одежды и еды нищим, но и пожалования сотрудникам царского и Патриаршего дворов, духовенству в праздники и по другим поводам <...>» (Устинова, 2013: 11). Следовательно, упоминания о духовных лицах, включая монахинь и монахов, в соответствующей статье расходов отнюдь не должны удивлять историка.

Внимания заслуживает тот факт, что в расходных книгах Патриаршего Казенного приказа встречаются отдельные устойчивые формулировки, в которых отразилось непосредственно название монашеской обители: «Московских богаделен нищим поденные милостыни и на платье, и на дрова Моисеевскаго монастыря» (РГАДА. Ф. 235. Оп. 2. Д. 176. Л. 127), «На строение богаделен Моисеевскаго монастыря, и Покровской, и Кировской, и Кулижской богаделен» (Там же. Л. 303). Не менее устойчив и формуляр книг на уровне отдельных записей о выдаче денег. Как правило, такие записи включали в себя указания на дату выдачи денежной суммы (по меньшей мере, с точностью до месяца, чаще с точностью до дня), цель выдачи денег, имя лица, выдавшего деньги, имя получателя — физическое или юридическое лицо, факультативно — правовое основание выдачи денег (тот или иной указ патриарха). Записи обязательно сопровождалась подписью по меньшей мере одного физического лица, участвовавшего в процедуре передачи и получения денег. Последнее обстоятельство дает исследователям некоторые дополнительные возможности для проверки достоверности источника.

Поскольку при Моисеевском монастыре находилась богадельня, постольку упоминания о монахинях и о богаделенных людях необходимо дифференцировать, но подобное разграничение осложняется тем фактом, что «милостыню» в понимании XVII в. могли получать и те, и другие. Это еще одна проблема изучения истории Моисеевского монастыря, которая сводится к вопросу о численности монахинь и богаделенных людей. Ее решение — дело будущих исторических исследований. Наша же задача — ее постановка.

Археологи утверждают, что Моисеевский монастырь «не принадлежал к числу самых богатых и чтимых женских обителей» и сами монахини, происходя из низших сословий, получали милостыню и призывались в богадельнях (Векслер, Беркович, 2000: 218–219). Если некоторым доводом в пользу первого суждения может являться отсутствие у монастыря земельных владений, на которое указывают авторы (правда, без ссылки на источник этих сведений), то утверждение о том, что монахини будто бы жили в богадельнях, вызывает вопросы. В расходной книге Патриаршего Казенного приказа за 1699 г. читаем: «208 году сентября в 11 день великий господин святейший кир Адриан, архиепископ Московский и всеа России и всех северных стран патриарх указал давать из домовья своея казны и Казенного приказу против дач прошлых лет и 207 году наибольшие 208 году московских богаделен нищим церковные милостыни Моисеевскаго монастыря: игуменье по четыре деньги, девяносто осьми старицам по две деньги, да мужеска полу Покровской богадельни сту человеку, Кировской богадельни осьмидесяти человеком, Кулижской богадельни вдовам и девкам сту человеком по две деньги человеку на день, заняла же игуменья рубль, а протчим всем по шеснатцать дати алтын по четыре деньги человеку, да на дрова Моисеевскаго монастыря на

пять келей по два рубли на келью (курсив мой. — В.О.)» (РГАДА. Ф. 235. Оп. 2. Д. 176. Л. 127). Делопроизводственные материалы Патриаршего дома, таким образом, содержат прямое указание на то, что монахини Моисеевской обители жили не в богадельнях, а в кельях. Более того, археологи сами установили, что «в 1690 г. в Моисеевском монастыре <...> было выстроено новое протяженное <...> каменное здание келий» (Векслер, Беркович, 2000: 219). А.Г. Векслер и В.А. Беркович отмечают, что это здание было сооружено на «старом богадельном месте» (Там же: 219). Однако сведений о том, где стало располагаться новое богадельное место после строительства этого здания, равно как и доводов в пользу умозаключения о том, что монахини якобы могли проживать в богадельнях, авторами не приведено и нами также не обнаружено.

Расходные книги Патриаршего Казенного приказа дают сведения о численном составе монахинь. Обращение к расходным книгам последних лет патриаршества Адриана показало, что это число равнялось 98 либо 99 вместе с игуменьей (РГАДА. Ф. 235. Оп. 2. Д. 165 Л. 131–143; Д. 176. Л. 127–140об.). К сожалению, формулировки, многократно дублируемые в тексте в силу назначения источника, порождают сложности для исследователей в том, чтобы четко провести различие между упоминаниями монахинь и богаделенных людей Моисеевской богадельни: «208 году октября в 5 день по указу святейшаго патриарха, каков записан выше сего, *московских богаделен нищим* (курсив мой. — В.О.) поденные милостыни нынешняго 208 году на месяц октябрь на тритцать на один день против дач прошлых лет и 207 году Моисеевского девичья монастыря игуменье по четыре деньги, да девяносто осми *старицам* (курсив мой. — В.О.) по две деньги на день, итого тритцать один рубль, Покровской богадельни старосте Ефиму Васильеву с товарищи сту человеком по две деньги <...>» (РГАДА. Ф. 235. Оп. 2. Д. 176: 129об.). Возникает парадоксальная ситуация: изначально речь идет о выдаче милостыни богаделенным людям, затем вместо богаделенных людей при церкви Моисея Боговидца упоминаются монахини (термин «старицы» сложно понимать иначе) в определенном количестве, на содержание которых была выдана определенная сумма денег, после чего речь идет уже о других богадельнях. Отсюда, вероятно, и отсутствие отчетливого разграничения монахинь и богаделенных людей в историографии, которая и сама по себе не отличается систематичностью. В частности, А.Е. Яновский указывает на то, что в Моисеевской богадельне призревалося 100 богадельников (Яновский, 1891: 142). Однако сведения, которые дают нам делопроизводственные материалы Патриаршего дома, позволяют сделать предварительный вывод лишь о том, что монахинь в Моисеевском монастыре в конце XVII в. было около 100. Вопрос же о численности богадельников остается открытым. Согласно археологическим данным, «большинство захороненных в XVII–XVIII вв. на кладбище Моисеевского монастыря составляли монахини <...> и стрельцы Стремянного полка, проживавшие в непосредственной близости от обители» (Векслер, Беркович, 2000: 219). В этой связи нельзя не брать в расчет гипотезу, что умерших богаделенных людей могли хоронить в другом месте, однако, где именно — открытый вопрос. Помимо этого, возможности археологов в ходе раскопок 1993–1995 гг. по выявлению сведений о захоронениях объективно были ограничены, поскольку их предшественники вели раскопки на той же территории при строительстве метро в середине 1930–х гг.

Возвращаясь к вопросу об информационных ресурсах расходных книг Патриаршего Казенного приказа, следует отметить, что в них можно отследить момент смены игуменей в монастыре, важный не только с фактической, но и с делопроизводственной и финансовой точки зрения. В частности, в расходной книге 1685 г. читаем записи такого характера: «Ноября в 5 день по указу святейшаго патриарха *московских багаделен нищим* поденные милостыни на нынешней месяц ноябрь на тритцать дней Моисеевского монастыря *игуменье Евгение да бывшей игуменье Таисие* (курсив мой. — В.О.) <...>

игуменьям по четыре деньги а прочим всем по две деньги человеку на день» (РГАДА. Ф. 235. Оп. 2. Д. 118. Л. 115об.). Бывшая игуменья в данном случае выступает одновременно как участник процедуры выдачи денег и как получатель суммы в два раза большей, нежели рядовая монахиня: вероятно, в вознаграждение за участие в решении организационных вопросов на этапе «передачи полномочий», причем во всех записях аналогичного содержания за 1685 г. бывшей игуменье стабильно выдается та же сумма (Там же. Л. 116–120).

Расходные книги Патриаршего Казенного приказа так же, как и археологический материал, оказываются весьма полезны при изучении архитектурно–градостроительных аспектов истории монастыря. Дело в том, что строительные мероприятия на территории монастыря финансировались Патриаршим двором, и, как следствие, находили отражение в текстах расходных книг, а именно в главах, связанных с богаделенным строением. Из текста расходной книги за 1696 г. выясняем, что в марте этого года в Моисеевском монастыре тяглицом Конюшенной слободы кузнецом Сенькой Королевым были заменены окна, на что Патриаршим домом было затрачено 8 рублей 5 алтын 2 деньги (РГАДА. Ф. 235. Оп. 2. Д. 165. Л. 317). Помимо этого, в тексте книги содержатся сведения о том, что в июне–июле 1696 г. оброчным крестьянином Ивашкой Семеновым в кельях Моисеевского монастыря была переложена одна печь и починено восемь других, на что в общей сумме было потрачено 6 рублей 4 деньги, причем запись дает подробную информацию и о закупленном сырье с ценой и количеством по каждой позиции, и о характере проделанной работы (Там же. Л. 319об.–320об.). В 1700 г. на монастырской территории появился новый колодец, новый мост, были построены новые погреба и заменены скамьи (Там же. Л. 313–315об.). Если отталкиваться от гипотезы археологов о том, что монастырь был небогат (Векслер, Беркович, 2000: 219), то можно предположить, что потребность в его подновлении как в 1696 г., так и в 1700 г. была ощутимой. Одной из причин тому были, возможно, пожары. Исследователям известно о пожарах 1671 г., 1709 г. и 1737 г. (Там же: 218–219), однако, этот перечень может быть расширен в ходе дальнейшей работы ученых с материалами по истории Моисеевского монастыря на рубеже XVII–XVIII вв., в частности, над делопроизводственными и актовыми материалами.

Подводя итог, необходимо охарактеризовать информационный потенциал расходных книг Патриаршего Казенного приказа применительно к истории Моисеевского монастыря в последней четверти XVII в. На основании сведений этих книг удалось обозначить две проблемы, связанные с историей монастыря: дата основания и численность монахинь и богаделенных людей при Моисеевской богадельне.

Расходные книги дают исследователям возможность, во-первых, предположить, каким мог быть численный состав монахинь, определить роль игумений (в том числе бывших) в экономической жизни монастыря, дать оценку разнице в социально–экономическом положении игумений и рядовых монахинь, во-вторых, выяснить, каковы были обстоятельства подновления построек и хозяйственных объектов монастыря, а также предположить, по каким причинам могло осуществляться его подновление.

Необходимо учитывать, что для изучения истории Моисеевского монастыря важны не только расходные книги Патриаршего Казенного приказа, но и источники различных типов и видов, которые выявлены к настоящему моменту и будут выявляться в дальнейшем. Иными словами, формирование источниковой базы для изучения этого сюжета должно осуществляться с позиций комплексного источниковедения.

Хочется надеяться, что исследования в данном русле будут продолжены, а Моисеевский монастырь в обозримом будущем как минимум войдет в справочную литературу и онлайн–справочники, как максимум — станет объектом фундаментального исследования по его истории.

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

- РГАДА. Ф. 235. Оп. 2. Д. 89.
РГАДА. Ф. 235. Оп. 2. Д. 118.
РГАДА. Ф. 235. Оп. 2. Д. 165.
РГАДА. Ф. 235. Оп. 2. Д. 176.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Векслер А.Г., Беркович В.А. Материалы археологических исследований некрополя Моисеевского монастыря на Манежной площади в Москве // Культура средневековой Москвы: XVII век. М., 2000. С. 181–225.
- Векслер А.Г., Пирогов В.Ю. Археологические исследования некрополей утраченных московских монастырей: Георгиевского, Моисеевского, Златоустовского // Вторая ежегодная конференция «Археология и общество. Археология исторических монастырских некрополей: методика, открытия, проблемы восстановления. М., 2015. С. 55–64.
- Векслер А.Г. Уникальные раскопки // Архитектура и строительство Москвы. М., 1995. № 6. С. 28–31.
- Все православные монастыри России и мира // Народный каталог православной архитектуры. Церкви и монастыри России и мира. URL: <https://sobory.ru/monasteries> (Дата обращения: 05.10.2021).
- Забелин И.Е. Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы. Часть первая. М., 1884. 1384 с.
- Забелин И.Е. Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы. Часть вторая. М., 1891. 1608. с.
- Паламарчук П.Г. Сорок сороков. Кремль и монастыри. 2 изд. М., 1992. Т. 1. 416 с.
- Паламарчук П.Г. Сорок сороков. Москва в границах Садового кольца: Китай-город, Белый город, Земляной город, Замоскворечье. 2 изд. М., 1994. Т. 2. 646 с.
- Снегирев И.М. Московские нищие в XVII столетии. М., 1852. 16 с.
- Список монастырей России // Храмы России. URL: <http://temples.ru/monastery.php> (Дата обращения: 05.10.2021).
- Тарабрин И.М. Застройка по трассе метро от ул. Горького до ул. Фрунзе с XV по XX в. // По трассе первой очереди Московского метрополитена имени Л.М. Кагановича. Л., 1936. С. 37–45.
- Устинова И.А. Делопроизводственные документы Патриарших приказов 1–й половины XVII века: Расходная книга 1640/41 года // Вестник церковной истории М., 2013. № 01/02 (29/30). С. 5–97.
- Шимко И.И. Патриарший Казенный приказ. Его внешняя история, устройство и деятельность // Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. Кн. 9. М., 1894. 361 с.
- Яновский А.Е. Богадельня // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 4. Битбург — Босха. СПб., 1891. С. 141–143.

ПОМИНАНИЯ РОДОВ ВСЕРОССИЙСКИХ МИТРОПОЛИТОВ XVI ВЕКА В СИНОДИКЕ МОСКОВСКОГО НОВИНСКОГО МОНАСТЫРЯ

О происхождении митрополитов всея Руси XVI в. известно немного. Как правило, ранние годы жизни будущих владык, включая сведения об именах и социальном статусе их родителей, слабо освещены в источниках. В этом отношении важное значение играют монастырские и храмовые синодики, в редчайших случаях сохранившие поминальные списки «рода» того или иного святителя¹. Большой потенциал таких записей показала публикация архим. Макарием (Веретенниковым) «родовых» помянников Всероссийских митрополитов Геронтия, Симона, Макария, Кирилла и Антония из синодика Успенского собора Московского Кремля (по списку ГИМ, Усп., № 64) (Макарий, 1998: 76–77). Подобные, несколько более полные, записи выявлены мной в синодике подмосковного Новинского Введенского Богородицкого монастыря.

Новинский монастырь принадлежал к числу домовых митрополичьих монастырей. Он был основан близ устья р. Пресни по указанию митрополита Фотия (1408–1431), желавшего иметь собственное богомолье (Снегирев, 1852: 46–48; Веселовский, 1947: 439–440)². На протяжении XV–XVII вв. Новинский монастырь являлся наиболее значимой домовой обителью Всероссийских владык и владел обширными землями³. Монастырь выполнял функцию главной загородной резиденции предстоятелей Русской церкви: именно в нём жили после московских пожаров 1547 и 1626 гг. митрополит Макарий (ПСРЛ, 1965: 52; ПСРЛ, 1978: 30) и патриарх Филарет (Дворцовые разряды, 1850: 824). Интересующий нас синодик Новинской обители был кратко описан в середине XIX столетия Н.М. Снегиревым, особо отметившим его среди других немногочисленных рукописей монастырского собрания (Снегирев, 1852: 56–59)⁴. В настоящее время этот синодик хранится в собрании Московской духовной академии Научно-исследовательского отдела рукописей Российской государственной библиотеки (РГБ. Ф. 173/IV. Собр. МДА проч. № 96).

Новинский синодик представляет собой рукопись *in folio*, на 101+I лл. История создания кодекса изложена в тексте выходной записи, помещенной на лл. 1–1 об., и достойна быть воспроизведенной целиком:

«В лѣта от Сотворения мира 7154 году⁵ // написася сия д(у)шеспасител(ь)ная книга, г(лагол)емая сенодик при игумену Варсонофию и велия ради ветхости переписана в сию книгу». И далее, с небольшим отступом: «В лѣта от Сотворения мира 7224, от Р(о)жества Хр(и)ст(о)ва 1716 году⁶ декемвриа м(е)с(я)ца 10 дня переписана кн(и)га сия

¹ Ошибочно полагать, будто «в синодик вносились только члены одного рода», тогда как «лица, не связанные узами родства, в составе рода не поминались» (Авдеев, 2006: 77). На практике в состав синодического «рода» могли входить не только кровные родственники, но и свойственники, слуги, а также лица, состоящие друг с другом в духовном родстве (монастырские наставники, крестные, крестники, духовные отцы и дети и т.п.). Подробно этот вопрос был рассмотрен мной на примере синодиков Кирилло-Белозерского монастыря в докладе, озвученном на заседании Отдела древнерусской литературы ИРЛИ РАН (Пушкинского Дома) 30 октября 2019 г. Текст доклада не опубликован.

² О монастыре и его статусе в XV–XVII вв. см. также: Шокарев, 2014: 317.

³ Обзор земель: Снегирев, 1852: 48–49; Веселовский, 1947: 451–452. Отдельные упоминания о земельных сделках: Веселовский, 1947: 84, 247, 249, 356, 358–360, 384, 432–433, 446, 449, 454.

⁴ Другие упоминания в научной литературе: Бодэ-Колычев, 1886: 430; Кузьмин, 2014: 235, примеч. 202.

⁵ В рукописи славянской цифирью: 7154 (ѢЗРНД), внизу приписано теми же чернилами, арабской цифирью, ошибочно: «7254 году».

⁶ Слово приписано на правом поле другими чернилами.

во обитель Пр(е)с(вя)тыя Вл(а)д(ы)ч(и)цы н(а)шея Б(огоро)д(и)цы и присно Д(е)вы Марии ч(е)стнаго ея Введения, во обитель нарицаемую Новинскую, по бл(а)гословению тоя жь ч(е)стныя обители пр(е)ч(е)с(т)наго о(т)ца игумена Сильвестра писцемъ многогрѣшнымъ Григориемъ Авраамовымъ 1716 году декабря дня 14».

Таким образом, дошедший до нас список 1716 г. является по меньшей мере третьим вариантом Новинского синодика. Его непосредственный протограф был списан в 1645/46 г. с очень ветхого кодекса, время создания которого, по всей видимости, относится к рубежу XVI–XVII столетий¹.

Поминание «родов» Всероссийских митрополитов помещено на лл. 43–44 об. рукописи. В него включены синодичные «памяти» шести владык: Симона (1495–1511), Макария (1542–1563), Афанасия (1564–1566), Филиппа (1566–1568), Кирилла (1568–1572) и Антония (1572–1581).

Можно полагать, что помимо гипотетического синодика рубежа XVI–XVII вв. в Новинском монастыре существовал и более древний помянник, относящийся ко времени правления царя Ивана IV Грозного. Об этом свидетельствует несомненное текстологическое сходство поминаний митрополичьих «родов» Новинского синодика с упомянутыми выше записями синодика кремлевского Успенского собора XVI в.

Синодик Новинского монастыря существенно дополняет наши знания о происхождении, родственных и социальных связях митрополитов всея Руси.

Рассмотрим интересующие нас росписи по порядку.

I. «Род» митрополита Симона Новинского синодика (22 имени) практически дословно совпадает с помещенным в Успенском соборном синодике. Последний оказывается даже несколько исправнее, поскольку содержит дополнительное имя — Агриппина (20-е место в перечне)². Родители Симона, инок Андроник и инокиня Дарья, записаны на пятой и шестой позициях поминального списка³. Идентификация прочих имен затруднена.

II. «Род» митрополита Макария в Новинском синодике (22 имени) имеет следующие отличия против Успенского синодика⁴: в нём дополнительно указаны три имени (Карп, Устиния и, повторно, инок Селиван), младенец «Акинд» верно показан Иоакимом⁵. Этот синодичный перечень можно прокомментировать несколько подробнее. Так, на пятой и седьмой позициях списка читаются имена родителей митрополита, Леонтия и инокини Ефросиньи. Они были известны еще А.В. Горскому и К.И. Невоструеву по упоминанию во вкладной записи 1560 г. на Четвероевангелии, данном Макарием причту Иоанно-Богословской церкви с. Голенищево (Горский, Невоструев, 1855: 280)⁶. На 16-м месте в списке указан архимандрит Московского Симонова Успенского монастыря Кассиан (1508–1514), племянник Иосифа Волоцкого и возможный

¹ В поминальной рубрике Константинопольских патриархов названы два имени: Иеремия и Матфей. Очевидно, имеются в виду Иеремия II и Матфей II, возглавлявшие патриаршую кафедру в конце XVI — начале XVII в. и скончавшиеся в 1595 и 1603 гг. соответственно.

² Ср.: Макарий, 1998: 76.

³ Их имена указаны архим. Макарием (Веретенниковым) со ссылкой на синодик Успенского собора XVI в. по списку ГИМ, Усп., № 4 (Макарий, 2016: 895).

⁴ Атрибуция представленных в Успенском синодике имен предложена Макарием (Веретенниковым). Выводы историка небесспорны, поскольку основаны на допущении, что начало синодичного списка включает имена одних лишь кровных родственников митрополита (Макарий, 1996: 124).

⁵ Ср.: Макарий, 1998: 77.

⁶ Те же имена в синодиках Троице-Сергиева монастыря XVI в. (в синодике 1575 г. записаны под 7071 (1562/63) г.), с киноварной пометой «Митрополита Макария всея Руси отец, мати его» (РГБ. Ф. 304/III. Тр.-Серг. № 25. Л. 85 об.; РГБ. Ф. 304/I. Тр.-Серг. № 40. Л. 20 об.). В синодике Соловецкого монастыря по списку ГИМ, Епарх., № 944 в «роде» Макария указаны только его родители, Леонтий и инокиня Ефросинья (Макарий, 2003: примеч. 20).

дальний родственник митрополита Макария¹. Точно определить, кто скрывается под именем «игумена Васьяна» (15-е место) не удастся. В рассматриваемый период игумены с таким именем действовали в Московском Новинском (1524), Селижаровом Троицком (1534), Кирилловском Новоезерском (1541–1544), Никитском Переславском (1558) и Кирилловском Белозерском (1561–1563) монастырях². Последний из указанных настоятелей, Вассиан Кирилловский, представляется фигурой наиболее подходящей. Митрополит Макарий поддерживал с обителью на Белом озере тесную связь: при игумене Афанасии (1539–1551) он дал монастырю большой вклад в 150 рублей, его «род» записан в монастырский синодик (Алексеев, 2010: 30; Шаблова, 2012: 151)³. В 1555 г. Макарий возвел игумена Кириллова Белозерского монастыря Симеона на Смоленскую кафедру (ПСРЛ, 1965: 236); позднее имя Симеона на страницах Кирилловского синодика было включено в состав «рода» Макария (Шаблова, 2012: 151). Кирилловский игумен Вассиан приходился духовным отцом удельной княгине Ефросинье Старицкой; он постриг княгиню на московском подворье Кириллова монастыря 5 августа 1563 г. по приказу царя Ивана Грозного (ПСРЛ, 1965: 322)⁴. Незадолго до того Макарий ходатайствовал перед Иваном IV о прощении опальных Старицких князей (ПСРЛ, 1965: 321–322) и, по всей видимости, живо интересовался их судьбой⁵. Не было ли активное заступничество митрополита обусловлено его контактами с духовным наставником Старицкого семейства, игуменом Вассианом Кирилловским?⁶

Особый интерес представляют поминальные росписи «родов» митрополитов Афанасия и Филиппа, отсутствующие в опубликованной выдержке синодика Успенского собора Московского Кремля.

III. «Род» митрополита Афанасия представлен тремя именами. На второй и третьей позициях, очевидно, записаны его родители, Ульяния и диакон Владимир. Это свидетельство синодика существенно расширяет наше представление о происхождении Всероссийского владыки.

О ранних годах жизни Афанасия, в миру Андрея, сохранились лишь отрывочные данные. Из составленных Андреем-Афанасием Жития Даниила Переславского и Степенной книги известно, что до перевода в Москву и возведения в должность протопопа Благовещенского собора Московского Кремля по крайней мере с 1530 г. он был клириком «великой» церкви Переслава (Житие, 1908: 51–52; Степенная, 2008: 336). Выявление во вкладной книге Троице-Сергиева монастыря денежной «дачи» Андрея по душе старца Вассиана Айгустова позволило А.С. Усачеву заключить, что к лету 1547 г. он

¹ О поминании Кассиана в синодике Успенского собора в составе «рода» Макария см.: Макарий, 1996: 125–127. В 1530 г. Макарий и Кассиан были восприемниками при крещении княжича Ивана Васильевича, будущего царя Ивана IV Грозного (ПСРЛ, 1904: 48), комментарий см.: Усачев, 2012: 21; Макарий, 2016: 1109.

² Извлечено из списков П.М. Строева (Строев, 1877). Время настоятельства Вассиана Белозерского уточнено Н.К. Никольским (Никольский, 2006: 118).

³ Помимо Макария, вкладчиком Кириллова Белозерского монастыря был только один митрополит XVI в. — Иоасаф, сосланный на Белоозеро в годы «боярского правления» и пожертвовавший в монастырскую казну более 200 рублей (Алексеев, 2010: 29–30, 61; Шаблова, 2012: 151). Подробнее см.: Макарий, 2016: 1015.

⁴ Показание летописи скорректировано Р.Г. Скрынниковым (Скрынников, 1992: 161). О значительных вкладах постриженной княгини в Кириллов Белозерский монастырь см.: Дмитриева, Сазонова, 2020: 11–12.

⁵ В отрывке краткого летописца, ведшегося, как я полагаю, в макариевском окружении незадолго до введения опричнины, особое внимание уделено личному конфликту Владимира Старицкого и Ивана IV, а также опале князя и связанных с ним лиц (Белов, 2021b: 68–70, 81).

⁶ Согласно официальной летописи, летом 1563 г. за Старицких печаловался не только Макарий, но и «владыки и освященный собор» (ПСРЛ, 1965: 321). Вассиан Кирилловский в это время находился в Москве и должен был принять участие в коллективном ходатайстве, а также, полагаю, будучи духовником опальных, неоднократно общался с Макарием.

стал протопопом переславского кафедрального Спасо-Преображенского собора (Усачев, 2020: 34).

Свидетельство еще одного источника затрагивает раннюю биографию Андрея-Афанасия в незначительной мере. Морозовский летописец 1750–60-х гг. в статье об избрании Андрея-Афанасия на митрополичью кафедру сообщает, что тот был «родом переславец» (РНБ. F.IV.228. Л. 68 об.)¹. Первым отметил это известие Н.М. Карамзин (Карамзин, 1821: 31, примеч. 95). Позднее независимо от Карамзина его воспроизвел П.Г. Васенко (Васенко, 1904: 211, примеч. 1). Обращение к истории текста Морозовского летописца показывает, что приведенная в нём формулировка является плодом редакторской деятельности его составителя. В протографичном ему Беляевском летописце 2-й четверти XVII в., восходящем к троицкому своду конца XVI в., говорится, что Андрей «в мире был <...> переславец»², то есть прибыл в Москву из Переславля³.

Наконец, в научной литературе неоднократно приводилось свидетельство князя Андрея Курбского, будто бы упоминавшего будущего митрополита под именем «презвитера Андрея Протопопова». Я.Г. Солодкин полагал, что Курбский назвал «фамилию Андрея» (Солодкин, 1998: 52, примеч. 78). Макарий (Веретенников) заключил, что показание Курбского «позволяет предположить, что он (Андрей. — Н.Б.) родился в семье переславского протопопа и, таким образом, был потомственным священнослужителем» (Макарий, 2016: 1108). Исследователи опирались на издание «Истории» Курбского, подготовленное А.А. Цехановичем (в 1986 г. для «Памятников литературы Древней Руси», в 2001 г. для «Библиотеки литературы Древней Руси») по рукописи Погодинского собрания № 1494 без подведения разночтений. Погодинский список весьма поздний: его создание относится к 1706–1719 гг. (Ерусалимский, 2009: 593). Новейшая публикация сочинения Курбского, выполненная по более ранним и исправным спискам дает чтение архетипа: «презвитер Андрей протопоп» (Андрей Курбский, 2015: 68)⁴.

Тем не менее, даже если не принимать в расчет искаженную запись некоторых списков «Истории» Курбского, косвенные свидетельства о происхождении Андрея-Афанасия из среды переславского белого духовенства вполне соотносятся с данными синодика Новинского монастыря. Великолепно образованный, тесно связанный с местными церковниками и вотчинниками (Усачев, 2020: 38–39), Андрей вполне мог быть сыном переславского диакона Владимира. Именно рождение Андрея в семье клирика, в таком случае, заложило начальный фундамент его дальнейшего карьерного взлета.

Вернемся к первому из названных в списке «рода» митрополита Афанасия лиц — игумену Иоакиму. Чрезвычайная краткость синодичного перечня подсказывает, что в него занесены имена наиболее близких Афанасию людей. Зачастую на первом месте в поминальном списке инок помещался его духовный отец или же лицо, руководившее монашеским постригом, главным образом настоятель монастыря⁵. Кем же был игумен

¹ Также упомянуто в статье: Солодкин, 1993: 248.

² См. в двух списках Беляевского летописца (РГБ. Ф. 29. Бел. № 4. Л. 112; РНБ. Погод. № 1408. Л. 116). Запись троицкого свода указана Я.Г. Солодкиным по списку РГБ, ф. 236, собр. А.Н. Попова, № 31 (Солодкин, 1997: 28; Солодкин, 1998: 52).

³ Помимо Морозовского летописца, известие о происхождении Андрея-Афанасия из Переславля читается и в других поздних переработках Беляевского летописца. В Костровском летописце начала XVIII в.: «а рождение его города Переславля» (РГБ. Ф. 310. Унд. № 1110. Л. 219 об.; РГБ. Ф. 310. Унд. № 764. Л. 206). В краткой редакции Беляевского летописца 3-й четверти XVIII в.: «бысть же родом переславец» (РГБ. Ф. 29. Бел. № 23. Л. 310 об.). Рукописная традиция и взаимное отношение этих летописных памятников рассмотрены в статье: Белов, Микитчук, 2021.

⁴ Та же ошибка — в изданиях Н.Г. Устрялова (1833) и Г.З. Кунцевича (1914). Заимствование этой ошибки в научной литературе см., напр.: Зимин, 1963: 279; Зимин, 1964b: 239; Буганов, Богданов, 1991: 92; Скрынников, 2000: 272. У А.Л. Хорошкевич ошибочно: «Андрей Пресвитеров» (Хорошкевич, 2003: 396, 402).

⁵ См., например, случай с «родом» митрополита Антония (Макарий, 2006: 146–148).

Иоаким? Он не мог быть духовным наставником Андрея-Афанасия, поскольку таким человеком являлся св. Даниил Переславский (ПСРЛ, 1965: 194). Просмотр игуменских списков, составленных П.М. Строевым, показал, что в период активной деятельности Андрея-Афанасия в игуменском достоинстве пребывало небольшое число Иоакимов. Если отвести настоятелей мелких провинциальных монастырей, тесное общение Андрея-Афанасия с которыми было едва ли возможным, останется только одна кандидатура — Иоаким, первый игумен Казанского Зилантова Успенского монастыря (Строев, 1877: 296). Наиболее раннее свидетельство об игуменстве Иоакима в Казани относится к 1560 г. (Ермолаев, 1980: 15, № 62). Какие-либо его контакты с Андреем-Афанасием неизвестны. Представляется, что казанский настоятель вовсе не тот человек, что записан в синодичной «памяти» Всероссийского митрополита. Андрей принял постриг в Чудовом монастыре Московского Кремля. Что нам известно об обстоятельствах этого пострига? О его времени сообщается в Псковской 3-й летописи: «как постригся два лета ему прошло в чернечестве до митрополитства» (Псковские летописи, 1955: 245). Избрание Афанасия на митрополичью кафедру произошло 26 февраля, а хиротония — 5 марта 1564 г. (ПСРЛ, 1906: 380). Стало быть, принятие Андреем монашества следует отнести ко времени не позднее февраля 1562 г.¹ В этот период в Москве достоверно находился один игумен Иоаким. Полтора годами ранее, 6 ноября 1560 г., в столицу Российского государства прибыла делегация греческих монахов: «из святыя горы Афонския из Рускаго монастыря святаго и великаго мученика Пантелеймона игумен Иоаким» в сопровождении 13-ти старцев и клириков (Сказание, 1882: 5)². Иоаким был принят митрополитом Макарием. Позднее, очевидно, при помощи владычных книжников и по запросу митрополита Иоаким составил пространное «Сказание» об Афонских монастырях (Сказание, 1882: 6)³. Греки пробыли в Москве «два года без дву месяц», то есть до начала сентября 1562 г. (Сказание, 1882: 6). По своему статусу игумен Русского Пантелеймонова монастыря Иоаким, тесно сотрудничавший с Макарием и, скорее всего, с писцами Чудова монастыря, вполне мог совершить обряд пострига над близким к Макарию благовещенским протопопом Андреем в стенах кремлевской обители⁴.

Осталось сравнить рассмотренную выше запись синодика Новинского монастыря с поминальными списками «рода» митрополита Афанасия в синодиках Троице-Сергиева монастыря⁵. Древнейший пергаменный Троицкий синодик 1575 г. содержит поминание «рода протопопа Андрея Благовещенского»: 11 имен, среди которых упоминаются известные по Новинскому синодику Ульяния и игумен Иоаким (РГБ. Ф. 304/III. Тр.-Серг. № 25. Л. 83). Эта запись помещена в рубрике за 7069 (1560/61) г., что очень близко ко времени пострига Андрея. Не исключено, что синодичная запись связана с каким-то вкладом Андрея в монастырь Св. Троицы, совершенным незадолго до принятия иноческого чина⁶. Иной поминальный список «рода преосвященного Афанасия митрополита» читается в Троицком синодике 1580-х гг. Он вписан в текст синодика

¹ Последнее известное мне упоминание Андрея на посту протопопа кремлевского Благовещенского собора — оглашение им ко крещению царицы Марии 6 июля 1561 г. (ПСРЛ, 1906: 333).

² Вступление к Сказанию изложено в Мазуринском летописце (ПСРЛ, 1968: 137) и родственном ему летописном памятнике (Буланин, 2012: 571, примеч. 274).

³ См. об этом памятнике: Буланин, 1989: 389–390; Буланин, 2012: 570–571.

⁴ Афонских монахов неоднократно привлекали к участию в важных церковно-государственных делах, явно признавая за ними определенный духовный авторитет. Так, например, в феврале 1555 г. «старцы Святыя горы Хиландаря монастыря» присутствовали на поставлении первого казанского архиепископа Гурия (ПСРЛ, 1904: 251). Об отношении к Афону в России XVI в. см., напр.: Буланин, 2012: 573–576.

⁵ Их тексты воспроизведены в Приложении к настоящей статье. Другие поминальные записи «рода» Афанасия мне неизвестны. В синодике Чудова монастыря «род» Афанасия включает лишь имя самого митрополита (Алексеев, 2019: 60). Таким же способом в Чудовском помяннике указан и «род» Макария (Алексеев, 2019: 66).

⁶ В монастырской вкладной книге эта «дача» не обнаруживается.

чернилами, отличными от основных, и содержит 48 имен: 31 мирянина (17 мужчин, 14 женщин), 10 детей, пятерых монашествующих и двоих иереев (РГБ. Ф. 304/1. Тр.-Серг. № 40. Л. 6 об.). Этот список не имеет каких-либо пересечений ни с Троицким 1575 г., ни с Новинским — в них указаны совершенно разные лица (исключение составляет лишь Ульяния, предположительно бывшая матерью митрополита: ее имя упомянуто во всех трех синодичных перечнях). Можно допустить, что в стенах своего личного богомолья, Новинского монастыря, Афанасий поминал наиболее важных для себя людей: отца, мать и, как я полагаю, лицо, совершившее его постриг. В Троицкой же обители, в ту пору игравшей роль главного официального «государева богомольца», благовещенский протопоп, позднее митрополит, установил память по своим духовным чадам и, возможно, некоторым кровным родичам¹.

IV. «Род» митрополита Филиппа (Колычева) содержит имена пятерых его ближайших родственников: отца Степана Ивановича, матери Варвары (в иночестве Варсонофии) и младших братьев Прокопия, Якова и Бориса². Сходные записи известны и по другим синодикам³.

V. Состав «рода» митрополита Кирилла совершенно не поддается «дешифровке». Происхождение иерарха и имена его родителей достоверно неизвестны. Макарий (Веретенников) обратил внимание на запись во вкладной книге Троице-Сергиева монастыря о «даче» Кирилла по душе своей матери, «княгини Ксенье» (Вкладная, 1987: 37). Историк предположил, что «митрополит Кирилл происходил из княжеского рода» (Макарий, 2016: 1174)⁴. Публикатор синодика Коневского Богородицкого Рождественского монастыря А.В. Маштафаров заметил, что поминаемые в нём члены «рода» Кирилла не имеют княжеского титула, а потому княгиня Ксения скорее могла быть не родной, а крестной матерью митрополита (Маштафаров, 2014: 13, примеч. 20)⁵. Имя княгини Ксении, а также какие-либо упоминания о членах княжеских семейств отсутствуют и в других известных поминальных росписях «рода» Кирилла в составе синодиков Успенского собора (Макарий, 1998: 77), Александро-Свирского⁶ и Новинского монастырей.

Личность княгини Ксении надежно устанавливается при обращении к вкладной книге и синодику Троице-Сергиева монастыря. «Дача» митрополита Кирилла «по матери своей княгине Ксенье» состоялась 10 июня 1571 г. (Вкладная, 1987: 37). В этот же день князь Василий Юрьевич Голицын Булгаков «дал вкладу <...> по матери своей кня-

---

¹ Подобные «смешанные» поминания достоверно известны из поминальных записей других кремлевских клириков. Так, например, преемник Андрея-Афанасия на посту протопопа придворного Благовещенского собора, «опричный» духовник Ивана Грозного Евстафий, по данным вечно синодика Кирилло-Белозерского монастыря 1615 г., включил в свою родовую «память» боярина князя П.И. Горенского, по видимому, бывшего его духовным сыном и казненного при учреждении опричнины — в свете известного «угодничества» Евстафия перед царем факт удивительный и еще требующий осмысления (РНБ. Кир.-Бел. № 759/1016. Л. 297).

² См. о них: Зимин, 1964а: 67, 68–69. Мирское и монашеское имя матери указано в Житии Филиппа (Лобакова, 2006: 206).

³ В синодике Соловецкого монастыря список «рода» Филиппа несколько иной: «Стефана. Иноки Варсонофии. Бориса. Иванна. Андрея. Захария» (БАН. Арханг. Д. 392. Л. 12). Записи других Соловецких синодиков см.: Боде-Колычев, 1886: 430.

⁴ Гипотеза поддержана рядом исследователей (Шапошник, 2006: 309; Курукин, Булычев, 2010: 252).

⁵ Наличие в «роде» Кирилла имен священников, диаконов и младенцев позволило А.В. Маштафарову полагать, что митрополит происходил, возможно, из белого духовенства, а сам синодичный перечень свидетельствует «о семейном характере поминания» (Маштафаров, 2014: 13, примеч. 20). Однако отделить кровных родственников митрополита от его духовной родни, основываясь только на тексте «родового» помянника, невозможно.

⁶ В этот синодик «род» Кирилла был записан еще до его возведения на митрополичью кафедру, под кинноварным заголовком «Род архимарита троицкого Кирилла с Москвы»: «Инока Матфея. Анастасею утоп(шую). Евдокию. Архимарита [*зачеркнуто, сверху другими чернилами* — митрополита] Кирилла» (БАН. Ал.-Свирск. № 55. Л. 300 об.).

гине Ксении» (Вкладная, 1987: 135). В Троицком синодике под 7079 (1571) г. записана лишь одна княгиня Ксения, с киноварной пометой «Булгакова» (РГБ. Ф. 304/Ш. Тр.-Серг. № 25. Л. 96). Эта Ксения — жена влиятельного боярина князя Ю.М. Голицына Булгакова († 1562)¹. Даты вкладов по ее душе и помещенный рядом синодичный перечень «скончавшихся от царя Де[влет-Кирея]» наводят на мысль о гибели княгини Ксении Булгаковой при сожжении Москвы крымскими татарами 24 мая 1571 г. Ее имя действительно обнаруживается среди жертв московского пожара. Пискаревский летописец 1610-х гг. сообщает, что раненый в ходе сражения за столичный посад командующий русской армией князь И.Д. Бельский «приехал з дела к себе на двор побывати да вошел в погреб к сестре своей к Васильевой жене Юрьевича, и тамо и задохся со всеми тут, да кнегиня Аксения Ивановна, князя Юрьева кнегини Михайловича Галицына» (ПСРЛ, 1978: 191)². Итак, Ксения Булгакова задохнулась в погребе на дворе князя И.Д. Бельского 24 мая 1571 г. Муж Ксении, упомянутый прежде князь Ю.М. Голицын Булгаков, родился где-то на рубеже XV–XVI вв. — его наиболее ранняя служба в чине рынды отмечена под 1522 г. (Разрядная книга, 1966: 68). Юрий Михайлович имел большой политический вес в годы «боярского правления» и при дворе молодого Ивана IV³. Если княгиня Ксения приходилась крестной матерью митрополиту Кириллу (о чем прямо сообщается в записи Троицкой вкладной книги), то приходится признать, что будущий владыка появился на свет едва ли ранее 1520-х гг. Как именно родители Кирилла были связаны с двором князей Голицыных Булгаковых — сказать трудно. Так или иначе, тесная связь Кирилла с кланом князей Булгаковых, а через них, вероятно, и с их свойственником, вторым земским боярином князем И.Ф. Мстиславским⁴, должна была оказывать определенное влияние на политический расклад при дворе Ивана IV в последние годы опричнины. Не эта ли связь с благонадежной в глазах царя княжеской «группировкой» Бельских-Мстиславских-Голицыных⁵ позволила троицкому архимандриту Кириллу занять митрополичий престол?⁶

Во всех четырех синодиках, содержащих поминания «рода» митрополита Кирилла — Успенском, Новинском, Коневском и Александро-Свирском — перечни поминаемых лиц не совпадают, определенная близость обнаруживается лишь в списках Коневского и Новинского помянников. Возможно, они охватывают различные группы близких Кириллу людей, как кровных родственников, так и духовных наставников и детей⁷. Существует предположение об игуменстве Кирилла в Новинском монастыре до

¹ Вклад по нему 28 июля 1562 г. (Вкладная, 1987: 135). В синодике записан под 7070 (1562) г. (РГБ. Ф. 304/Ш. Тр.-Серг. № 25. Л. 85).

² Я.Г. Солодкин полагает, что это известие Пискаревского летописца может восходить к несохранившимся частным летописным записям из окружения князей Голицыных (Солодкин, 2002: 85–88).

³ См. о нём, напр.: Белов, 2021а: 30.

⁴ Старший сын князя Ю.М. Голицына Булгакова Иван женат на дочери кн. И.Ф. Мстиславского Ирине, в иночестве Александре (РГБ. Ф. 304/Л. Тр.-Серг. № 818. Л. 96; Вкладная и кормовая, 2006: 88, 122, примеч. 388).

⁵ Князей И.Д. Бельского и И.Ф. Мстиславского, по свидетельству немца-опричника А. Шлихтинга, Иван IV называл «столпами» Московского царства (Шлихтинг, 1934: 23; Володихин, 2014: с. 110–111); после гибели Ивана Бельского в московском пожаре 24 мая 1571 г. царь делал огромные вклады по его душе и душам его родичей (Белов, 2018: 50–52). Свойственники Мстиславского, братья князя И.Ю. и В.Ю. Голицыны, в отличие от своих ближайших родственников, князей Куракиных, не только не пострадали в опричнину, но и смогли сделать успешную воеводскую карьеру (Подчасов, 2018: 70–72, 160–168). Княжеский клан Булгаковых-Щенятевых издавна поддерживал союз с князьями Бельскими (Белов, 2021а: 30).

⁶ О дискутируемых в историографии причинах избрания Кирилла на митрополичью кафедру см.: Шапошник, 2006: 309–310.

⁷ В списке Успенского синодика «род» Кирилла начинается с имени его предшественника на посту настоятеля Троице-Сергиева монастыря, архимандрита Меркурия (1564–1566) (Макарий, 1998: 77; Макарий, 2016: 1174, примеч. 9).

поставления его в 1566 г. архимандритом Троице-Сергиева монастыря (Макарий, 2016: 1174). Митрополит Кирилл похоронен в стенах Новинского монастыря (РГБ. Ф. 173/І. МДА фонд. № 39. Л. 189)¹. Макарий (Веретенников) допускает, что «перед своей кончиной он оставил митрополичий престол и ушел на покой в место своего монашеского пострижения, где скончался и был погребен» (Макарий, 2016: 1183).

VI. Завершает рубрику митрополичьих «родов» Новинского синодика поминальный перечень «рода» митрополита Антония (70 имен). Первые 15 имен совпадают с помещенными в Успенском синодике, после чего тексты двух помянников расходятся. Следует ли говорить о механической ошибке одного из переписчиков синодика Новинского монастыря, или перед нами два различных, однако же подлинных поминальных списка — в настоящее время сказать затруднительно. Обратимся к начальной части «рода» митрополита Антония. Аналогичный ему перечень по списку синодика Успенского собора подробно рассмотрен Макарием (Веретенниковым). Историк справедливо полагает, что первым записан епископ Сарский и Подонский Галактион, скорее всего постригший Кирилла в стенах Новоспасского монастыря и духовно окормлявший его в первые годы монашеского служения. Последующие имена, по весьма убедительному (хотя и небесспорному) предположению Макария (Веретенникова), принадлежат членам семьи Антония: дедам инокам Евфимию и Герасиму, отцу иноку Серапиону, сыну иноку Вассиану, бабкам инокиням Марфе и Евдокии, матери инокине Евпраксии и жене инокине Акилине (Макарий, 2006: 146–149).

На примере рассмотренных синодичных росписей «родов» Всероссийских митрополитов хорошо видно, сколь многообразными были практики церковной коммеморации эпохи Московской Руси. Каждый из владык подходил к организации заупокойного поминания в стенах Новинского монастыря особым образом. Это могло быть поминание только близких кровных родственников (митр. Филипп), родителей и совершителя пострига (митр. Афанасий), широкого круга родни и духовного наставника (митр. Антоний), кровных и духовных родичей (предположительно, митр. Макарий и Кирилл). На территории своих резиденций — в Успенском соборе и Новинском монастыре — митрополиты стремились к унификации поминания своего «рода», о чем свидетельствует текстуальная близость владычных помянников в Успенском и Новинском синодиках. Подобная унификация синодичных списков не распространялась на другие монастыри, что предоставляло митрополитам широкую вариативность в выстраивании собственных коммеморативных стратегий.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Тексты приведены в упрощенной орфографии, ъ заменена на «кс», диграф «оу» на «у». Киноварный текст передан полужирным шрифтом, фигурные инициалы подчеркнуты, выносные буквы курсивом. Восстановленные буквы заключены в круглые скобки.

№ 1. Из синодика Новинского монастыря 1716 г.
(РГБ. Ф. 173/IV. № 96)

(л. 43) **Род Симона митрополита всеа Русии**

Инока Мисаила. **И**нока Власия. **Е**лену. **Е**лену. **И**нока Андронника. **И**ноку Дарию. **С**(вя)щенноиерея **И**ванна. **С**(вя)щенноиерея **Ф**омы. **Ф**еодора. **Е**фрема. **А**вксентия.

¹ Отмечено в описании рукописи (Леонид, 1887: 117).

Корнилия. Инок Анну. Елиазара. Игнатия. Ирину. Ульянѣю. Феодосию. Матрону. Акилину. Андрея. Афонасия.

Род Макария митрополита всея Руси

Иванна. Ульянѣю. Петра. Зиновию. Леонтия. Карпа. Инок Ефросинию. Инок Наталию. Инока Акакия. Ульянѣю. Евдокѣю. Устинию. Иоакимфа млад(енца). Инока Иоасафа. Игумена Васьяна. Архиморита Касияна. С(вя)щенноиерея Игнатия. Марию. Инока Селивана. Инока Макария. Инока Селивана. Марию¹.

// (л. 43 об.) **Род Афонасия митрополита**

Игумена Иоакима. Ульянѣю. Диякона Владимера.

Род Филиппа Митрополита

Стефана. Инок Варсунофию. Прокопия. Иякова. Бориса.

Род Кирилла митрополита

Инока Геронтия. Инока Арефу. Мануила. Луку. Анну. С(вя)щенноиерея Михаила. Анну. Андрея млад(енца). Корнилия младе(нца). Ирину млад(енца).

Род Антония митрополита

Еп(и)с(ко)па Галактиона. Инока Еуфимия. Инока Герасима. Инока Серапиона. Инока Васьяна. Инок Марфу. Инок Евдокѣю. Инок Еупраксею. Инок Акилину. С(вя)щенноиерея Иванна. С(вя)щеннодиякона Иванна. Данила. Михаила. Григория. Фотинию. // (л. 44) Марию. Мартияна. Гликѣрию. Доментияна. Агрипѣну. Инока Васьяна. Инок Марину. Инока Александра. Инока Нифонта. С(вя)щенноиерея инока Иосифа. С(вя)щенноиерея инока Сергия. С(вя)щенноинока Сергия. Игумена Иасафа. С(вя)щенноинока Исаака. С(вя)щенноинока Исаия. Диякона инока Александра. Инока Макария. Инока Силивана. Инока Иосифа. Инока Мисаила. Данила. Инока Сергия. Инока Илариона. Инока Иасафа. Ксению. Саву. Феодора. Стефаниду. Ирину. Илию. Инока Васьяна. Инока Саву. С(вя)щенноинока Иасафа. С(вя)щенноинока Мисаила. С(вя)щенноинока² Геронтия. Инока Никифора. Инока Феогнаста. Инока Иону. Инока Феоктиста. Инока Трифона. Инока Феогнаста. С(вя)щенноинока Андреяна. Инока Феогнаста. Иону. Игумена Мисаила. Инока Матфея. // (л. 44 об.) Инока Иону. Инок Варвару. Инока Алексѣя. Феодора. Симеона. Иванна. Инока Афонасия. Софию. Устинию³.

№ 2. Из синодика Троице-Сергиева монастыря 1575 г.
(РГБ. Ф. 304/Ш. № 25)

(л. 83) <Лѣт(о) 7069> [*Над текстом киноварью: Родъ протопопа Анѣдрѣя Благовѣщенскаго*]

Родиона. Иерѣя⁴. Дементия. Инока Иева. Игумена Иакима. Инок Антониду. Инок Маремияну. Ульянѣю. Иерѣя Дмитрия. Стефаниду. Евдокѣю.

¹ Далее другими, более светлыми, чернилами приписано: ми.

² инока дописано над строкой другими, более светлыми, чернилами.

³ Далее дописано позднейшим почерком, небрежно: Прокопья.

⁴ Так в рукописи — слово отделено от соседних киноварными точками.

№ 3. Из синодика Троице-Сергиева монастыря 1580-х гг.
(РГБ. Ф. 304/І. № 40)

(л. 6 об.) [*Над текстом киноварью: Родъ пре(о)священнаго Афонасія митрополита родъ*]

Инока Германа. Инока Ефрѣма. Трифона. Варвару. Младе(нца) Стефаниду. Младе(нца) Исидора. Младе(нца) Феодосиа. Младе(нца) Дарию. Мавру. Ул(ь)янѣю. Анну. Евтихиа. Ксен(ь)ю. Младе(нца) Никифора. Младе(нца) Тимофея. Младе(нца) Анисию. Младе(нца) Елену. Младе(нца) Евдокию. Марфу. С(вя)щенноиерея Феодора. Дар(ь)ю. Инока Левкия. Вассы. Данила. Тарасиа. Малахея. Иванна. Ул(ь)янию. Севастияна. Агрипѣну. Михаила. Марфу. Полиекта. Мефодиа. Иванна. Димитриа. Младе(нца) Михея. Стефана. Васил(ь)я. Елену. Иноку Еуфимию. Ирину. Инок(а) Зеновиа. Спиридона. Феодора. Конана. С(вя)щ(е)нноиерея Тимофѣя. Ксенью.

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

БАН. Архангельское собрание. Д. 392 (Синодик Соловецкого монастыря, список последней четверти XVII в.).

БАН. Собрание Александрo-Свирского монастыря. № 55 (Синодик Александрo-Свирского монастыря, список первой четверти XVII в.).

РГБ. Ф. 29. Собрание И.Д. Беляева. № 4 (Беляевский летописец, список середины XVII в.).

РГБ. Ф. 29. Собрание И.Д. Беляева. № 23 (Сборник исторический с летописцем, 3-я четверть XVIII в.).

РГБ. Ф. 173/І. Фундаментальное собрание МДА. № 39 («Диалектика» и «Богословие» Иоанна Дамаскина с дополнительными статьями, список 2-й четверти XVII в.).

РГБ. Ф. 173/IV. Собрание «Прочие» библиотеки МДА. № 96 (Синодик Новинского Введенского монастыря, список 1716 г.).

РГБ. Ф. 304/І. Главное собрание Троице-Сергиева монастыря. № 40 (Синодик Троице-Сергиева монастыря, список конца XVI в.).

РГБ. Ф. 304/І. Главное собрание Троице-Сергиева монастыря. № 818 (Синодик Троице-Сергиева монастыря, список 1630-х гг.).

РГБ. Ф. 304/III. Собрание ризницы Троице-Сергиева монастыря. № 25 (Синодик Троице-Сергиева монастыря, список 1575 г.).

РГБ. Ф. 310. Собрание В.М. Ундольского. № 764 (Костровский летописец, Гагаринский список начала XVIII в.).

РГБ. Ф. 310. Собрание В.М. Ундольского. № 1110 (Костровский летописец, Основной список начала XVIII в.).

РНБ. Ф. 351. Библиотека Кирилло-Белозерского монастыря. № 759/1016 (Синодик Кирилло-Белозерского монастыря, список 1615 г.).

РНБ. Ф. 550. Основное собрание рукописной книги. F.IV.228 (Морозовский летописец, 1750–60-е гг.).

РНБ. Ф. 588. Собрание М.П. Погодина. № 1408 (Беляевский летописец, список 3-й четверти XVII в.).

БИБЛИОГРАФИЯ

Авдеев А.Г. Старорусская эпиграфика и книжность: Ново-Иерусалимская школа эпиграфической поэзии. М., 2006.

Алексеев А.И. Первая редакция вкладной книги Кириллова Белозерского монастыря (1560-е гг.) // Вестник церковной истории. 2010. № 3-4 (19-20).

- Алексеев А.И. Синодик Чудова монастыря в Московском Кремле // Вестник церковной истории. 2019. № 3-4 (55-56).
- Андрей Курбский. История о делах великого князя московского / Изд. подг. К.Ю. Ерусалимский, пер. А.А. Алексеев. М., 2015.
- Белов Н.В. О новейшей гипотезе происхождения Галактиона Вологодского // Вестник «Альянс-Архео». Вып. 26. М.; СПб., 2018.
- Белов Н.В. Князь Василий Михайлович Щенятев — боярин и воевода времени «боярского правления» // Материалы и исследования по истории России. Вып. 15. Нижневартовск, 2021.
- Белов Н.В. Фрагменты митрополичьего летописания кануна опричнины // Словесность и история. Журнал филологических и историко-культурных исследований. 2021. № 1.
- Белов Н.В., Микитчук М.Д. Летописная Повесть о Казанском взятии XVII в. // Палеороссия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2021. № 3 (15).
- Боде-Колычев М.Л. Боярский род Колычевых. М., 1886.
- Буганов В.И., Богданов А.П. Бунтари и правдоискатели в русской православной церкви. М., 1991.
- Буланин Д.М. Сказание о святой горе Афонской // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Ч. 2. Л., 1989.
- Буланин Д.М. Опыт комплексного описания: Афон в древнерусской письменности до конца XVI в.: (Из истории образа по памятникам, учтенным в «Словаре книжников и книжности Древней Руси», а также пропущенным при его подготовке) // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Ч. 3. СПб., 2012.
- Васенко П.Г. «Книга степенная царского родословия» и ее значение в древнерусской исторической письменности. Ч. 1. СПб., 1904.
- Веселовский С.Б. Феодалное землевладение в Северо-Восточной Руси. Т. 1. М.; Л., 1947.
- Вкладная и кормовая книга Московского Симонова монастыря / Подг. А.И. Алексеев, А.В. Маштафаров // Вестник церковной истории. 2006. № 3.
- Володихин Д.М. Воеводы Ивана Грозного. М., 2014.
- [Горский А.В., Невоструев К.И.] Описание славянских рукописей Московской синодальной библиотеки. Отд. 1: Священное писание. М., 1855.
- Дворцовые разряды. Т. 1: 1612–1628 г. СПб., 1850.
- Дмитриева З.В., Сазонова Т.В. Вклады горицких стариц в Кирилло-Белозерский монастырь (вторая половина XVI — начало XVII века) // Петербургский исторический журнал. 2020. № 3.
- Ермолаев И.П. Казанский край во второй половине XVI — XVII вв.: (Хронологический перечень документов). Казань, 1980.
- Ерусалимский К.Ю. Сборник Курбского. Т. 1. Исследование книжной культуры. М., 2009.
- Житие преподобного Даниила, переяславского чудотворца, Повесть об обретении мощей и чудеса его / Изд. проф. С.И. Смирнова. М., 1908.
- Зимин А.А. Митрополит Филипп и опричина // Вопросы истории религии и атеизма. Сб. 11. М., 1963.
- Зимин А.А. Колычевы и русское боярство XIV–XVI вв. // Археографический ежегодник за 1963 год. М., 1964.
- Зимин А.А. Опричина Ивана Грозного. М., 1964.
- Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. 9. СПб., 1821.
- Кузьмин А.В. На пути в Москву: очерки генеалогии военно-служилой знати Северо-Восточной Руси в XIII — середине XV в. Т. 1. М., 2014.

Курукин И.В., Булычев А.А. Повседневная жизнь опричников Ивана Грозного. М., 2010.

Леонид (Кавелин), архим. Сведение о славянских рукописях, поступивших из книгохранилища Св. Троицкой Сергиевой Лавры в библиотеку Троицкой духовной семинарии в 1747 году (ныне находящихся в библиотеке Московской духовной академии). Вып. 2. М., 1887.

Лобакова И.А. Житие митрополита Филиппа: Исследование и тексты. СПб., 2006.

Макарий (Веретенников), архим. Московский митрополит Макарий и его время: Сб. статей. М., 1996.

Макарий (Веретенников), архим. Поминальные Синодики // Вышенский паломник. 1998. № 1 (6).

Макарий (Веретенников), архим. Святитель Макарий и Соловецкий монастырь // Сохраненные святыни Соловецкого монастыря. М., 2003.

Макарий (Веретенников), архим. Из истории русской иерархии XVI века. М., 2006.

Макарий (Веретенников), архим. Митрополиты Древней Руси (X–XVI века). М., 2016.

Никольский Н.К. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII в. (1397–1625). Т. 2: Управление. Общинная и келейная жизнь. Богослужение / 2-е изд.; подг. З.В. Дмитриева, Е.В. Крушельницкая, Т.И. Шаблова. СПб., 2006.

Подчасов Н.А. Разрядные документы как источник по военно-административной деятельности рода князей Трубецких на службе Московского государства (вторая половина XVI — начало XVII века). Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2018.

Полное собрание русских летописей. Т. 13. Ч. 1. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. СПб., 1904.

Полное собрание русских летописей. Т. 13. Ч. 2. Дополнения к Никоновской летописи. Так называемая Царственная книга. СПб., 1906.

Полное собрание русских летописей. Т. 29. Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича. Александро-Невская летопись. Лебедевская летопись. М., 1965.

Полное собрание русских летописей. Т. 31. Летописцы последней четверти XVII в. М., 1968.

Полное собрание русских летописей. Т. 34. Постниковский, Пискаревский, Московский и Бельский летописцы. М., 1978.

Псковские летописи. Вып. 2 / Под ред. А.Н. Насонова. М., 1955.

Разрядная книга 1475–1598 гг. / Подг. В.И. Буганов. М., 1966.

Сказание о святой Афонской горе игумена Русского Пантелеймонова монастыря Иоакима и иных святогорских старцев / Сообщ. архим. Леонид. СПб., 1882.

Скрынников Р.Г. Царство террора. СПб., 1992.

Скрынников Р.Г. Крест и корона: Церковь и государство на Руси IX–XVII вв. СПб., 2000.

Снегирев Н.М. Русская старина в памятниках церковного и гражданского зодчества. Год третий. Изд. 2-е., с доп. / Сост. А. Мартынов. М., 1852.

Солодкин Я.Г. Летописец Морозовский // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3. Ч. 2. СПб., 1993.

Солодкин Я.Г. История позднего русского летописания. М., 1997.

Солодкин Я.Г. К реконструкции митрополичьего летописания второй половины XVI в. // История русской духовной культуры в рукописном наследии XVI–XX вв. Сб. научных трудов. Новосибирск, 1998.

Солодкин Я.Г. Пискаревский летописец и боярское летописание второй половины XVI — начала XVII вв. // Русское средневековье: Источники. 2000–2001 годы. М., 2002.

- Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам: тексты и комментарии: В 3 т. / Отв. ред. Н.Н. Покровский, Г.Д. Ленхофф. Т. 2. М., 2008.
- Строев П. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877.
- Усачев А.С. Начало возвышения Андрея-Афанасия и церковно-политическая ситуация в России первой половины XVI в. // Вестник РГГУ. Сер.: Исторические науки. История России. 2012. № 4 (84).
- Усачев А.С. Переславский штрих к биографии митрополита Афанасия (1564–1566) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2020. № 2 (80).
- Хорошкевич А.Л. Россия в системе международных отношений середины XVI века. М., 2003.
- Шаблова Т.И. Кормовое поминовение в Успенском Кирилло-Белозерском монастыре в XVI–XVII веках. СПб., 2012.
- Шапошник В.В. Церковно-государственные отношения в России в 30–80-е годы XVI века. 2-е изд., испр. СПб., 2006.
- Шлихтинг А. Новое известие о России времени Ивана Грозного. Л., 1934.
- Шокарев С.Ю. Путеводитель по средневековой Москве. М., 2014.

**МАТЕРИАЛЫ Н.И. МАРКОВА ИЗ АРХИВА КНЯГИНИ
ЮРЬЕВСКОЙ. ПРЕДИСЛОВИЕ Н.И. МАРКОВА «К ЧИТАТЕЛЯМ»**

Вступительные замечания к публикации

В 2001 году баронами Ротшильдами в Государственный архив Российской Федерации в Москве (далее — ГАРФ) был передан уникальный архивный источник по династической истории Романовых второй половины XIX века (Чиркова, 2002). Имеется в виду архивный комплекс документов личного происхождения второй (морганатической) жены императора Александра II княгини Екатерины Михайловны Долгоруковой (с 1880 г. — светлейшая княгиня Юрьевская). Этот комплекс включает в себя:

1. Дневники императора Александра II за 1870–1881 гг., выполненные в машинописных копиях в начале XX в.
2. Переписка императора и княгини за 1866–1880 г. (несколько тысяч экземпляров).
3. Черновики телеграмм императора княгине за 1870-е гг.
4. Личные документы княгини (три варианта завещания за 1883, 1886 и 1917 гг., паспорт за 1911 г., список подарков императора, пропуска и билеты на ж\д транспорт, и т.д.)
5. Воспоминания княгини, выполненные ее рукой.
6. Деловая и внутрисемейная переписка княгини с детьми, секретарями, домработницами и деловыми партнерами.
7. Фотографии Александра II.
8. План Марьяновского имения брата княгини князя Долгорукова.
9. Семейные фотографии.
10. Личные документы последнего секретаря княгини графа Н.И. Маркова, связанные с его историческими исследованиями, работой в хозяйстве княгини и связями с Белым движением в России.
11. Личные документы старшей дочери княгини Екатерины Оболенской.

Этот архивный комплекс за последние два десятилетия так и не подвергся изучению со стороны исторического сообщества. Исключением стали только письма императора и княгини, обстоятельно изученные Юлией Сафроновой, сотрудником Европейского университета в Санкт-Петербурге, в 2017 г. Наиболее же, казалось бы, интересная часть архива — «дневники» Александра II, не получили обстоятельной разработки по двум основным причинам. Во-первых, отсутствие рукописного оригинала вселяет обоснованное сомнение в подлинности дневников, тем более, что машинописи несут на себе следы обстоятельного редактирования и явно создавались с коммерческими целями. Во-вторых, практически неизвестен провенанс архива после 1922 г. (смерть княгини). Основные вехи пережитых архивом пертурбаций восстанавливаются лишь частично и на основании косвенных данных. Так, Ю.А. Сафронова пишет, что архив несколько раз перепродавался на разных аукционах Европы, в 1960-е гг. находился в руках частного американского коллекционера, имя которого не называется (с материалами этого коллекционера работал А.Г. Тарсаидзе, издавший в 1970 г. на основе нескольких писем княгини из архива книгу «Katia. Wife before God», которую в России найти весьма непросто) (Сафронова, 2017: 13). Неизвестно, кто выставлял архив на торги аукциона Sotheby's, неизвестны изменения, происходившие с архивом за почти 100 лет его блуждания из одной коллекции в другую.

Ю.А. Сафронова, автор наиболее на данный момент передового труда по изучению архивного наследия княгини Е.М. Долгоруковой-Юрьевской, весьма кратко обрисовывает собственную версию происхождения дневников, основанную в основном на критическом анализе «Экстракта для прессы», составленного самим Н.И. Марковым, редактором и составителем дневников. Вот основные тезисы петербургской исследовательницы: в 1907 г. Марков якобы приобрел часть личного архива Александра II из собрания А.М. Рылеева, его бывшего генерал-адъютанта, притом приобрел «случайно»; в 1920 г., бежав из революционной России, он явился к княгине и получил доступ к ее материалам для подготовки к их публикации, которая могла решить серьезные финансовые затруднения княгини, возникшие после 1917 г.; в 1921 г. на основе писем княгини и императора Александра II, дополненных собственными рассказами Е.М. Юрьевской и фантазиями самого Маркова, последний составил машинописные тексты, ныне хранящиеся в ГАРФ; после смерти княгини в 1922 г. Н.И. Марков оказался втянут в судебные дразги из-за архива с дочерьми княгини, в силу чего публикация его материалов так и не состоялась (Сафронова, 2017: 338–340).

Однако есть и другая версия происхождения машинописных дневников императора. Эта версия содержится в шестистраничном документе, напечатанном в двух экземплярах, под названием «К читателям». Представленный документ, публикуемый в настоящей статье, был составлен еще при жизни княгини, в конце 1921 г. (Е.М. Юрьевская умерла в феврале 1922 г.) и совершенно по-иному описывает историю происхождения дневников. Противоречия, выявляемые при сопоставлении «Экстракта для прессы» с предисловием «К читателям», можно объяснить резким изменением положения Н.И. Маркова после смерти Е.М. Юрьевской, когда он оказался в состоянии обороняющегося от судебных исков наследников княгини, на что указывает и Ю.А. Сафронова (Сафронова, 2017: 340). Таким образом, можно предположить, что в «Экстракте для прессы» содержится поздняя версия происхождения машинописных материалов, возникшая под давлением обстоятельств, а в предисловии «К читателям» находится ранняя версия, ряд частных которой подтверждаются сведениями из независимых источников. Всё же и «К читателям» переполнено фантастическими подробностями детективного характера, что заставляет с осторожностью относиться к этому документу.

Публикация

Н. Марков

К ЧИТАТЕЛЯМ

Это произошло 1 марта 1881 года.

Император ушёл из жизни в 3 часа 33 минуты, а в пять в Зимнем дворце по приказу императора Александра III его [Александра II] кабинет был тщательно обыскан и запечатан графом Адлербергом¹.

Смертельные раны на теле Императора-отца ещё не успели остыть, а Император-сын уже был обеспокоен тем, что могут возникнуть проблемы в этом вопросе².

И если окажется правдой то, что он подозревал...

Это пылилось в шкафу...

---

¹ Александр Владимирович Адлерберг (1818–1888) — генерал-адъютант (с 1855), министр императорского двора (с 1870). Весьма интересно то обстоятельство, что должность министра императорского двора и уделов Адлерберг унаследовал от отца, Владимира Федоровича Адлерберга, из-за потери зрения и слабого здоровья потерявшего способность к активной государственной деятельности. Наследственность в порядке распределения высших государственных постов в пореформенной России прослеживается и в кадровой политике Собственной Его Величества канцелярии, которой вплоть до конца монархии управлял род Танеевых (Шепелев, 2005: 163–166; Раскин, 2002: 145–188).

² Вероятно, имеется в виду вопрос о престолонаследии и проблема морганатической семьи Александра II.

Не найдя ключей [от шкафа], он решил воспользоваться отмычкой, чтобы открыть бюро поверженного Императора, но всё было напрасно, так как то, что интересовало молодого Императора, было перевезено, без какого-то намерения, за несколько дней до этого в апартаменты княгини Юрьевской¹.

А мемуаров, о которых покойный Император говорил много раз, не существовало. Он намеревался их спокойно написать, находясь в уединении, и, ожидая этого времени, подготавливал черновики. Но другие дела его заняли в последние годы его царства. Внутренние проблемы, как и покушения на него, не давали ему и секунды отдыха.

Были попытки связаться с генералом Рылеевым².

«Я не в курсе», — отвечал он.

«Но ты же был другом моего отца!», — говорил Александр III.

«Скорее его поклонником», — скромно отвечал генерал.

Тогда император обратился к княгине Юрьевской.

Снова провал.

Это окончательно испортило отношения между ними, но в то же время это не помешало Александру III неукоснительно исполнять последнюю волю своего отца.

Он купил для неё у великого князя Константина Николаевича знаменитый Мраморный дворец — шедевр архитектуры, располагающийся на Гагаринской улице, который в давние времена принадлежал князю Кушелеву-Безбородко³.

Княгиня без каких-либо уговоров покинула Зимний дворец⁴.

Она не прожила долго в своём новом жилище, так как оно было покрыто теньми блестящего прошлого. Вскоре она покинула Россию. Мы можем легко представить ироничную фразу, сказанную по этому поводу ей Александром III: «Может сейчас самое подходящее время, чтобы вам захотеть уйти в монастырь?»

Она уехала с намерением вскоре вернуться, но годы летели друг за другом, и она этого так и не сделала. В итоге она навсегда поселилась за границей⁵.

После смерти Александра II жизнь в России сделалась для неё невыносимой. «Я это признала с грустью, но это правда», — прошептала она.

В Вержболово⁶, как будто случайно, её багаж был подвергнут тщательному досмотру. Она знала, что они искали, и загадочно улыбалась. Задолго до своего отъезда

---

¹ Эти апартаменты располагались на верхнем (третьем) этаже Юго-Западного ризалита Зимнего дворца, на шестой запасной половине (14 комнат). В том же ризалите, но этажом ниже, располагались и комнаты императора. (Зимин, 2015; Сафронова, 2017: 257).

² Александр Михайлович Рылеев (1830–1907) — флигель-адъютант (с 1855), генерал-адъютант (с 1873). Один из ближайших к Александру II лиц (состоял гвардейским ординарцем при нём еще в бытность последнего наследником престола), принимавший непосредственное участие в романе княгини Юрьевской и императора.

³ Речь идет о Малом Мраморном дворце, принадлежавшем не великому князю Константину Николаевичу, а его сыну, Николаю Константиновичу, самому скандальному представителю императорской фамилии той эпохи. В 1874 году его выслали из Петербурга за кражу драгоценностей, а его дворец долгое время пустовал. В 1994–2017 гг. во дворце располагался Европейский университет (Глушкова, 2013: 298–324; Сафронова, 2017: 300).

⁴ Данное утверждение не соответствует действительности. Фактически произошел торг между княгиней и императором. Взамен за обязательство переезда из Зимнего дворца был приобретен Малый Мраморный дворец (Сафронова, 2017: 299).

⁵ Преимущественно княгиня жила в Ницце, но периодически разъезжала по всей Европе в личном вагоне и весьма небрежно транжирила деньги, что позднее привело к тяжелому финансовому состоянию и неприятной истории с шантажом Кабинета Николая II и опубликованием переписки княгини и императора в случае невыплаты семье княгини денежного содержания (Сафронова, 2017: 347–348; Зимин, 2011: 385–395).

⁶ Маленький польский городок на тогдашней границе России и Германии. Ныне это город Вирбалис в Литве. У Ю.А. Сафроновой присутствует эпизод с инцидентом в этом городке, произошедшим в 1882 г. и ставшим поводом к отъезду княгини из России, но там поводом к конфликту стал отказ предоставлять

при посредстве дипломатического чемодана важные документы были уже отправлены в Лондон. Были ещё предприняты попытки заполучить эти исторические документы, но неизменно они наталкивались на категорический отказ Юрьевской. Вероятно, удивившись в тщетности своих усилий, они перестали нарушать её покой.

Эта история длилась четверть века. Около 1905 года великий князь Николай Михайлович вдруг вспомнил об этих документах и постепенно привлёк к этому вопросу Николая II, который, по-видимому, хотел поддержать августейшего историка. Полностью удалившаяся от света княгиня Юрьевская ответила отказом, что одному, что второму¹. Всё же это время мемуары находились без каких-либо подозрений в банковской ячейке в Лондоне². Этот депозит, естественно, был оформлен в форме займа [и никто не подозревал об истинном содержании этой ячейки].

Это случилось только тогда, когда революционный вихрь взбудоражил Россию, когда красное знамя было водружено на Зимний дворец, в то время, как большевики жестоко покарали наше отечество и в то время, когда дом Романовых мученически погиб и с ними вместе «рыцарь своего слова» слабый Николай II отрекся [от престола] под давлением Гучкова³, Шульгина⁴ и генерала Рузского⁵. Только в это время принцесса Юрьевская соизволила вспомнить о написанных черновиках своего августейшего мужа, и у неё появилась идея их опубликовать.

Это произошло весной в Ницце в 1921 году.

Месяц март на юге подобен июлю на севере, мы были окутаны ароматом распускающихся цветов. Под голубым небом волновалось лазурное море, напевая свои бесконечные легенды. Её Высочество⁶, как обычно, сидела у себя в будуаре. Мы пили чай и вспоминали прошлое. Эпоху Царя-Освободителя. По ходу разговора мы начали обсуждать то, что существовало только в воображении — знаменитые «Мемуары».

«Наверное, сейчас мы могли бы их опубликовать», — сказала вдруг «женщина с золотым сердцем» — так обычно император Александр называл княгиню Юрьевскую.

«Вы согласились бы на это?», — спросил я сильно удивлённый.

«Да, да, я решила, теперь мне нечего больше утаивать».

«А документы?».

«Надо их доставить».

Это документы, за которыми вели охоту императоры Александр III и Николай II, великий князь Николай Михайлович, американские журналисты и даже знаменитое Третье отделение...⁷

княгине для отдыха «царские комнаты», предназначенные для путешествующих членов императорской фамилии (Сафронова, 2017: 310)

¹ Об этом эпизоде отсутствуют какие-либо сторонние упоминания.

² Известно о том, что архив княгини действительно хранился в Bank of England, откуда в 1910 г. были присланы Е.М. Юрьевской копии с писем Александра II за 1877 — 1878 гг. для демонстрации Николаю II серьезности своих намерений по поводу вышеописанной истории с шантажом (Сафронова, 2017: 8)

³ Александр Иванович Гучков (1862–1936) — государственный и политический деятель, лидер партии «Союз 17 октября» и партийной фракции в Государственной думе (1907–1912), председатель III Государственной думы (1910–1911), член Государственного совета (с 1907), председатель Центрального военно-промышленного комитета (1915–1917), военный министр Временного правительства (1917). Банкир, финансист.

⁴ Василий Витальевич Шульгин (1878–1976) — государственный и политический деятель, депутат Государственной думы (1906–1917), националист и монархист, публицист, земский деятель, активист Союза русского народа и Русского народного союза имени Михаила Архангела.

⁵ Николай Владимирович Рузский (1854–1918) — государственный и военный деятель, генерал-адъютант (с 1914), член Военного совета (с 1909) и Государственного совета (с 1915). Военный теоретик. Командовал армиями Юго-Западного фронта (1914), Северного фронта (1915, 1916–1917).

⁶ Так в тексте.

⁷ Третье отделение Императорской канцелярии, отвечавшее за политический сыск, было расформировано еще в 1880 году.

«Надо действовать осторожно», — добавила нравоучительно княгиня.

Телеграммы полетели в Лондон, Париж и обратно...

Наконец все формальности были улажены, и доверенное лицо извлекло из хранилища драгоценный чемодан. На следующий день пришла телеграмма из Лондона: «Ваши платья отправлены». Через два дня вторая телеграмма из Булони: «Море спокойное, путешествие проходит хорошо, целую». Прошёл день, за ним второй, неделя. Полное молчание продолжалось. Что происходит? Не случилось ли чего? На таможе никакой информации. Транспортная компания ответила нам успокаивающим письмом, в котором она, однако, выражает некоторую обеспокоенность происходящим. Не удивительно, чемодан застрахован на 200000 франков. Время идёт... Её Высочество заметно нервничает. Кажется, она жалеет о своём согласии. Я изо всех сил стараюсь её успокоить: «Чемодан придёт... Задержки в пути... Это не редкость», — говорил я, сам при этом думая: «А если действительно не повезло?» Всё это длилось примерно месяц.

«Чемодан на таможе», — сообщили мне по телефону. Драгоценный чемодан в обычном сундуке, покрытом мешковиной, по краям обвязан канатами, которые, переплетаясь, образуют узел, на котором на чёрном воске висела сургучная печать с выданным гербом Юрьевских.

Чемодан предстал передо мной. Множество страниц появилось перед моими глазами. Почерк хорошо знакомый, тонкий, почти женский. Почерк его Величества Императора Александра II.

Как это любопытно для дома Романовых! Александр I, Николай I, Александр II, Александр III — все они были великими фигурами, но написали они крайне мало, только Николай II, менее значимая личность на их фоне, оставил богатые и обильные письменные материалы.

Тут было порядка 30000 страниц формата обычной письменной бумаги. Несколько тысяч писем Императора Александра II княгине Юрьевской. Замечания, записки, повседневные записи на французском и русском, иногда со вставками на английском, немецком и даже польском. Практически нет ни одной записи, где бы использовался только один язык. Всё это отлично раскрывает эпоху, начиная с 1870 года и заканчивая той трагической датой...

Последняя запись датирована 1 марта 1881 года, за несколько минут до рокового возвращения в Зимний дворец, после последнего императорского парада. Суверен записывал всё, что он считал важным и серьёзным. Он думал о том, чтобы уйти на покой и мечтал о «Райских садах». Он жаждал частной жизни вдали от политики, двора и всех их интриг. Он думал короновать княгиню Юрьевскую, как Императрицу Всероссийскую, но потом отказался от этой идеи, желая посвятить остаток жизни той, кого он нежно любил со всей горячностью молодого человека.

Пятьдесят лет — долгий срок. Полвека. Страницы пожелтели за это время. Так же выцвели некоторые строки, которые теперь невозможно расшифровать. Примечательно, что части, написанные карандашом, лучше сохранились. Некоторые из них выглядят так, как будто написаны вчера. Некоторые вещи, которые казались важными тогда, но потерявшими интерес сегодня, я выкинул без всякой жалости. Хотя у меня сжималось сердце, когда я вычёркивал те строки, где коронованный Ромео открывает своей Джульетте те чувства, которые наполняют его душу, и те места, где он с горячностью говорит о Гого, своём сыне, безмятежном князе Георгии Александровиче¹, который ушёл от нас слишком рано...

---

¹ Светлейший князь Георгий Александрович Юрьевский (1872–1913) — сын Александра II от княгини Е.М. Долгоруковой (светлейшей княгини Юрьевской). Умер в 39-летнем возрасте от нефрита. Внук, Ганс-Георг Юрьевский, ныне проживает в Швейцарии, ведет бизнес и активную общественную деятельность на территории России. Монархист.

Эта была воля княгини Юрьевской. Это личный вопрос, он не должен никого волновать.

Бумага, которую использовал император, была плохого качества. Кроме 1875–1876 годов, где он пользовался отличной бумагой, украшенной гербом и увенчанной императорской короной. Разобраться в этом множестве писем, записок и тетрадей сложная задача. Мемуары в том виде, в котором их искал Александр III, никогда не существовали¹.

Покойный Александр II хотел их написать, когда уйдёт на спокойный отдых, и начал готовить к этому материалы, начиная с 1865 года. Но судьба распорядилась иначе. Александр II погиб 1 марта 1881 года. Все его черновики, хранившиеся 40 лет нетронутыми в ячейке Английского банка, приведённые в порядок, сегодня предстанут перед читателем. Тяжёлые решения, изменения политического курса, суровая критика сильных мира сего, в том числе со стороны своего родного сына, будущего императора Александра III, когда он пытался вмешаться в личную жизнь своего августейшего отца — всё это сейчас предстанет перед нами, без каких-либо изменений, как след, оставленный императором.

Важнейшие исторические события остались нетронуты. И ни пыль, ни патина времени, которые покрывают эти реликты, не были с них убраны. Дух эпохи, мысли Александра II, сохранены мной с благочестивой тщательностью и искренней любовью.

Я кончу тем, с чего начал. Эта книга не содержит мемуаров императора Александра II, но исключительно аутентичные материалы, который он лично подготовил. Исторический материал по его царствованию, его эпохе, так же как история России, которую мы потеряли, осквернённой нечистыми руками. России, которая, я верю, ещё возродится. Возродится к несчастью её врагов и предателей и на счастье тех, кому их отечество всё ещё осталось дорогим.

Ницца, 3 ноября 1921.

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ:

ГАРФ. Ф. 472. Оп. 40. Д. 58.

ГАРФ. Ф. 678. Оп. 2. Д. 254. Л. 52 — 53.

ГАРФ. Ф. 678. Оп. 2. Д. 264.

ГАРФ. Ф. 678. Оп. 2. Д. 271.

ГАРФ. Ф. 678. Оп. 2. Д. 272.

БИБЛИОГРАФИЯ:

Глушкова В.Г. Дворцы Санкт-Петербурга: Наследие Романовых. М.: Вече, 2013. 464 с.: ил.

Захарова О.Ю. Светские церемониалы в России XVIII — начала XX вв. М.: Центрполиграф, 2003. 329 с.

Зимин И.В. Царские деньги. Доходы и расходы дома Романовых. М.: Центрполиграф, 2011. 686, [2] с.

Зимин И.В. Царская работа. XIX — начало XX века. М.: Центрполиграф, 2011. 1350 с.: прил.: ил.

---

¹ Здесь видно, что Н.И. Марков признает компилятивный характер своих машинописных материалов, но утверждает, что в их основе лежат подлинные документы императора Александра II. Таким образом, если, невзирая на фантастически-детективный характер истории с погоней за этими материалами Романовых и царской охраны, принять версию Маркова о сущности машинописных памятников за истину, то получится, что эти материалы отражают первоначальную структуру архива до его раздела в ходе судебных тяжб после смерти княгини в 1922 г. На это намекает и само название машинописей — «Mémoires (а не «Le journal») de Alexander II».

- Зимин И.В. Люди Зимнего дворца. Монаршие особы, их фавориты и слуги. М.: Центрполиграф, 2015. — 718 с.
- Раскин Д.И. Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801–1917. Т. 3. Центральные государственные учреждения. СПб.: Наука, 2002. 228 с.
- Сафронова Ю.А. Роман в письмах. СПб., Европейский университет, 2017. 404 с.: ил.
- Чиркова Е.А. Архив светлейшей княгини Юрьевской в ГАРФ // Отечественные архивы. 2002. № 3. С. 120–121.
- Шепелев Л.Е. Титулы, мундиры, ордена Российской империи. М.: Центрполиграф, 2005. 423 с.: ил.

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА В.М. ЩУРОВА «НАРОДНОЕ КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ»

20–21 мая 2021 г. в Московском государственном институте культуры (г. Химки) прошла Международная научно-практическая конференция *«Народное культурное наследие: традиции и современность»*, посвященная памяти выдающегося фольклориста, профессора, доктора искусствоведения В.М. Щурова. Организаторами конференции выступили Московский государственный институт культуры (кафедра культурного наследия факультета государственной культурной политики) и Белорусский государственный институт культуры (Центр нематериального культурного наследия белорусов). На конференции работали четыре секции: «Духовное наследие России», «Устная традиция в XXI веке», «Народная культура в культурно-образовательном пространстве», «Народные традиции Сербии и России в контексте культурной общности». Конференция собрала около 70 специалистов (из них — 27 иностранных участников) в разных областях истории и традиционной культуры, а также студентов гуманитарных вузов. В работе участвовали представители Российской Федерации, Республики Беларусь, Республики Сербия, Китайской Народной Республики.

Оргкомитет конференции составили ведущие специалисты и ученые: **Д.М. Володихин** (председатель Оргкомитета), заведующий кафедрой культурного наследия МГИК, доктор исторических наук; **В.В. Калацей**, кандидат культурологии, доцент, заведующий кафедрой этнологии и фольклора Центра нематериального культурного наследия белорусов Белорусского государственного университета культуры и искусств, г. Минск; **Милена Дорис**, профессор русского языка, г. Белград, Министерство образования Республики Сербия; **Е.Г. Боронина**, заместитель заведующего кафедрой культурного наследия МГИК, кандидат педагогических наук, доцент; **О.А. Федотовская**, доцент кафедры культурного наследия МГИК; **В.Б. Сорокин**, кандидат философских наук, доцент кафедры культурного наследия МГИК; **Е.Ю. Стрельцова**, доктор педагогических наук, профессор.

Конференцию открыл ректор МГИК **А.С. Миронов**, он отметил актуальность темы конференции и предлагаемых к обсуждению вопросов, отдал дань уважения экс-заведующему кафедрой культурного наследия МГИК, выдающемуся фольклористу профессору В.М. Щурову, пожелал плодотворной работы всем участникам. Далее прозвучали приветствия от организаторов встречи, представителей Беларуси и Сербии. Пленарное заседание началось с доклада **Д.М. Володихина** (МГИК, заведующий кафедрой культурного наследия) «Неопубликованные записи на полях старопечатных книг периода правления Михаила Федоровича (из частной коллекции)»; обзору опыта Беларуси по обучению искусству устной традиции в университете XXI века был посвящен доклад **В.В. Калацея** (БГУКИ, заведующий кафедрой этнологии и фольклора); **Н.А. Чикунова** (заведующая кафедрой народной художественной культуры и музыкального образования Института культуры и молодежной политики Новосибирского государственного педагогического университета) представила научно-исследовательскую и культурно-просветительскую деятельность кафедры народной художественной культуры и музыкального образования НГПУ; **Г.П. Парадовская** (Вологодский государственный университет) осветила деятельность Научно-образовательного центра традиционной народной культуры Вологодского государственного университета по сохранению и актуализации нематериального культурного наследия Русского Севера; **Т.С. Канева** (Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина, Республика Коми, кафедра русской филологии) познакомилась с современными формами подачи народной культуры в социальных сетях —

«“Пижма: старое и новое”: группа ВКонтакте как форма представления и актуализации традиции».

Повышенный интерес слушателей вызвали доклады первой секции: **В.А. Ковпика** «Песня о Михаиле Скопине-Шуйском: история и варианты» (МГУ, кафедра устного народного творчества); **Е.Г. Борониной** (МГИК, кафедра культурного наследия) «Духовные стихи о странствиях душ грешных (из подмосковных экспедиций 90-х гг. XX столетия)»; **А.Е. Черновой** (Перервинская духовная семинария) «Фольклорные истоки образа прекрасной пустыни в лирике Николая Рубцова»; **В.Н. Денисова** (Выставочный зал Дома ученых НЦЧ РАН (Черноголовка)) и **О.А. Денисовой** (МГИК, кафедра культурного наследия) «Роль звуковых архивов Вены и Берлина в сохранении фольклора народов России (по материалам записей российских военнопленных Первой мировой войны)»; **В.Х. Назаровой** (МГИК, кафедра русского народно-певческого искусства) «Традиционная культура семейских Забайкалья как предмет исследования», **С.В. Балувеской** (Вологодский государственный университет, кафедра музыкального искусства и образования) «Сольные причитания Нюксенского района Вологодской области: исполнительский аспект»; **Будиловой Марии** (бакалавр ВоГУ) «Фольклор Чучковского сельского поселения Сокольского района Вологодской области в публикациях и исследованиях».

Вторую секцию составили педагоги и магистранты из Беларуси. Доклады были посвящены различным аспектам белорусской традиционной культуры: **Р.М. Ковалёва** (Центр нематериального культурного наследия белорусов) «Нормативная картина мира в белорусских стреченьских песнях»; **Н.Г. Мазурина** (Белорусский государственный педагогический университет им. М. Танка) «Духовный компонент в вариантах белорусских календарно-обрядовых песен»; **И.В. Хомутова** (магистрант кафедры культурологии БГУКИ) «Традиция выпекания гречневого хлеба как историко-культурное наследие Малоритского района». На секции был представлен опыт обучения народной культуре. Так, **Э.В. Щедрина** поделилась тем, как осваивается студентами этнофонии обряд «Тураўскі карагод» деревни Погост Житковичского района Гомельской области (объект нематериального культурного наследия ЮНЕСКО). Живой интерес студентов вызвал доклад **О.В. Белого** (магистра искусствования БГУКИ) «Свет в конце “тоннеля”: к 20-летию первой этнодискотеки Беларуси».

Третья секция начала свою работу с доклада **М.Ю. Новицкой** «Культуросоздающая роль народных традиций в современном образовательном пространстве», содержащего немало концептуальных положений. **И.П. Смержок** (МГИК, кафедра культурного наследия) в своем докладе представила фольклорные туры и их виды; **О.А. Федотовская** (зав отделом музыкального фольклора ДШИ № 4 ВоГУ) поделилась опытом освоения фольклорных традиций младшими школьниками в рамках дополнительного образования; **В.И. Ситников** (МГИК, кафедра культурного наследия) представил уникальные фольклорно-этнографические традиционные наигрыши гармонистов Бельского района Тверской области; **О.Я. Рейма** (кафедра музыкального искусства и образования ВоГУ) рассказала об опыте освоения фольклора в условиях внеучебного объединения регионального вуза.

Четвертая секция была посвящена сербской культуре и ее взаимодействию в русскими народными традициями. **Душко Михайлович** (профессор русского языка в начальной школе, г. Ужице) проанализировал музыкальный фольклор народов Сербии и России; **Марина Шапонич** (профессор русского языка, средняя школа г. Нова Варош) изложила свой взгляд на соотношение народных праздников в России и Сербии; **Катарина Петрович** (профессор русского языка, г. Александровац) говорила о сохранении сербских обычаев, традиций и идентичности сербского народа; **Ксения Радойичич** (профессор русского языка в начальной школе, г. Чачак) представила семей-

ные праздники сербов через народные верования, обычаи и символику; **Йована Бишевац** (студент Юридического факультета Университета, г. Белград) исследовала народную традицию через призму празднования Рождества у сербов; **Милена Дорич** (профессор сербского языка и литературы, г. Белград) раскрыла яркую национальную традицию сербов — Крестная слава как наследие предков и школьная слава Святого Саввы; **Горан Асович** (руководитель Танцевального ансамбля «Голия», г. Нови Пазар) представил сообщение о сохранении традиций Рашской области в фольклоре; **Наташа Мильенович** (профессор сербского языка и литературы в средней школе, г. Штрпце, Косово) поведала о сербских народных обычаях и празднике Лазарице; **Ивана Трайкович** (профессор русского языка в начальной школе, г. Штрпце, Косово) осветила историческое событие («Косова битва»); **Йован Грубо** (юрист, церковь св. Иоанна Крестителя, г. Белград) представил сообщение о развитии у сербов почитания св. Николая Сербского.

Широкий диапазон интересных событий был представлен на конференции помимо работы научных секций. Прежде всего это Круглый стол, посвященный памяти Вячеслава Михайловича Щурова (1937–2020). Прозвучали воспоминания коллег и учеников выдающегося фольклориста. Вступительное слово произнесла Е.Г. Боронина (заместитель заведующего кафедрой культурного наследия МГИК) «О памяти и делах В.М. Щурова»; Е.А. Зайцева (кафедра философии, истории, теории культуры и искусства Московского государственного института музыки им. А.Г. Шнитке) подготовила обзор деятельности мастера, назвав свой доклад «Судьбоносное триединство: В.М. Щуров (1937–2020) в науке, педагогике, исполнительстве»; Д.Н. Щекатурова (кафедра культурного наследия МГИК) рассказала о научном исследовании, выполненном на материале последней экспедиции В.М. Щурова «О новейших записях песен Усёрдской традиции»; В.Н. Никитина (Московская государственная консерватория) подготовила презентацию книги «О Е.Т. Сопелкине и не только...». Прозвучали песни в исполнении студентов кафедры культурного наследия МГИК и В.М. Щурова (в записи).

Многих участников привлек мастер-класс С.Н. Старостина «Былое и думы: фолк-импровизация и не только...». Известный мультиинструменталист, преподаватель кафедры культурного наследия МГИК, размышлял вслух об актуальных ритмах, наигрышах, внутренних процессах и взаимоотношениях.

Еще одной яркой страницей конференции стала встреча с организаторами образовательно-просветительского проекта «Фолк-кемп-2021 на русском Севере» А.А. Разгозиной (МГИК, кафедра культурного наследия) и Г. Лукашевич (творческое объединение «Под облаками»). С большим интересом молодежным «крылом» конференции была встречена презентация нового проекта 2021 г. известного творческого объединения.

Важным событием конференции стал Открытый молодежный мастер-класс (практикум) «Горка на Николу Вешнего» на второй день конференции. Одетые в яркие аутентичные костюмы горошники водили настоящие усть-цилемские игровые и орнаментальные хороводы. Это были бакалавры и магистры кафедры культурного наследия МГИК (готовились к этому событию несколько месяцев), гости усть-цилемской общины, участники аутентичного ансамбля «Невага», затем разыгрывались московские и вологодские хороводы, исполнялись бытовые танцы. Всё было максимально приближено к традиционному празднику.

Е.Г. Боронина

ВЛАДЕЛЬЧЕСКИЕ ЗАПИСИ НА КНИГАХ МОСКОВСКОЙ ПЕЧАТИ ВРЕМЕН ЦАРСТВОВАНИЯ МИХАИЛА ФЕДОРОВИЧА (1613–1645 ГГ.) ИЗ ЧАСТНОЙ КОЛЛЕКЦИИ

Как уже приходилось писать автору этих строк, записи на листах книг допетровской кириллической или, иначе, кирилловской печати являются хоть и кратким по объему, но ценным историческим источником; они имеют давнюю традицию изучения как самостоятельная разновидность письменного источника. На историческом факультете МГУ большую работу по их публикации и изучению на протяжении многих лет проводила И.В. Поздеева, а также коллектив Археографической лаборатории. Владельческие, вкладные, купчие, закладные записи и маргиналии могут содержать информацию, приложимую к самым разным сферам исследовательской активности. Они способны быть источниками как по массовым социальным и культурным процессам, там и по биографиям отдельных личностей, судьбам храмов, монастырей, приходов, библиотек, православных общин. Книги московской печати, изданные в период, предшествующий восстановлению Московского печатного двора при Михаиле Федоровиче, дошли до наших дней, большей частью, в крайне незначительном количестве. Конечно, важна каждая деталь, связанная с производством и бытованием старомосковских кириллических изданий второй половины XVI — начала XVII столетия. Но, несмотря на то, что от времен царствования Михаила Федоровича (1613–1645 гг.) сохранилось гораздо больше экземпляров книг, изданных на Московском печатном дворе, чем за весь предыдущий этап в истории московской печати, а история книгопечатания намного подробнее отражена в приказном делопроизводстве (прежде всего, в делопроизводстве Приказа книгопечатного дела), записи на полях этих изданий также должны считаться ценным источником. В частности, особой информативностью обладают вкладные, владельческие и покупные записи на полях указанных изданий (Володихин, 1993: 80–99; Поздеева, Пушков, Дадыкин, 2001: 9–73; Володихин, 2020: 289–291).

В перспективе было бы чрезвычайно полезно создать единую научную базу записей на полях книг российской печати XVI–XVII столетий в цифровом формате. Это открыло бы поистине необозримые просторы для дальнейших исследований названного источника, в том числе и в том аспекте, который позволяет рассматривать его как массовый. Но это, конечно, чрезвычайно трудоёмкая задача и, надо полагать, ее решение — дело отдаленного будущего, да и то оно станет возможным лишь в том случае, если за нее возьмется крупный научный коллектив.

В силу этого, представляется полезным ознакомить научное сообщество с вкладными записями на двух книгах московской печати времен правления Михаила Федоровича, пребывающих в частной коллекции автора этих строк. Книги были приобретены в 1990-х гг. для использования на семинарах по русской палеографии в качестве учебных пособий, что и происходило вплоть до настоящего времени (2021 г.). Записи в них до сих пор не публиковались. Это *Минея* месяца мая, изданная (в общем ряду годового круга из 12 месячных миней) в декабре 1626 г.¹, и *Триодь* цветная, выпущенная

---

¹ Любопытно, что еще московский печатник начала XVII века Иван Андроникович Невежин самостоятельно разработал и начал реализовывать на практике амбициозный проект — издание 12 миней месячных, т.е. всего годового богослужебного круга. В этом Иван Невежин был новатором. Более того, к отваге печатника следует отнести с почтительным восхищением: он взялся осуществить колоссальную по объему трудов затею, ни один российский мастер «книгпечатного дела» до него не брался за столь масштабный проект. Притом работу Иван Невежин начал в условиях разгара великой Смуты и продолжал,

Московским печатным двором в марте 1640 г. Публикация названных записей — крупинка в общее собрание подобного рода источников; полагаю, на перспективу полезно создание одной общей базы данных, где будут собраны все вкладные, владельческие, покупные, закладные и меновные записи на издания русской кириллической печати Допетровской эпохи.

В каталоге А.С. Зерновой два названных издания числятся под номерами 62 и 149 (Зернова, 1958: №№ 62–149).

Курсивом в публикации даны выносные буквы.

Минея месяца мая 1626 года издания имеет вкладную запись, проставленную скорописью XVII столетия по нижним полям листов 22–35, в правой части разворота. Запись сохранилась без утрат, читается легко:

Лета 7сто35-з[о] (1626/1627 г.) положил сию книгу мес[я]ць маи Павлава м[о]н[а]ст[ы]ря игумень Алимпей, дал вкладу в дом С[вя]тыя Живона...[ча — пропущено в записи, описка]...лныя Троицы и пр[е]п[о]добнаг[о] чудотворца Па[в]ла двенадцет[ь] миней, на мне три миней долгу: июн[ь], июл[ь], августь.

В тексте вкладной записи упомянут один из крупнейших монастырей Русского Севера, а именно Свято-Троицкая Павло-Обнорская иноческая обитель. Ее в начале XV в. основал ученик преподобного Сергия Радонежского св. Павел Обнорский. Игумен монастыря Алимпий или Алипий управлял им в 1616–1632 гг. «Долг» настоятеля, очевидно, возник по той причине, что печатание годового круга миней завершится лишь в 1630 г., и лишь тогда он сможет «добрать» для полноты своего вклада недостающие издания. Обращает на себя внимание и чрезвычайно высокая стоимость вклада (12 миней стоят целого стада коров), и желание вкладчика обеспечить обитель новейшим, притом составляющим цельный, продуманный комплект годового круга изданием. Подобного рода вклады представляют собой свидетельство высокой престижности этого грандиозного издательского проекта, осуществленного Московским печатным двором.

Монастырь в допетровскую эпоху процветал, существовал до 1924 г., при советской власти был закрыт и подвергся разорению. В 1990-х был передан Церкви в тяжелом состоянии, числился на протяжении нескольких лет подворьем Вологодской Спасо-Прилуцкой обители, но уже в 2003 г. обновил статус самостоятельного монастыря. Расположен в Грязовецком районе Вологодской области.

На Л. 219об., на поле, параллельно тексту службы св. Димитрию Угличскому, богослужебная вставка скорописью XVII века:

Припевъ (?). Величаем тя, страстотерпче Хр[и]стовъ ц[а]р[е]в[и]чю Димитрие и чтемъ с[вя]тую память твою, ты бо молишь за нас Хр[и]ста Б[о]га нашего.

(С новой строки) Пс[а]лом “Б[о]гъ намъ прибежище и сила”.

Триодь цветная 1640 года издания имеет обширную вкладную запись со значительными утратами, проставленную скорописью XVII столетия по нижним полям листов, в правой части разворота. Начало записи заклеено, под наклейками видно, что

видя, что накал страстей всё усиливается, что всё новые бедствия обрушиваются на многострадальную Москву, но труда своего не останавливал. Иван Андроникович успел выпустить «Минею» сентябрьскую, октябрьскую и ноябрьскую. «Минея» декабря легла на печатные станки... и тут издание прервалось — то ли в самом конце 1610 г., то ли в начале 1611-го. Москва, бедствующая под властью польско-литовского гарнизона захватчиков, восстала, Смута вышла на пик своей разрушительной силы, и тут России на какое-то время стало просто не до книг... Но идея Ивана Андрониковича не пропала втуне. Позднее, когда Москву очистят от оккупантов и восстановят работу Московского печатного двора, печать годового круга служебных «Миней» начнется заново — летом 1618-го. На осуществление плана Ивана Невежина потребуется двенадцать лет: работы будут завершены лишь 8 июня 1630 г.

надпись начинается на нижнем поле Л. 1., но букв не видно, а с Л.2 по Л.8 видно частично:

...Коз[ьмы] и Д[емь? — (нрзб.)]яна в селе Мяч [кове? (нет уверенности, нрзб.)]... (пропуск утраченных листов) въ 3 д[е]н[ь] положил сию т[риодь? (нрзб.)] к ц[е]ркви с[вя]тых чудотв[орцев? — (срезано, заклеяно)]... (срезано). На Л.9 чистое поле (возможно, часть записи располагалась ниже, под значком сигнатуры 2, и впоследствии была срезана). С Л.10 запись продолжается до Л.15 и уходит под заклейки в гораздо меньшей степени: Поп Федор с сыном с своим д[у]ховным с Ываном Фо... (срезано), и никому *сеи* книги *от* ц[е]ркви с[вя]тых чудо [творцев? — (срезано)] Козьмы и Демьяна не *отнести* и не украсть и своею н[е] назвать своей? — (срезано)]. А кто сию книгу похоч[е]т. На Л.16 чистое поле (возможно, часть записи располагалась ниже, под значком сигнатуры 3, и впоследствии была срезана), далее запись продолжается с Л.17 до Л.25: Или *отнести*, или своею назв[а]ть, да Б[о]гъ его судит во оном веце. А подписал сию книгу я, поп Федор своею рукою. И кто по нас по сей книги имет присно пети и къ Б[о]гу и д[у]ховныя песни воссылати, + помяни ны + хъ Б[о]гу и Пр[е]ч[и]стаи Б[о]горо[д]ицы и всемъ [святым? — (срезано)] нас Б[о]га ради во с[вя]тых своих м[о]литвах. Да Б[о]гъ вас помянет во ц[а]рьствии своем.

Запись представляет пример характерной для XVI—XVII столетий коллективной покупки весьма дорогого издания для последующего пожертвования в храм, т.е. «вклада».

Книга активно использовалась, листы обильно заляпаны воском, изобилует маргиналиями, пробами пера и обрывочными записями. Так, на Л. 27–31 скорописью XVII века, но другим почерком, написано:

Напечатана сия книга в Б[о]гомъ спасаемомъ ц[а]рьствующемъ граде Москве.

На Л.167–174 скорописью XVII века, третьим почерком, написано:

Сия книга, глаголемая Треоть цветная, ли... (запись обрывается).

Л. 642 об., скорописью:

198 (1690) год[у] марта в 2 д[е]нь. А подписаль сию книга(!).

На Л. 646 об. скорописью XVII века выведены отрывки из псалмов 141 и 129.

Остается повторить, что записи, публикуемые в настоящей статье, — крупица от громадного корпуса подобного рода записей на допетровской печатной и старообрядческой печатной книге. Такие записи представляют собой одновременно единичный и массовый источник (зависит от исследовательского подхода), требует больших усилий по собиранию, объединению в общую коллекцию и изучения как традиционными, так и математическими методами.

БИБЛИОГРАФИЯ

Володихин Д.М. Книжность и просвещение в Московском государстве XVII в. М., 1993.

Володихин Д.М. Вкладные и владельческие записи в книгах московской кирилловской печати конца XVI — первой половины XVII столетия из собрания Издательского совета Русской Православной Церкви // «Восстанет цесарь в опустевшей земле»: люди, время и пространство русской истории. К 70-летию профессора Н.С. Борисова. СПб., 2020.

Зернова А.С. Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI—XVII веках. Сводный каталог. М., 1958.

Поздеева И.В., Пушкин В.П., Дадькин А.В. Московский печатный двор — факт и фактор русской культуры. 1618–1652 гг.: от восстановления после гибели в Смутное время до патриарха Никона. М., 2001.

ДУХОВНЫЕ СТИХИ МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ (ИЗ ЗАПИСЕЙ 1990-х)

Основным музыкально-фольклорным жанром современных похоронно-поминальных обрядов в деревне Епихино Шатурского района Московской области, как и во многих регионах России, являются духовные стихи. Они поются поочередно с чтением Псалтири до похорон («пакойника аднаво не аставляли, всё эта вот и читали»), на «девятинки» (девятый день), «сороковой день», «полгода» и на «годину» (год) со дня кончины.

Проведем краткий анализ духовных стихов, записанных в 1997 году фольклорно-этнографической экспедицией Московского педагогического колледжа №12 (руководитель Е.Г. Боронина) в деревне Епихино от Одевалиной М.В. (1924 г.р.). Всего 14 записей. Важно то, что исполнительница пела стихи, помнила мелодию или подбирала ее из имеющегося у нее перечня напевов непосредственно во время записи. Таким образом, были записаны напевы духовных стихов, прежде практически, не фиксированные в Восточном Подмоскowie.

Поэтический текст практически каждого весьма объемён — до ста строф. Исполнялись стихи Марией Васильевной по рукописным тетрадам, составленным ею самой. В течение многих лет она пополняла свои записи. Ко многим текстам давались устные комментарии — так исполнительница высказывала свое отношение к происходящему, сопереживала.

Как же характеризуют духовные стихи жители деревни Епихино? Часть из них определяется ими как «поминальные», таковы стихи: «Ходила царица» («пели ва время паминак»), «Незаметно век проходит» («пают, сидя за сталом, када паминают») и другие. Причем некоторые из них закреплены за определенным днем/днями поминального периода: «Пришли душу посетить» («эт на сороковой денек вечером, када пришли памануть»). Показателен комментарий исполнительницы к духовному стиху «Скоро праздник мой настанет»: «паёца на паминки, када чилавек памрёт, и на 6 недель, и на девятинки, хто год стаит, хто полгода..., на паминках, када время астаницца, што все сидят — вот и пают...».

Хранителями духовных стихов похоронно-поминальной обрядности были женщины старшего возраста (свыше 60 лет). Исполнителей называли «чтеи», «читалки» или «духовные» («кагда саберутца духовныя, ани не абсуждают, што там в мире тварицца, а всё пра Бога пают», а сами стихи — «Божественные песни» или «Божественное» («весь пост пают Бажественнае, а песни и скаромнае — эт нельзя»), иногда коротко скажут — «стишок».

Кроме собственно поминальных выделяется группа духовных стихов, более универсальных относительно ситуации возможного исполнения. Условно их можно назвать «наставительными». Это стихи: «Уж вы, голуби», «Не унывай, душе моя», «Христос выходит с учениками своими» и другие. Звучат они не только в поминальной обрядности, их сфера достаточно широка: на собрании верующих (вне стен храма), во время и после совместных трапез (в праздничные дни, во время поста). Сами «чтеи» определяют это так: «када хошь» («Вот бывала сидели где-та, саберёмся. Ну, давайте спаём. Вот и пели»). Граница между двумя группами духовных стихов условна; определяется традициями, сложившимися в «кусте» деревень, нередко относящихся к одному приходу или прикрепленностью стихов к конкретной ситуации.

Какова же музыкально-стилистическая характеристика духовных стихов деревни Епихино? Мелосторофы чаще всего состоят их двух строк (а, в), которые нередко объединяются в четырехстрочные построения (а, в, а, в1): «Пресветлый ангел мой

Хасподний, / Хранитель ты души маей, / Души маей единароднай, / Будь милостив к душе маей». Стихи с повторяющимся рефреном в деревне Епихино экспедицией 1997 г. не зафиксированы.

Поэтика стиха — в рамках традиции. Часто встречается «былинное» окончание, когда ударение падает на третий от конца слог: «си-за-и», «со-лны-шкым». Тексты окрашены местным диалектным произношением: к примеру, «Видишь, Го-а-спади, пичал(и) маю».

Как уже говорилось, духовные записаны, о которых идет речь, были записаны от Одевалиной Марии Васильевны (1924 г.р., рождена в д. Епихино). Марию Васильевну в деревне называли «Христовой невестой». Она не была замужем, всю жизнь служила при церкви. Со слов односельчан была восприемницей монашки из Вологодского монастыря. Много лет «читала по покойникам» в своей и близлежащих деревнях, считала это своим долгом.

Но, как оказалось, были у Марии Васильевны и другие обязанности: ухаживала она за святым источником Иоанна Предтечи, что находится подле деревни. Круглый год к источнику приходили паломники. Они совершали своеобразное омовение: трижды обливались из ведра святой водой, а тряпицы, которыми вытирались, привязывали к стоящим рядом деревьям. Верили, что так уйдут хвори, печали. В устной форме в деревне передаются предания о чудесах, происходивших после такого омовения.

Сказывала/напевала Мария Васильевна тихим, ровным, спокойным голосом. Метроном — от 82 до 112 (умеренный и умеренно скорый темпы). Некоторые из стихов пела уверенно, без ошибок, видимо исполнялись они достаточно часто («Пресветлый ангел мой Господний», «Уж вы, голуби»), другие разбирала по тетради, припоминала. Помнила, от кого переняла текст и иные подробности: «Ана йиво читала, ни тянула». Свое исполнение Мария Васильевна называла пением: «как йиво пели, так и я».

Мелодическую основу духовных стихов М.В. Одевалиной можно свести к трем основным напевам. Первый — наиболее мелодичный. Распеваемые на него стихи «Уж вы, голуби» и «Не унывай, душа моя» наиболее архаичны, с чертами эпичности. Мелодическая строфа образуется повтором двух сцепленных звеньев. Первое мелодическое звено устремлено вниз, содержит оппозицию опорных тонов с-g, второе звено устремлено к финалису (а) и является, по сути, его опеванием сверху и снизу.

Вторую, самую многочисленную группу духовных стихов можно назвать речитативно-напевной («Христос выходит с учениками своими», «Пресветлый ангел мой Господний», «Здесь узкий, тесный путь тяжелый» и др.). Неширокий волнообразный напев сочетается с элементами речитатива, характерен ход на субсекунду, четкое соотношение звук-слог, минимальные распевы. Мелострофа двусоставная (а, b), одно построение является продолжением и завершением другого.

Третий тип напева — короткая, однотактовая фраза поступенного нисходящего движения (малая терция с субсекундой) («Свет наш тихий и преславный»). Постоянен пунктирный ритм — четверть с точкой на первую долю.

Список духовных стихов и напевов в исполнении М.В. Одевалиной (д. Епихино):

01 На всех светит солнце. Кант. Напев 1.

02 Родился я в городе Риме. (Алексий — Божий человек). Духовный стих. Напев 1. Во второй половине текста переходит на чтение.

03 Незаметно век проходит. Духовный стих. Пели, когда поминали. Напев 3.

04 Крест тяжелый. Духовный стих. Напев 3.

05 Уж вы, голуби. Духовный стих. Пели на поминках. Напев 1.

- 06 Не унывай, не унывай, душа моя. Духовный стих. Пели на помин. Напев 1.
 07 Христос выходит с учениками своими. Духовный стих. Пели, когда собирались на поминки. Напев 2.
 08 Восстань, что спишь? Духовный стих. Чтение.
 09 Не ропщи на суровую долю. Духовный стих. Чтение.
 10 Свет наш тихий и преславный. Духовный стих. Напев 3.
 11 Пресветлый ангел мой Господний. Духовный поминальный стих. Напев 2.
 12 Сходила Царица, сходила Владычица. Кант жизни. Напев 2.
 13 Скоро праздник мой настанет. Духовный стих. Поется на поминках. Напев 3.
 14 Пришли душу посетить. Духовный поминальный стих. Чтение.

Интересно, как исполнительница находит нужный мотив? Она пробует, пропевая-проговаривая текст на наиболее подходящий, с ее точки зрения, напев. Поиск напева духовного стиха «Свет наш тихий и преславный» происходил следующим образом: вначале Мария Васильевна пыталась распеть текст на мотив более широкого построения (напев 2), но через несколько стрóf отказывается: «Нет, не так», — и находит иную мелодическую форму: «Вот на этом мы пели, вот так падайте». На найденный мотив (третий тип) пытается петь следующий духовный стих «Пресветлый ангел мой», но также отказывается и останавливается на напеве второго типа.

В некоторых стихах напев звучит лишь в начальных строфах, затем исполнительница переходит на мелодизированный речитатив, где узнаваемы контуры прежнего напева. Иногда, как пояснение, излагает свое отношение к происходящему: «Счас вот скорби та какия, чё тварится на земле? Эт веть Бох знает што такая!». В конце стиха исполнительница позволяет себе замедление, своеобразное итоговое укрупнение текста.

Итак, музыкальная стилистика духовных стихов в исполнении М.В. Одевалиной сформировалась на основе трех составляющих: восточнославянская эпическая традиция, культура церковного пения и околицерковное элементарное речепение, широко распространенное в наши дни. Соединение этих составляющих с личным опытом исполнительницы позволяет получить те узнаваемые на слух напевы, которые можно назвать современными формами бытования духовных стихов, формами, несомненно, укорененными в традиции.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Духовные стихи. Канты (Сборник духовных стихов Нижегородской области) / Составление, вступительная статья, подготовка текстов, исследования и комментарии Е.А. Бучулиной. М.: Наследие, 1999.
 Федотов Г.П. Стихи духовные (Русская народная вера по духовным стихам) / Вступ. ст. Н.И. Толстого; послесловие С.Е. Никитиной; Подготовка текста и коммент. А.Л. Топоркова. М.: Прогресс, Гнозис, 1991 (Традиционная духовная культура славян / Из истории изучения).
 Щуров В.М. Манера пения вполголоса в русской народной традиции // Звук в традиционной народной культуре. Сборник научных статей. М., 2004.

РОЛЬ ЗВУКОВЫХ АРХИВОВ ВЕНЫ И БЕРЛИНА В СОХРАНЕНИИ ФОЛЬКЛОРА НАРОДОВ РОССИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЗАПИСЕЙ РОССИЙСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ)

Первая мировая война оставила потомкам множество вопросов для осмысления и анализа, множество неразгаданных загадок и малоизученных сюжетов. Одним из таких сюжетов является фольклорное наследие военнопленных Российской империи: в лагерях на территории Австро-Венгрии и Германии в 1915–1918 гг. осуществлялся процесс звукозаписи представителей различных народов, оказавшихся в плену, среди которых были и представители народов России. Инициатива сбора такого интересного этнографического материала принадлежала ученым Австро-Венгрии и Германии, а сохранились эти уникальные фольклорные записи, сделанные более ста лет назад, благодаря деятельности сотрудников звуковых архивов Вены и Берлина — старейших в мире Венского и Берлинского Фонограммархивов.

В Австро-Венгрии ключевую роль в организации и проведении столь необычного гуманитарного проекта в условиях военного времени сыграли известный австрийский антрополог и этнограф Рудольф Пёх и композитор Роберт Лах. По их инициативе для проведения записей была создана специальная Фонографическая комиссия, в работе которой приняли участие 40 известных ученых из Австрийской и Венгерской Академий наук: лингвистов, антропологов, этнологов, музыковедов и востоковедов.

В ходе этого проекта при финансовой поддержке Императорской Академии наук было записано более 200 фонограмм. Фонограммархив Академии, созданный еще в 1899 г. и ставший к тому времени ведущим центром в Европе по собиранию, хранению и научному изучению звуковых материалов по языку, устному народному творчеству и музыкальной культуре народов Европы и других регионов мира, стал базовым учреждением по проведению записей. Он обладал всем необходимым техническим оборудованием, поэтому смог в полной мере содействовать реализации столь масштабного научного проекта. Следует заметить, что австро-венгерские ученые вели записи на восковые диски с помощью «Архив-Фонографа», который был разработан инженерами Фонограммархива Австрийской Академии наук на основе фонографа Томаса Эдисона. По завершению процесса записи восковые диски, анкеты и рабочие материалы передавались в Венский Фонограммархив для надлежащего хранения.

Основу собранных звуковых материалов составили записи военнопленных русских по национальности: только песенный фольклор был записан на 20 восковых дисках. В качестве информантов выступили представители практически всех губерний Российской империи, оказавшиеся в плену.

Благодаря ученым из Венгерской Академии наук, которые обратили особое внимание на представителей родственных народов, количество информантов из числа финно-угорских народов Российской империи оказалось весьма значительным по сравнению с другими национальностями. Так, в числе информантов оказалось 30 военнопленных-удмуртов, 8 коми-зырян и коми-пермяков (Денисов, 2014: 176).

Несомненной заслугой ученых Фонографической комиссии явилось то, что им удалось не только записать, но и расшифровать и самым тщательным образом описать большую часть фольклорных записей военного времени. Целенаправленная работа членов Фонографической комиссии продолжалась и в послевоенные годы: с 1917 г. по 1940 г. были описаны, расшифрованы и изданы в Вене и в Лейпциге коллекции записей военнопленных других национальностей и этнических групп из Российской империи: грузины (Lach, 1928), мегрелы, абхазы, сваны, осетины (Lach, 1931), марийцы (Lach,

1929), мордва (Lach, 1933), башкиры (Lach, 1939), чувашаи (Lach, 1940). Примечательно, что записи чувашей были включены в серию «Финно-угорский фольклор». Расшифровкой и переводом оригинальных записанных текстов на немецкий язык занимались австрийские, венгерские и немецкие ученые. Так, записями удмуртов и коми занимались известные венгерские ученые Бернат Мункачи (удмуртский язык) и Давид Рафаэль Фокош-Фукс (коми-зырянский и коми-пермяцкий языки). В работе Фонографической комиссии участвовали также Антал Клемм и Эрнст Леви (мордовские языки), Эден Беке и Кристин Рор (марийские языки). Для работы по расшифровке тюркских языков были приглашены: Игнац Кунош (татарский язык), Герберт Янский и Таган Галимдшан (башкирский язык), Кааре Гронбех (чувашский язык). В расшифровке языков народов Кавказа принимали участие Роберт Блайхштайнер и Адольф Дирр. Записями военнопленных-украинцев занимался Иван Панькевич, украинский лингвист, этнолог и педагог.

Они транскрибировали тексты песен латинскими буквами; каждая песня снабжалась переводом на немецкий язык. В некоторых случаях тексты писались на языке-оригинале и дублировались на русском языке. Значительная часть песен имеет нотные записи, сделанные композитором Робертом Лахом. В работе австрийского композитора сведения о самих информантах весьма ограничены — там указаны лишь их места проживания до призыва в армию. Но следует отметить, что названия населенных пунктов, волостных центров и уездов многих информантов отражены весьма точно. Дело в том, что уже в 20-е гг. XX века при подготовке рукописей к публикации в качестве консультанта Р. Лаха выступил профессор Венского университета, князь Николай Сергеевич Трубецкой (1890–1938), выдающийся русский лингвист, один из основателей Пражского лингвистического кружка, основоположник фонологической теории. По просьбе членов комиссии он уточнял географические названия населенных пунктов на территории Российской империи, которые на родных языках информантов отличались от официально принятых. Кроме того, Н. С. Трубецкой принимал участие в расшифровке текстов некоторых песен, исполненных на русском языке (Lach, 1926, 27).

Представленные в фондах Фонограммархива Австрийской Академии наук звуковые и рукописные материалы могут представлять огромный интерес для современных исследователей. В наших звуковых архивах вряд ли возможно найти записи носителей многих языков РФ такого высокого качества, датированные началом XX в. Заслуга ученых Австро-Венгрии состоит в том, что им удалось записать, расшифровать и сохранить уникальное историко-культурное наследие многих народов мира, в том числе финно-угорских народов России.

В конце 2018 г. в Фонограммархиве Австрийской Академии наук завершился проект по полному изданию записей военнопленных 1915–1918 гг. под названием «*Displaced Voices*» («Открытые голоса») (Sound Documents..., 2018). Вся серия этого издания, получившая 17 порядковый номер, состоит из 6 комплектов по 3 CD и приложения к ним буклета с описанием в каждом комплекте. В материалах представлены записи следующих народов:

1. Армяне, евреи, латыши, литовцы;
2. Финно-угорские народы: мордва, эстонцы, финны, коми (коми-пермяки и коми-зыряне), марийцы, удмурты;
3. Русские, украинцы;
4. Тюркские народы (татары, ногайцы и др.);
5. Грузины, авары, евреи (кавказские), осетины, сваны;
6. В эту же серию были включены записи информантов-итальянцев.

Звуковые материалы сопровождаются оригинальными сопроводительными протоколами (т.е. оригинальной письменной документацией), опубликованными на диске в

цифровой форме. Каждая звукозапись снабжена текстовой транскрипцией, которая помогает облегчить понимание ее содержания, поскольку некоторые из них часто трудно воспринять и понять в силу низкого качества звучания. Приводятся также переводы оригинальных текстов на английский язык. К работе по расшифровке и переводу звуковых и рукописных материалов с языков-оригиналов на английский привлекалась большая группа международных экспертов по тем языкам, которые были записаны австро-венгерскими учеными в 1915–1918 гг.

Сама структура расположения этого издания на диске — запись звука на компакт-дисках, важная информация (комментарии, транскрипции) и дополнительные материалы (оригинальные протоколы и анкеты) — гарантируют не только полный доступ к акустической записи, но и использование ее в исследовательских целях.

Берлинский Фонограммархив был создан в 1900 г. и первоначально входил в состав Психологического института Берлинского университета. Директором института и одновременно первым руководителем этого звукового хранилища был профессор Карл Штумпф (1848–1936), немецкий философ, психолог и музыковед, который внес значительный вклад в изучение психологии музыки. Вместе со своим учеником, известным впоследствии немецким музыковедом Эрихом Хорнбостелем (1877–1935), он основал берлинскую школу сравнительного музыкознания. Его исследования традиционной музыки народов мира заложили основы современной музыкальной этнографии. Для серьезных научных исследований необходима была эмпирическая база, поэтому Берлинский Фонограммархив приступил к собиранию музыкальных записей разных народов мира. В настоящий момент архив является частью Берлинского Этнологического музея.

Самой большой по объему и значительной по содержанию является коллекция № 238: она объединяет записи военнопленных из России, собранные Королевской Прусской Фонографической комиссией в 1915–1918 гг. в лагерях на территории Германии. Эти записи, хранящиеся на 985 валиках, представляют собой музыкальные и фольклорные материалы 15 народов и этносов, проживавших на территории Российской империи.

Инициатором этого масштабного проекта выступил Вильгельм Дёген, известный немецкий ученый-филолог и педагог, будущий основатель Берлинского звукового архива (Лаутархива). А все организационные вопросы были возложены на созданную в 1915 г. Германским министерством культуры Королевскую Прусскую Фонографическую комиссию. Целью комиссии была запись материалов, интересных в этнографическом и лингвистическом плане. Комиссия состояла из 40 известных ученых (лингвистов, этнологов, музыковедов, востоковедов) и возглавлял ее профессор Карл Штумпф. Записи проводились непосредственно Карлом Штумпфом и его помощником Георгом Шюнеманом (1884–1945), музыковедом и педагогом. В период с 1915 г. по 1918 г. комиссия записала 2000 военнопленных из различных регионов мира в 32 лагерях Германии.

Среди военнопленных из Российской империи были представители разных национальностей: в таблице 1 приводится список тех национальностей, которые были записаны немецкими учеными (Денисов, Денисова, 2014: 673).

Таблица 1

№	Национальность	Кол-во записей	№	Национальность	Кол-во записей
1	Русские	106	9	Чуваши	11
2	Украинцы	61	10	Марийцы	9
3	Татары	61	11	Эстонцы	6
4	Немцы- колонисты	38	12	Зыряне	5

5	Армяне	31	13	Литовцы	4
6	Евреи	31	14	Башкиры	4
7	Мордва	16	15	Азербайджанцы	3
8	Удмурты	12			

Впоследствии часть этих записей была расшифрована и дополнена переводами на немецкий язык, но материалы, относящиеся к записям военнопленных из России, в большинстве своем так и не были опубликованы. По количеству самыми многочисленными являются русские записи, их в коллекции насчитывается 106. Доподлинно известно, что они включают как песенный, так и музыкальный материал. На основании предварительного анализа рукописных данных можно сделать вывод о жанровом многообразии русского песенного фольклора: здесь присутствуют любовные и свадебные песни, солдатские и матросские, рабочий фольклор, страдания, плачи, разбойничьи и тюремные песни, исторические песни, былины, духовные песнопения, песни периода Русско-японской войны 1904–1905 гг. Они звучат в сольном, дуэтном и хоровом исполнении, иногда под аккомпанемент музыкальных инструментов. Есть в коллекции всем известная «Коробочка», которую исполняет хор в сопровождении балалайки, а также несколько вариантов исполнения молитвы «Отче наш». В одном из лагерей из пленных офицеров российской армии был создан оркестр народных инструментов.

Большая часть фольклорных образцов имеет сопроводительные документы, так называемые метаданные, которые содержат информацию об исполняемом произведении, месте записи, возрасте, профессии, вероисповедании и месте проживания исполнителя, хотя в некоторых документах эта информация неполная. Достоверно известно, что среди военнопленных были уроженцы Тамбовской, Саратовской, Костромской, Орловской, Симбирской и Томской губерний. К оригиналу, заполненному в момент проведения записей, прикладывался перепечатанный позднее образец сопроводительного листа. Подобные анкеты на каждого информанта позволяют найти достаточно подробную информацию об участниках записей того времени и служат самостоятельным источником для реконструкции биографий солдат и офицеров Российской империи, оказавшихся в германском плену.

Русские коллекции Берлинского Фонограммархива в большинстве своем слабо изучены и практически не расшифрованы. Существенную помощь в их изучении может оказать знакомство с описанием фонда записей на восковых валиках Берлинского Фонограммархива. Это описание было сделано главной хранительницей исторических коллекций архива Сюзанной Циглер и представлено в ее монографии «Восковые валики Берлинского Фонограммархива», изданной в 2006 г. (Ziegler, 2006). В нём представлен подробный перечень музыкальных и фольклорных материалов по каждой русской коллекции и имеется краткая информация о собирателе, времени и месте записи. Эти бесценные материалы могут стать репрезентативной источниковой базой для лингвистических, исторических, этнологических, культурологических и музыковедческих исследований, и они ждут своих исследователей.

В конце 1990-х гг. исторические звуковые коллекции обоих звуковых хранилищ были признаны уникальным культурным наследием, представляющим огромную ценность для всего человечества, и включены в программу ЮНЕСКО «Память мира» («Memory of the World»)¹. Тем самым отдается должное трудам как исследователей, так и самих информантов — участников уникального гуманитарного проекта военного времени.

¹ Одной из основных целей программы ЮНЕСКО «Память Мира» является создание условий для сохранения документального наследия человечества. Подробнее об этой программе см. <https://en.unesco.org/programme/mow> (Дата обращения 1.06.2021)

Сейчас, когда прошло более 100 лет с момента проведения записей, становится очевидным, что материалы, собранные учеными Австро-Венгрии и Германии, являются бесценным историко-культурным наследием многих народов мира. Фольклорные и рукописные материалы из архивов Вены и Берлина могли бы также стать ярким и уникальным дополнением российских музейных выставочных экспозиций, посвященных участию России в Первой мировой войне.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Денисов В.Н. История одного «невоенного» проекта: фонографические и грамофонные записи военнопленных-удмуртов в 1915–1918 гг. в Австро-Венгрии и Германии // Удмуртский край в годы Первой мировой войны. Ижевск. 2014. С. 171–185.
- Денисов В.Н., Денисова О.А. «Невоенный» проект военного времени: опыт фонографических записей военнопленных из России в лагерях Германии в годы Первой мировой войны // Россия в годы Первой мировой войны, 1914–1918: материалы Междунар. науч. конф. (Москва, 30 сентября — 3 октября 2014 г.). М., 2014. С.672-674.
- Lach R. Gesänge russischer Kriegsgefangener. I B. Finnisch-ugrische Völker. 1. Abteilung. Wotjakische, syrjänische und permiakische Gesänge. Transkription und Übersetzung der wotjakischen Texte von Prof. Dr. Bernhard Munkácsi, der syrjänischen und permiakischen von Dr. Raphael Fuchs, Wien; Leipzig. 1926. 135 S.
- Lach R. Gesänge russischer Kriegsgefangener: I. Band: Finnisch-ugrisch Völker: 3. Abteilung: Tscheremissische Gesänge: Transkription und Übersetzung der tscheremissischen Gesangstexte ins Ungarische von Dr. Beke Oedoen, Übersetzung der Texte aus dem Ungarischen ins Deutsche von Dr.Christine Rohr. Published by Hölder-Pichler-Tempsky A.G., Wien, 1929. 186 S.
- Lach R. Gesänge russischer Kriegsgefangener. III Band: Kaukasusvölker. 1. Abteilung: Georgische Gesänge. Transkription und Übersetzung der georgischen Text von A. Dirr. Wien; Leipzig, 1928. 253 S.
- Lach R. Gesänge russischer Kriegsgefangener. III Band: Kaukasusvölker. 2. Abteilung: Mingrelische, abchasische, swanische und ossetische Gesänge. Transkription und Übersetzung der Text von Robert Bleichsteiner. Wien; Leipzig, 1931. 63 S.
- Lach R. Gesänge russischer Kriegsgefangener. I Band: Finnisch-ugrische Völker. 2. Abteilung: Mordwinische Gesänge. Transkription und Übersetzung der mordwinischen Originalliedertexte von Prof. Dr. Ernst Lewy in Berlin. Wien; Leipzig, 1933. 117 S.
- Lach R. Gesänge russischer Kriegsgefangener. II Band: Turktatarische Völker. 2. Abteilung: Baschkirische Gesänge. Transkription und Übersetzung der baschkirischen Originalliedertexte von Privatdozenten Dr. Herbert Jansky in Wien in Verbindung mit Dr. Tagan Galimdschan. Wien; Leipzig, 1939. 121 S.
- Lach R. Gesänge russischer Kriegsgefangener. I Band: Finnisch-ugrische Völker. 4. Abteilung: Tschuwaschische Gesänge. Transkription und Übersetzung der tschuwaschischen Originalliedertexte von Dr. Kaare Gronbech. Wien; Leipzig, 1940. 147 S.
- Munkácsi B. Volksbräuche und Volksdichtung der Wotjaken. Aus dem Nachlasse von Bernhard Munkácsi. Herausgegeben von D. R. Fuchs, Helsinki, 1952. 715 S.
- Sound Documents from the Phonogrammarchiv of the Austrian Academy of Sciences. The Complete Historical Collections 1899–1950. Series 17/1-6. Recordings from Prisoners-of-War Camps, World War I. Finno-Ugric Recordings. General Information. / Introductory notes, transcriptions and comments // Edited by G. Lechleitner, Ch. Liebl, U. Remmer. Transcriptions, translations and comments: N. Aasmäe, V. Agkinskas, J.-M. Aronen, I. Baldauf, L. Būgienė, V. Denisov, J. Dum-Tragut, A. Eidherr, A. Erkomaishvili, I. Kharissov, G. Klumpp, N. Kuznetsov, B. Lange, C. Linich, N. Lomidze, L. Moskalenko, B. Pollak, A. Pütelis, U.

Remmer, M. Saladze, E. Seroussi, T. Todesk, E. Vedernikova (with the collaboration of N. Pärtin and N. Vasiliev), R. Žarskienė. OEAW PHA CD 42. Vienna, 2018. 12 p.
Ziegler S. Die Wachsylinder des Berliner Phonogramm-Archivs. Ethnologisches Museum. Staatliche Museen zu Berlin — Preußischer Kulturbesitz, 2006., 512 s.

ИСТОРИКО-ФОЛЬКЛОРНЫЕ ИСТОКИ ОБРАЗА ПРЕКРАСНОЙ ПУСТЫНИ В ЛИРИКЕ Н. РУБЦОВА

Поэт Николай Рубцов, период творческой активности которого приходится на 60-е гг. XX столетия, — один из влиятельных писателей не столько в области чистой литературы, нередко изящной и отвлеченной, сколько в словесности, затрагивающей вечные бытийные вопросы и одновременно выражающей напряженный поиск русской общественной мысли позднего СССР. Именно поэтому так важно выявить в его творчестве исторический контекст и фольклорные истоки, проследить путь рецепции через стихотворения Рубцова устного народного творчества в рафинированную книжную культуру, притом в те ее художественно-философские элементы, которые стали заметным элементом идеологии «русской партии» — общественного движения русских почвенников, оформившегося в период 1965–1971 гг.

Художественные образы поэзии Николая Рубцова возникли не из причудливых узоров фантазии. Их основа — конкретная историко-фольклорная и литературная традиция. Одним из ее ключевых понятий является понятие идеального пространства. Как, какими средствами оно определяется в стихотворениях Н. Рубцова? Ответу на этот вопрос и посвящена статья.

В фольклорной и литературной традиции идеальное пространство возникает, как правило, из особой аксиологической устремленности к преодолению бытового осмысления событий. Так реализуется фольклорный принцип двоемирия.

В лирике Николая Рубцова ночному омуту, втягивающему в свои непознанные глубины всё живое и привычное, противопоставлено, защищая человека от неведомых угроз, теплое и светлое место — пространство жилой комнаты, в которой, как правило, горит в печи огонь. Косвенным образом такая параллель прослеживается в «Осенних этюдах». В первой части, предваряющей описание страшной встречи, создается поэтическая зарисовка, наполненная умиротворением и сказочной неторопливостью:

*Огонь в печи не спит,
перекликаясь
С глухим дождем, струящимся по крыше...
А возле ветхой сказочной часовни
Стоит береза старая, как Русь... (Рубцов, 2006: 381)*

Противопоставление темного природного мира и светлого жилища человека наблюдается в стихотворении «На ночлеге»:

*Лошадь белая в поле темном.
Воет ветер, бурлит овраг,
Светит лампа в избе укромной,
Освещая осенний мрак (Рубцов, 2006: 360).*

Одна единственная лампа освещает и «поле темное» и «осенний мрак». Если она погаснет, мир погрузится уже в полную неизвестность и темноту, в древний, мифологический «хаос». В другом стихотворении, «Зимовье на хуторе», такое противостояние кажется почти неравным — ночной омут вот-вот поглотит слабый участок света, кладбищенский «ужас ночи» приближается к человеку вплотную:

*И вдруг очнусь — как дико в поле!
Как лес и грозен, и высок! (Рубцов, 2006: 426)*

И все-таки лирический герой чувствует себя защищенным:

*Сердце стынет
В такую ночь. Но всё равно
Мне хорошо в моей пустыне,
Не страшно мне, когда темно.*

*Я не один во всей Вселенной.
Со мною книги, и гармонь,
И друг поэзии нетленной —
В печи берёзовый огонь... (Рубцов, 2006: 426)*

Огонь в печи, лампа, книги и гармонь — образуют особое художественное измерение, приближенное по своему значению к фольклорной идеальности мира. Тихий, упорядоченный быт, налаженный за стенами избы, отстоит от страшного вихря ночной непогоды. Создается своего рода личная «пустыня» лирического героя, огражденная от нападения враждебной человеку силы неярким светом и теплом.

Подобный принцип разделения пространства на «свое» и «чужое» свойственен фольклорному сознанию. В славянской мифологии лес — это «локус, наделенный признаками удаленности, непроходимости, необъятности, сближаемый с “тем светом” и понимаемый как место обитания хозяина леса и других мифологических существ (русалок и т.д.), а также как пространство небытия (наряду с морем и горами). Лес противопоставлен дому/двору/саду в рамках оппозиции “чужой” — “свой”» (Агапкина, 1999: 97). Такие же свойства определяют и образ болота. Чужеродное, отдаленное от человека, пространство леса и болота одновременно противопоставлено и далекому «иному царству».

В ряде фольклорных текстов «лес напрямую связывается с «тем светом» и смертью» (Там же). Следовательно, лес и болото — «тот свет» — заключает в себе небытие, тогда как вневременность сказочного «иного царства» вбирает признаки живой вечности.

Константа, возникающая в противопоставлении «укромной избы» и пугающего «ужаса ночи» обобщается здесь до уровня универсальной оппозиции «жизнь — смерть».

При этом внутри оппозиции существуют свои смысловые нюансы и противопоставления: важно, что укромная изба — это не просто некоторый деревянный дом, но именно дом лирического героя, его личное жилище, которое соответствует состоянию души. Если светло в душе, то светло и в доме, и, напротив, неустроенность внутреннего мира приводит к открытости и незащитности перед холодом и темнотой мира внешнего. Неслучайно, родной дом — очаг жизни — в стихотворении Н. Рубцова отождествляется со спасительной пустыней: «Мне хорошо в моей пустыне». Имеется в виду не обычная замкнутость пространства, обособленность от людей, но сердечная сосредоточенность, пустыня внутреннего мира.

В фольклорной традиции прослеживаются два разных типа пустыни. С одной стороны, прекрасная пустыня — традиционный образ духовных стихов, а с другой стороны, болото, которое тоже может быть названо пустынным местом. Так вновь проявляется, несмотря на сходство некоторых внешних свойств, бытийное различие духовных реалий. И одно, и другое пространство — пустынное, обособленное от человека,

однако направленность их энергии противоположна: в первом случае — к жизни, во втором — к смерти.

В духовных стихах пустыня связана с «пустынным житием», которое противостоит повседневной суете. Уединяясь, подвижники совершают в пустыне особые, невидимые миру, подвиги. Для этого вовсе не обязательно куда-то далеко ехать: пустыня может быть и внутренней. И.В. Поздеева в книге «Кому поведем печаль мою...» рассказывает о традициях верхокамской старообрядческой общины, полноправным членом которой «мог быть только человек, исполняющий монашеский устав и соблюдающий многочисленные запреты» (Поздеева, 2007: 29). Хотя внешне, физически, такой человек и оставался в миру, но внутренне, духовно, пребывал в «незримой пустыне». Подобная религиозная направленность жизненного уклада, безусловно, сформировала особый тип сознания, определяющий художественные образы духовных стихов. Константа, основу которой составляет аксиологический принцип различения внешней и внутренней пустыни, пронизывает не только поэтику духовных стихов, но и многие сюжеты русской литературы. Причудливое сочетание разных типов пустыни создает в художественных произведениях новые смыслы. Так, можно долгие годы беспечно пребывать в уединении, душой соединяясь с мирским, а можно и в миру быть в пустыне, искать и обрести высшую правду.

О пустынном жителстве повествуется во многих духовных стихах, что свидетельствует о важности темы: «Уж полно тебе, человек, в мире жити...», «О прекрасная пустыня, и сам Господь пустыню похваляет...», «Прекрасная мати-пустыня, любезная моя дружина...», «Прими мя, пустыня...», «Монастырь верхней издавна стоит...» и др.

Можно было бы предположить, что истинное или ложное уединение формирует духовный «облик» пустыни, и тем самым человек определяет ее смысл. Однако в духовных стихах раскрывается иная, небесная, реальность, в которой происходит всё наоборот: сама пустыня учит, направляя человека к благу, разумеется, не без его желаний:

О прекрасная пустыня!

Прими мя, яко мати свое чадо,

Научи мя на все благо, — говорится в духовном стихе (Кому поведем печаль мою, 2007: 194).

Это происходит не случайно, ведь пустыня содержит Божественное измерение:

О прекрасная пустыня!

И сам Господь

пустыню похваляет.

Отцы в пустыни ся скитают,

И ангели отцем помогают.

Апостоли отцев

ублажают

Пророцы прославляют,

И мученицы величают,

И вси святии похваляют!

Отцы в тебе ся скитают (Кому поведем печаль мою, 2007: 193).

Ничего общего с пустынным местом она не имеет. Напротив, в пустыне обильно произрастают цветы и деревья, в ветвях, весело порхая, поют райские птицы, всё овеяно небесным светом и радостью:

*Древа в пустыни процветают,
И птицы к деревьям прилетают.
На кудрявые ветви поседают
И красные они песни воспевают* (Кому повем печаль мою, 2007: 193).

Или:

*Во прекрасной ли во пустынюшке,
во зеленой во дубравушке,
Как прекрасен сад:
при реке древа, при древах етех
мелки пташечки,
Они райские поют песенки,
утешают же они
иноков монастырских* (Кому повем печаль мою, 2007: 174).

Мы видим, что «во всех стихах воспевается красота нетронутой человеком природы, поэтические образы которой близки к описаниям Рая и создают впечатление единства духовной и внешней жизни пустынника» (Поздеева, 2007: 29). Именно цельность внутреннего и внешнего образует константу фольклорной идеальности мира в духовных стихах. Мирская жизнь расщеплена грехом.

В лирике Н. Рубцова своего рода «пустыня» образуется в ночное время, когда мир оказывается разделенным на неприютную темноту леса, болот и полей и на то, что за окном: небольшое пространство света и тепла. Если вне дома бушует ветер или воет вьюга, в канавах бурлит вода, безжизненно леденеют поля, то внутри — наблюдается тишина и душная гармония: разложены книги, в печь подброшены березовые дрова. Конечно, в отличие от прекрасной пустыни духовных стихов, которая напрямую связана с чудом, вбирает в себя невидимое, небесное измерение, образ избы лишен таких высоких, запредельных, смыслов. И все-таки, ограждая от непознанной, а потому и страшной ночной темноты, изба также по-своему содействует спасению души. Божественные атрибуты духовных стихов замещаются поэтическими символами. Если в пустыне присутствует Бог, святые, ангелы, райские птицы, то в избе — книги и гармонь, в печи березовый огонь. Книги и гармонь, берёзовый огонь свидетельствуют об особенностях внутреннего мира лирического героя, ведь именно он принес и разложил эти предметы, обустроил свое личное пространство; как и в духовных стихах, светлое место не может образоваться само по себе, но является результатом сердечной расположенности, приводящей к определенным поступкам.

Особое значение в духовных стихах обретает категория прекрасного. Она прилагается к ограниченному числу объектов. Это рай и пустыня, иногда сад в пустыне и, конечно, Иосиф Прекрасный. Всё прекрасное этически совершенно. Прекрасное противопоставлено прелестному и злему: прекрасная мати-пустыня, где спасается человек, противопоставлена прелестному, злему и грешному миру. В лирике Н. Рубцова категория прекрасного реализуется в трех значениях: с одной стороны — это что-то красивое, но абстрактно-далекое (сны Венеции, пальмы юга, далекая страна), с другой — конкретные проявления живой природы (восход солнца, весна, голубое небо, листопад). Соединяясь, разрозненные явления природы образуют прекрасный «образ мира». Прекрасное, понятое как принцип, как основа всего мироздания, составляет третье значение этой категории. Приведем примеры.

Словосочетание «образ прекрасного мира» стало в лирике Н. Рубцова константой:

*Сей образ прекрасного мира
Мы тоже оставим навек.
Но вечно пусть будет все это,
Что свято я в жизни любил:
Тот город, и юность, и лето,
И небо с блуждающим светом
Неясных небесных светил... «Тот город зеленый...» (Рубцов, 2006: 238).*

Или:

*И все ж прекрасен образ мира,
Когда в ночи равнинных мест
Вдруг вспыхнут все огни эфира,
И льется в душу свет с небес... «Уже деревня вся в тени...» (Рубцов, 2006: 316).*

Образ прекрасного мира отсылает нас к прекрасной пустыне духовных стихов. К особому измерению, в котором «город, и юность, и лето / и небо с блуждающим светом» (Рубцов, 2006: 238) пребывают вечно.

Оппозиция родного дома, который отождествляется со светлым миром души, и омота ночи, враждебного человеку, возводится до универсального противопоставления жизнь — смерть. Константа Рубцова «образ прекрасного мира» по своему онтологическому значению восходит к прекрасной пустыне духовных стихов, чудесному инобытию, которое противостоит болоту, пустынному месту «Осенних этюдов», выражающего полное небытие.

Такие духовно-нравственные установки, оформленные не по партийным лекалам социалистической литературы, но обращенные к народным истокам, православным по своей сути, соответствуют направлению общественной мысли представителей «русской партии». Например, Валерий Ганичев в очерке «Оптина» вспоминает: «Так же и Москва, куда в 60-м году я приехал, вливала в меня частицы света. Внимательные и добрые люди приглашали в поездки и экскурсии в старинные русские города, рассказывали о сокровищах Древней Руси, водили по полуразрушенным и величественным храмам. В кругу чтения появились книги о Боге, о святых отцах, о святых местах...» (Ганичев, 1998). Тот же самый процесс духовного переосмысления и преобразования транслируют и стихотворения Николая Рубцова. Мы намеренно выбрали те стихотворения, в которых напрямую о разрушенных храмах и печали по русской старинной жизни почти не говорится, тем нагляднее видно, что даже такие нейтральные, казалось бы, образы, как темная ночь, ветер, грозный лес, светлая изба с печкой, прекрасное раздолье окружающего мира, — содержат в своей основе народное православное мирозерцание, и поэтические реалии гармонично вбирают художественное измерение и мотивный комплекс духовных стихов.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Агапкина Т.А. Лес // Славянские древности: этнолингвистический словарь: В 5 т. Т.3: К — П / Под ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 1999.
- Ганичев В.Н. Оптина // По своей земле хожу, 1998. 15.09: <http://ganichev.voskres.ru/index.htm#dp16> (Дата обращения 15.09.2021).

Поздеева И.В. Кому повею печаль мою. Духовные стихи Верхокамья: исследования и публикации. М.: Данилов ставропигиальный мужской монастырь, 2007.
Рубцов Н.М. Сочинения. М.: Российский писатель, 2006.

О НОВЕЙШИХ ЗАПИСЯХ ПЕСЕН УСЁРДСКОЙ ТРАДИЦИИ (По определению В.М. Щурова)

На территории Белгородской области сложилась устойчивая и узнаваемая музыкальная традиция. В связи с этим актуальным становится доскональное изучение локальных местных стилей. В данной статье мы предполагаем пребывание Усёрдской песенной традиционной культуры в междуречье Тихой Сосны и Оскола.

В сборнике В.М. Щурова «Уж ты, Порошка, Параня», автор определяет эту территорию от сел Казацкое и Стрелецкое, которые расположены на месте бывшего города Усёрд, который перестал играть административную роль уже в XVIII в. (Щуров, 2013в: 3).

Так же, предположительно, сюда входят села: Малобыково, Иловка, Подсерднее, Афанасьевка, Нижняя Покровка, Верхняя Покровка, Прудки. Продолжение этой традиции очевидно мы находим в Воронежской области Россошанский район село Татарино.

Такая гипотеза требует подтверждения. Именно эту цель преследовала экспедиция 2019 г. под руководством В.М. Щурова в Красногвардейский район Белгородской области, в г. Бирюч (бывш. Буденный, затем Красногвардейск)

Бирюч — слово, имеющее татарское происхождение. Во времена татарских набегов XVI–XVII вв. здесь татарам противостояла русская сила. Через этот населенный пункт пролегла дорога — Кальмиусская сакма, которую проложили татары¹. Здесь проходил один из главных рубежей защиты Московского государства в рамках Белгородской засечной черты.

«Белгородская засечная черта — это укрепленная линия на юге Русского государства, на путях вторжений крымских и ногайских татар. Созданная в середине XVII века, она включала в себя города-крепости, разнообразные инженерные сооружения из земли и дерева, а также естественные, природные препятствия для татарской конницы: леса, реки, болота» (Загоровский, 1968: 2).

Сегодня это один из центральных районов Южнорусской народной музыкальной традиции. В этом месте находится территория, по мнению В.М. Щурова, Усёрдской традиции. Здесь был расположен военный сторожевой город Усёрд в XVII в. Вокруг города возникли слободы, где жили полувоины-полуземлепашцы.

В монографии «Южнорусская песенная традиция» В.М. Щуров отмечает, что заселение южнорусского пограничья осуществлялось двумя путями: административным и вольным. «Ратные люди» (относящиеся к административной колонизации) должны были строить оборонительные линии и отражать набеги врага. «Вольных колонистов» привлекали плодородие и обилие земель в южнорусской степи (Щуров, 2013б: 29).

Ногайские и крымские татары совершали разорительные набеги на русские земли. Укрепления Белгородской засечной черты преграждали путь татарской коннице.

Необходимо отметить, что на сегодняшний день сохранились остатки укреплений Белгородской засечной черты у сел Подсерднее и Малобыково.

Для определения характерных черт местной традиции необходимо обратиться к музыкально-этнографическим особенностям. В своем труде «Стилевые особенности

---

¹ В годы царствования Иоанна Грозного открыта была новая дорога крымцев через Кальмиус и Донец, под Гребенниковыми горами между реками, из которых одни по правую сторону впадают в Дон, а по левую в Донец. Эта дорога и получила название «Кальмиусский шлях» или «Кальмиусская сакма».

русской народной музыки» В.М. Щуров отмечает, что для обнаружения местных свойств народной традиции необходимо обратить внимание на форму бытования народных песен и инструментальных наигрышей. Под вышесказанным автор понимает отличительные нюансы обрядов, сопровождающимся пением, а также привычные для данного района условия исполнения песен (Щуров, 2013а: 29).

Этой традицией всерьез занимался В.М. Щуров. Песенный и инструментальный материал запечатлен в его сборниках «Белгородское Приосколье» (вып. 1–3), монографии «Южнорусская песенная традиция», брошюре «Ефим Сапелкин и его ансамбли». Так же этой традицией занимаются Г.Я. Сысоева, Е.Г. Боронина, И.Н. Карачаров и др.

Экспедиция 2019 г. в Белгородскую область была предпринята с целью подтвердить предположение о достаточно широком ареале Усёрдской традиции. А для этого необходимо было найти аналогию в репертуаре и стилистике песен сёл Казацкое, Малобыково и других сел предположительно Усёрдской традиции.

В селе Казацкое песенная культура долгое время оказывалась за пределами внимания собирателей. Здесь проживал большой мастер игры на двойной жалейке (писчихах) Марк Васильевич Сычев. К нему и приезжали собиратели.

Отметим, что на данной территории уже была осуществлена экспедиция Московской консерватории под руководством Т.А. Старостиной. Записи производились от старейших жителей села. И они оказались малопримечательными.

Но в 2019 г. собиратели встретились со слаженным фольклорным коллективом. Исполнители были в возрасте 50–60 лет. Объяснением тому может служить тот факт, что в 1970-х гг. здесь находился детский фольклорный коллектив, с которым работали местные клубные работники.

И очевидно, бывшие участники и близкие по возрасту составили ансамбль, от которого была записана программа.

В селе Малобыково в 1965 г. существовал детский хор при средней школе, которым руководил учитель истории А.Т. Хорыбин. Это был человек, не имевший музыкального образования, но любивший и ценивший народную песенную культуру, обладавший неплохим голосом и игравший на баяне (чрезвычайно одаренный музыкально).

Впоследствии он долгое время выполнял обязанности руководителя отдела культуры Красногвардейского райисполкома, а также консультантом и участником документальных кинофильмов, таких, как «Вселиственный венок» и «О чём плачет жалейка» режиссера-документалиста Ф. Ряполова. Но след педагогической работы А.Т. Хорыбина 1960-х гг. сказался и на современном состоянии народного искусства в этом селе.

В ансамбле села Малобыково принимают участие бывшие певцы детского школьного хора, которым руководил Александр Тихонович.

Одна из исполнявшихся даже в прямом эфире телевизионном эфире песен: «Поиграйте гусли мысли — позабавьте гостя».

В видеозаписи экспедиции 2019 года в этом примере видны различные художественные проявления в искусстве песельников:

1) Многоголосное ансамблевое пение, где голоса разделяются на ведущий нижний и подголосок верхний.

2) Характерная пляска с использованием приема, который здесь называется «пересек». Когда одни выбивают равномерную ритмическую фигуру, а другие пересекают, выполняя дробный ритмический рисунок.

3) Характерный костюм «панёвного типа» (разноцветная шерстяная панёва, шерстяная юбка с преобладание оранжевых и зеленых цветов). Следует отметить, что этот костюм эффектно выглядит на фоне зеленой травы и белоснежных глинобитных хат (такова традиционная местная архитектура).

4) И по характеру и даже по напеву эта песня близко напоминает афанасьевский «шлягер» «Уж ты Порушка, Параня».

Это так же свидетельствует о существовании обширной по территории Усёрдской традиции.

В 1965 г. В.М. Щуров, тогда молодой специалист, слышал выступление этого коллектива в Ростове, на всероссийском смотре народного творчества. Тогда его впервые услышали московские собиратели. На том выступлении «гвоздем» программы были частушки «Цымля-цымля-цымля-ля»

И по просьбе участников экспедиции 2019 г. малобыковский ансамбль исполнил эти частушки.

В репертуаре участников ансамбля села Казацкое оказались песни, записанные в селах бывшей Усёрдской традиции, что еще раз подтверждает ее реальное существование, предположительно определенное В.М. Щуровым.

Одна из таких песен — «Закатилось за горушку солнышко». Она и по напеву близка афанасьевскому варианту, и по словам почти полностью совпадает с ним. Встретились и другие песни, бытующие в «усёрдских» сёлах.

Таким образом, в результате экспедиции 2019 г. появились дополнительные доказательства достаточно широких масштабов Усёрдской традиции и ее характерных черт.

БИБЛИОГРАФИЯ

Загоровский В.П. Белгородская черта. Воронеж, 1968.

Щуров В.М. Стилевые основы русской народной музыки, Москва, 2013

Щуров В.М. Южнорусская песенная традиция, Москва: 2013

Щуров В.М. Уж ты, Порушка, Параня. Песни Усёрдской стороны, Москва, 2013.

НОВОЕ О «СЛОВЕ»

Ужанков А.Н. «Слово о полку Игореве» и его автор. М.: Согласие, 2020. 488 с.

«Слово о полку Игореве» — уникальный памятник древнерусской литературы, единственная известная нам достоверно эпическая поэма домонгольского времени, — привлекает неослабевающее внимание исследователей. Долгий спор о подлинности «Слова» можно считать фактически завершенным, однако остаются другие вопросы — от времени создания памятника до его жанровой и идейной природы. Среди этих вопросов проблема авторства «Слова», пожалуй, привлекает наиболее живой общественный интерес — а следовательно, и закономерный интерес многих ученых.

Рассматриваемая здесь монография Александра Николаевича Ужанкова, одного из крупнейших отечественных специалистов по литературе и культуре Древней Руси, — вторая его большая работа о «Слове». Уже в первой (Ужанков, 2015) сформулированы многие подтвержденные, расширенные и дополнительно обоснованные в новой работе положения. Автор предложил свою датировку памятника, много места уделил рассмотрению его содержания и, в первую очередь, религиозным основаниям выраженных в «Слове» идей. В данной же книге А.Н. Ужанков обратился к занимавшей и занимающей многие умы загадке авторства поэмы.

Тема рискованная — как минимум в силу одной своей привлекательности. И потому любой результат подобного рода изысканий, — весьма многочисленных, если не сказать неисчислимых, — оценивать сложно. Проблема авторства неразрывно связана с проблемой уникальности «Слова», и сама возможность решения вопроса прямо зависит от того, как исследователь относится к последней. «Слово» уникально и исключительно гениально — при взгляде из сегодня. Сопоставимые с ним по жанру и масштабу памятники отсутствуют вплоть до появления вторичной в отношении его «Задонщины»¹. Но неясно, вызвана ли такая ситуация действительной уникальностью «Слова» или степенью сохранности домонгольской литературы. Во всяком случае, «песнотворцы», о которых наряду с летописцами как о создателях мирской истории писал еще до создания «Слова» Кирилл Туровский, творили и раньше. В древнейших летописях Руси вычлняются стихотворные отрывки. В самом «Слове» его автор говорит об эпических песнях Бояна, сразу постулируя, однако, и свое отличие, — как деписателя «сего времени», а не героической старины.

Если «Слово» — часть обширной неизвестной нам в целом эпической традиции, то у нас нет принципиальных оснований настаивать на его исключительности для времени создания и полагать, что автор должен быть нам известен. Но есть и другая сторона этого же вопроса. Славянская эпическая традиция вообще крайне ограничено была востребована средневековой литературой. Причем касается это как южных и восточных, так и западных славян. Средневековых эпических поэм сохранились единицы², и все они посвящены историческим сюжетам настоящего или недавнего прошлого. Это заметно отличается от германских, кельтских и большинства романских традиций средневековой Европы, оставивших богатый героический, исторический, а местами и мифологический эпос в стихотворной и прозаическо-стихотворной форме. Объяснить

¹ «Слово о погибели земли Русской», стилистически близкое, значительно уступает объемом и более элегично, чем эпично по содержанию.

² Строго говоря, только три уже названных памятника на Руси, и один (латиноязычная «Песнь Мавра») в Польше. Несколько польских и чешских позднесредневековых повествовательных поэм созданы в русле западноевропейской религиозной и романной поэзии, чаще всего на заимствованные сюжеты.

это следует, вероятно, определенной «экономностью» использования письменного слова в славянских культурах. Письменность в них появилась вместе с христианством и в прямой связи с его принятием. Что касается восточно- и южнославянской литературной традиции, то их «основной текст» — Славянская Библия. Сакральное восприятие письменности в древнерусской культуре фиксируется неоднократно. Письменное слово могло быть только христианским. Мир древнего, по духу пока языческого эпоса вроде «песен Бояна», творений других безымянных «песнотворцев» и «скомрахов» не просто был чужд ему, он и прямо противопоставлен, в том числе в «Слове». Для того, чтобы, используя традиционные поэтические приемы, создать новый эпос с новым содержанием, требовалась, очевидно, немалая доля вдохновения и уверенности. Одно это может быть побуждением к поискам автора «Слова» среди не просто известных лиц древнерусской истории, но среди известных писательскими трудами.

В силу этого вполне понятна позиция А.Н. Ужанкова, выдвигающего известность автора как писателя в качестве исходного посыла: «Автор “Слова” не может быть творцом одного лишь произведения, тем более — гениального! Автор, несомненно, профессиональный писатель» (Ужанков, 2020: 122). При этом риски «поисков» автора исследователем вполне осознаются и заявляются в самом начале работы (позволю здесь себе более пространную цитату): «К любому заявлению, что, наконец-то, найден Автор “Слова о полку Игореве” *все*, и маститые ученые, и ревностные почитатели этого гениального творения, отнесутся даже не с большим, а с огромным скепсисом... Первым, кто отнесся бы к такому заявлению с недоверием, был бы я сам. И искренне посочувствовал бы тому человеку, кто отважился на такое заявление, ведь оно вызовет критику практически всех, кто занимается этой проблемой» (Там же: 11).

Предшествующими исследованиями «Слова» вполне установлена тесная связь произведения с повестью о событиях 1185 г. из Киевского летописного свода конца XII в., входящего в Ипатьевскую летопись. Соотношение повести и «Слова» решалось по-разному, но при этом обращалось внимание на возможность и более широкого сопоставления содержания, стилистики, лексики «Слова» с Ипатьевской летописью. В конечном счете, это закономерно привело к появлению небезосновательных гипотез о единстве авторства. Недаром предыдущая наиболее известная и фундаментальная попытка установления автора связала «Слово» с боярином Петром Бориславичем, в котором Б.А. Рыбаков видел автора и «Слова», и значительной части Киевского свода (Рыбаков, 1972).

А.Н. Ужанков исходит из гораздо более обоснованного, в том числе и на страницах его работы, представления о целостности текста Киевского свода конца XII в. в его заключительной части. Соответственно, летописная повесть о походе Игоря, тесная связь которой со «Словом» на текстуальном и сюжетном уровне видится очевидной, является произведением того же автора, что и свод в целом. Этот автор давно отождествлен как игумен Выдубицкого монастыря Моисей, которому принадлежат заключительные статьи Киевской летописи в составе Ипатьевской. В Выдубицкий монастырь ведут и наблюдения за текстом «Слова». Они показывают знакомство автора с не только со славянскими, но и с греческими текстами, в т.ч. библейских книг, использование которых прослеживается и в произведениях Моисея. Наконец, сопоставление рассказов о битве на Каяле в летописной повести и в «Слове» привело А.Н. Ужанкова к заключению, что в обоих случаях повествование идет от первого лица участника сражения. Этот участник идентифицирован как боярин Беловолод¹ Просович, — единственный,

---

¹ Автор склоняется к семантически более понятной форме «Беловод». Летописные написания: Бѣловлодъ (Ипатьевский и Ермолаевский списки); Бѣловълод (Хлебниковский список) (ПСРЛ, 1998: Стб. 645, С. 52); Бѣловод (Густынская летопись) (ПСРЛ, 2003: 101). Лингвисты, принимающие *Bělovoldъ, отмечают как очевидность компонентов, так и недостаточную семантическую ясность (ЭССЯ, 1975: 76).

помимо князей, участник событий, названный в летописи по имени. В связи с этим в заключение работы выдвигается гипотеза, что Беловолод принял позднее монашеский постриг под именем Моисея и стал настоятелем Выдубицкой обители.

Важнейший и, безусловно, правильный вывод, закрепляемый обеими работами А.Н. Ужанкова о «Слове», — необходимость понимания его как христианского текста. Дискуссия об идейно-религиозной природе «Слова» тоже насчитывает не один век и породила весьма разнообразные мнения. Используемые в «Слове» элементы (или рудименты) фольклорно-эпической традиции, как минимум «двоеверной», могли приводить исследователей к заключению даже о языческом характере памятника. При этом недостаточно внимания обращалось на то, что автор «Слова», используя приемы традиции «песнотворцев», вместе с тем открыто с первых строк отталкивается от нее. В новейших исследованиях большее внимание уделяется литературным корням памятников древнерусского «дружинного эпоса», его религиозному содержанию. Это ведет к корректировке устоявшихся представлений (см.: Серегина, 2011; Ужанков, 2015). Новая работа А.Н. Ужанкова подводит итог предшествующим исследованиям в этом направлении. Использование библейских текстов и библейской образности, религиозный, в том числе в смысле авторства, характер произведения доказаны неоспоримо.

К выводам автора можно добавить, что в этой связи «Слово» оказывается в интересном контексте, — как отечественном, так и европейском. Христианское переосмысление и критика традиционной героики, неразрывно связанной с гордыней, впервые видны в древнерусской словесности в летописных сказаниях о князе Святославе. Ту же тенденцию можно видеть и в ряде произведений западноевропейской средневековой поэзии, — в частности, в древнеанглийской поэме «Битва при Мэлдоне», в сюжете и литературной судьбе которой есть удивительные параллели со «Словом» (см.: Алексеев, 2014: 39). Характерной чертой для некоторых таких памятников является столкновение сформированного эпическими сказаниями воинского идеала с реальностью современной автору эпохи, — т.е. именно историзм повествования. Именно историзм, описание реальных событий «сего времени» — первое отличие «Слова» от древних героических песен, заявляемое автором.

Вместе с тем, при всей обретенной ясности в этом вопросе, именно данное направление представляется наиболее плодотворным для новых исследований. В дальнейшем прояснении нуждается семантика языческих образов «Слова». Объяснение их критическому использованию автором «Слова» в работах А.Н. Ужанкова, включая настоящую, давалось. Теперь, однако, требуется раскрыть этот вопрос детальнее — в рамках выдвигаемой в работе концепции авторства и в сравнении с другими произведениями Моисея. Другой существенный вопрос — определенная «сокровенность» религии в поэме, не очень характерная для литературы Древней Руси. При всей обильности библейских аллюзий и *скрытых* цитат, нет упоминаний библейских персонажей, и в целом христианская лексика поэмы ограничена. Только дважды встречается слово «Бог»/«Божий», единожды «Богородица» и «христиане», в словаре «Слова» нет имени Христова, слов «крест», «церковь». Всё это ставит произведение особняком в литературе эпохи, а особенно бросается в глаза при сопоставлении с «Задонщиной», где религиозные мотивы с первых строк присутствуют *на первом плане*¹. Связано ли это с жанровой природой поэмы? С ее ожидаемой аудиторией? Каким именно образом? Возможно, это следствие *первого* опыта адаптации и христианизации эпических традиций в литературе Руси? Вероятно, ответы ждут нас в будущем.

Чрезвычайно важной составной частью монографии является содержащееся в ней новое научное издание текста «Слова» с авторским переводом и комментарием

---

¹ Что, кстати, является веским аргументом против теорий, относящих обе поэмы к одному историческому периоду XIV–XV вв.

(Ужанков, 2020: 14–102). Перед каждым публикатором «Слова» встает задача не столько «установления», сколько восстановления текста утраченного оригинала, — в том числе, если не в первую очередь, после необоснованных конъектур предшественников. Наиболее существенному из таких неоправданных ученых «исправлений» памятника — перестановке большого фрагмента в начале текста — исследователь уделил в работе специальное внимание (Там же: 249–255).

Важнейшим предварительным условием для установления авторства в столь сложном случае является датировка произведения, и диапазон предложенных для «Слова» дат очень широк. А.Н. Ужанков обосновывает как принадлежность «Слова» перу современника и участника событий, так и конкретную дату — осень или зиму 1200 г. (Там же: 177)¹. Такая хронология окончательно решает и проблему соотношения летописной повести и «Слова» в пользу первичности первой. Но введение в научный оборот более обоснованной, чем прежние варианты, ранней даты создания поэмы позиционирует ее не только во времени. Оценка «Слова» как произведения современника чрезвычайно важна для определения сущности и жанровой принадлежности произведения. В определенном смысле это подытоживает дискуссию о степени «устности» памятника. Содержа в себе определенные черты устной традиции (каковые не следует и недооценивать), само «Слово» к ней не относится. Это памятник живой *истории*, а не исторической традиции. Он в самой сущности письменный, литературный, принадлежащий христианской культуре Руси, — и *авторский*.

А.Н. Ужанкову удалось весьма убедительно обосновать связь создателя произведения с Выдубицким монастырем. Весьма перспективной, фактически уже вполне обоснованной выглядит и гипотеза, связывающая появление летописной повести и «Слова» с участником битвы на Каяле Беловолодом Просовичем. И следует признать, что с учетом времени, места создания, а также близости «Слова» с Ипатьевской летописью, выдвинутая А.Н. Ужанковым концепция авторства представляется логичной.

Исследование А.Н. Ужанкова, безусловно, представляет собой серьезнейшее движение вперед в понимании «Слова о полку Игореве». Вместе с тем, оно создает и основу для дальнейших исследований этого ярчайшего памятника древнерусской словесности. Как отмечает в заключение сам автор, «любое завершение научного исследования — это всего лишь начало нового» (Ужанков, 2020: 422).

БИБЛИОГРАФИЯ

- Алексеев С.В. Игорь Святославич. М., 2014.
Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 2. Ипатьевская летопись. М., 1998.
ПСРЛ. Т. 40. Густынская летопись. СПб., 2003.
Пятнов А.П. К вопросу о дате смерти Игоря Святославича Черниговского // Древняя Русь: вопросы медиевистики. №4. 2003. С. 60–61.
Рыбаков Б.А. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972.
Серегина Н.С. «Слово о полку Игореве» и русская певческая гимнография XII века. М., 2011
Ужанков А.Н. «Слово о полку Игореве» и его эпоха. М., 2015.
Ужанков А.Н. «Слово о полку Игореве» и его автор. М., 2020.
Этимологический словарь славянских языков (ЭССЯ). Вып. 2. М., 1975.

---

¹ Исследователь исходит из датировки кончины Игоря Святославича концом 1200 г., отмечая при этом наличие расширяющей предлагаемый диапазон на несколько месяцев 1201 г. датировки этого события А.П. Пятнова (Ужанков, 2020: 440–441; см.: Пятнов, 2003). Последнюю, исходя из сравнения текстов соответствующей статьи в летописях Радзивиловско-Лаврентьевской группы, разделяю и я, относя смерть князя с наибольшей вероятностью к весне 1201 г. (Алексеев, 2014: 324).

Сведения об авторах и аннотации статей

Алексеев Сергей Викторович — доктор исторических наук, профессор, председатель Историко-просветительского общества «Радетель», профессор кафедры истории и исторического архивоведения Московского государственного института культуры, лауреат Макариевской премии.

Никоновская летопись об истории IX в.

Статья посвящена рассмотрению уникальных известий Никоновской летописи по истории Восточной Европы IX в. Выделяются сведения, являющиеся плодом домыслов и литературного вымысла летописца, а также сведения, которые могут восходить к позднесредневековой устной эпической традиции. Что касается группы уникальных известий о киевских князьях Аскольде и Дире, привлекающей повышенный интерес в науке, — как положительного, так и скептического характера, — постулируется невозможность на наличном уровне наших знаний однозначно определить их происхождение. Обращено внимание на то, что без этого рассматривать данные известия в качестве источника по описываемому времени оснований нет.

Ключевые слова: Никоновская летопись, источниковедение, средневековая историография, устная традиция, Рюрик, Аскольд и Дир, Олег.

Богданов Андрей Петрович — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН.

Рождение Хованицы

Статья рассказывает о зарождении и развитии ложной версии заговора князей Хованских, созданной правительством царевны Софьи и В.В. Голицына для борьбы с Московским восстанием 1682 г. Доказано, что она ни в малой мере не соответствовала действительности. Особое внимание уделено происхождению официальных источников о заговоре, их текстологии и личностям людей, ответственных за их создание и распространение, начиная с Извещения на князей Хованских 2 сентября и кончая статьями о прощении стрельцов и солдат 3 октября 1682 г. Показана роль Ф.Л. Шакловитого, как организатора управления и документооборота правительства с момента начала борьбы против двоевластия царского двора и служилых по прибору 2 августа до возвращения двора в Москву в ноябре 1682 г. Раскрыта целесообразность лжи о заговоре Хованских в победе над восстанием.

Ключевые слова: Московское восстание 1682 г., царевна Софья, В.В. Голицын, Ф.Л. Шакловитый, И.А. Хованский, стрельцы, выборные солдаты, надворная пехота, бунт староверов.

Мальцев Михаил Сергеевич — внештатный консультант Института этнологии и антропологии РАН, г. Москва.

Таманский клад испанских монет конца XVI — начала XVII в.

В статье предлагается описание и атрибуция испанских монет Таманского клада, выполненная с помощью реконструкции знаков аверса и реверса монет, а также с опорой на известные исторические источники по колониальной и континентальной чеканке в Испанской Империи. В ходе атрибуции были определены дата и место чеканки каждой монеты клада. Основная цель работы не ограничена задачей атрибуции монет Таманского клада и направлена на распространение и популяризацию современных методов определения монет испанского происхождения в отечественной нумизматике. В частности, в исследовании предложен метод реконструкции лицевых и оборотных сторон монет, а также восстановления эпиграфических текстов и геральдических символов по остаточным контурам и подобным одноштемпельным образцам. Кроме того, в статье

представлены таблицы с систематизированной справочной информацией по монетным дворам и пробирщикам Испании, которая может оказаться полезной при проведении аналогичных исследований в будущем

Ключевые слова: Таманский полуостров, монетный клад XVI–XVII вв., Испанская империя, макукин, нумизматика, поштемпельный анализ.

Иртенина Наталья Валерьевна — член Союза писателей России.

Эволюции малороссийского казачества в XVIII — начале XX в. (из истории одного рода)

Рассматривается трансформация малороссийского казачества (гетманского реестрового Войска Запорожского, позднее сословия малороссийских казаков) из привилегированного военно-государственного субъекта Гетманщины — через утрату казачьей боеспособности — в сословие, уравненное с крестьянством. На фоне общей судьбы украинского казачества показана история новгород-северского казачьего рода Ипатка, давшего ответвления в кубанском и терском казачестве.

Ключевые слова: Малороссия, Гетманщина, казачество Украины, генеалогия, переселенческие потоки малороссийских казаков, украинские казаки в войнах Российской империи, село Бирин.

Охлопкова Виктория Александровна — магистрант исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Расходные книги Патриаршего Казенного приказа как источник для изучения истории Моисеевского монастыря в Москве

Статья раскрывает информационные ресурсы расходных книг Патриаршего Казенного приказа применительно к истории Моисеевского женского монастыря в Москве в последней четверти XVII в. Даны ответы на вопросы, какие сведения о монастыре можно почерпнуть из расходных книг и каковы возможности научной интерпретации этих сведений.

Ключевые слова: Русская Церковь, женское монашество, московские монастыри, Моисеевский монастырь, Патриарший Казенный приказ, благотворительность, милостыня, богадельни.

Публикации

Белов Никита Васильевич — магистрант Европейского университета в Санкт-Петербурге.

Поминания родов Всероссийских митрополитов XVI века в синодике Московского Новинского монастыря

Синодик домового владычного Новинского монастыря содержит поминания «родов» шести Всероссийских митрополитов XVI в. Они текстуально близки к опубликованным по списку синодика Успенского собора Московского Кремля, однако имеют значительные отличия, в т.ч. отсутствующие в Успенском помяннике «роды» митрополитов Афанасия и Филиппа (Колычева). Синодичная запись «рода» митр. Афанасия позволяет высказать гипотезу о его происхождении из среды белого духовенства г. Переславля; запись «рода» митр. Кирилла свидетельствует о его близком общении с кн. Голицынами Булгаковыми. Анализ «памятей» Новинского синодика демонстрирует широкую вариативность поминальных практик высших иерархов Русской церкви XVI в. В конце статьи публикуются поминальные росписи «родов» русских митрополитов из синодика Новинского монастыря и «рода» митрополита Афанасия из синодика Троице-Сергиева монастыря.

Ключевые слова: синодики, церковная коммеморация, Всероссийские митрополиты, Иван IV Грозный, князя Голицыны Булгаковы, опричнина.

Панкрашин Сергей Александрович — аспирант кафедры источниковедения истории России исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

Левандовский Андрей Никитич — аспирант кафедры источниковедения истории России исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, сотрудник 1-ой категории Государственного архива Российской Федерации

Основу публикации составляет подготовленный в ноябре 1921 года Н.И. Марковым текст, предназначенный в качестве вступления к машинописным документам из состава архивного комплекса документов княжны Е.М. Долгоруковой, светлейшей княгини Юрьевской. На основе критического анализа текста делаются выводы о возможном происхождении машинописей, позиционируемых Н.И. Марковым как «Мемуары императора Александра II». Историографические замечания и информация общего характера дана авторами публикации во вступительных замечаниях, критика источника дана в сносках к основному тексту. Перевод с французского языка выполнен А.Н. Левандовским, вступительные замечания и критика источника – С.А. Панкрашиным.

Ключевые слова: Архив княгини Юрьевской, дневники Александра II, атрибуция исторических источников, Романовы, Юрьевские.

Международная научно-практическая конференция «Народное культурное наследие: традиции и современность» памяти профессора В.М. Щурова

Володихин Дмитрий Михайлович — доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой культурного наследия Московского государственного института культуры, профессор кафедры источниковедения исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, лауреат Премии Президента РФ в области образования, лауреат Макариевской премии.

Текст представляет собой комментированную публикацию источника: вкладных записей XVII столетия на полях двух изданий Московского печатного двора времен правления Михаила Федоровича: Минеи месяца мая 1626 года и Триоди цветной 1626 года.

Ключевые слова: Старопечатные книги, вкладные записи, Московский печатный двор, игумен Свято-Троицкого Павло-Обнорского монастыря Алимпий.

Боронина Елена Германовна — кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры культурного наследия Московского государственного института культуры.

Духовные стихи Московской области (из записей 1990-х)

Похоронно-поминальная обрядность деревни Епихино Шатурского района Московской области интересна для исследователей тем, что здесь в развернутой форме до конца XX века, до 1997 года, сохранилась одна из редких составляющих обряда — исполнение духовных стихов по умершему. Причем не только чтение, но и пение. Носителем традиции является коренная жительница д. Епихино, «читалка» Одевалина Мария Васильевна 1924 года рождения. По представленным материалам можно проследить процесс пения и чтения ею стихов и кантов, а также редко фиксируемые собирателями моменты подбора напева для их исполнения.

Ключевые слова: духовные стихи, Божественные песни, стишки, читалка, девятинки, сороковой день, година, Московская область, Шатурский район.

Денисов Виктор Николаевич — кандидат филологических наук, доцент, сотрудник Выставочного зала Дома ученых РАН в г. Черноголовка.

Денисова Ольга Александровна — кандидат исторических наук, доцент кафедры культурного наследия Московского государственного института культуры,.

Роль звуковых архивов Вены и Берлина в сохранении фольклора народов России (по материалам записей российских военнопленных Первой мировой войны)

Статья посвящена фольклорным записям российских военнопленных, которые были сделаны в лагерях военнопленных на территории Австро-Венгрии и Германии в период Первой мировой войны, а также роли звуковых архивов Вены и Берлина в сохранении этого уникального пласта культурного наследия Российской империи.

Ключевые слова: звуковые архивы, фонографические записи, Венский Фонограммархив, Берлинский Фонограммархив, фольклорное наследие, российские военнопленные, Первая мировая война.

Чернова Анастасия Евгеньевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры культурного наследия Московского государственного института культуры, доцент кафедры филологии Перервинской духовной семинарии.

Историко-фольклорные истоки образа прекрасной пустыни в лирике Н. Рубцова

В статье через призму исторического и фольклорного контекста рассматривается образ прекрасной пустыни в духовных стихах и в поэзии Рубцова. Аксиологические особенности идеального пространства и фольклорный принцип двоemiрия раскрываются во взаимодействии народно-исторических и авторских художественных интерпретаций, когда божественные атрибуты духовных стихов замещаются поэтическими символами, а темный лес и болото, символизирующие небытие, противостоят живой вечности сказочного «иногo царства» и прекрасной пустыни.

Ключевые слова: художественный образ, символ, духовные стихи, фольклорное двоemiрие, идеальный мир, прекрасная пустыня, русская общественная мысль позднего СССР, русская партия, почвенничество.

Щекатурова Дарья Николаевна — преподаватель кафедры культурного наследия Московского государственного института культуры.

О новейших записях песен Усёрдской традиции (по определению В.М. Щурова)

В данной статье автор проводит анализ научных работ и экспедиционных исследований по вопросам исторических предпосылок формирования особой локальной местной музыкальной традиции на территории бывшей Белгородской засечной черты. Музыкальный фольклор – это удивительный и неповторимый вид искусства, требующий и нуждающийся в пристальном внимании и изучении. К вопросу изучения музыкальных традиций Южных окраин России обращались видные деятели, занимающиеся изучением фольклорного искусства, освещая отдельные территории бывшей Белгородской засечной черты. Данная статья может оказаться полезной теоретической основой в изучении как отдельных территорий, так и южнорусской музыкальной традиции в целом.

Ключевые слова: Традиционная музыкальная культура, музыкальный фольклор России, Белгородская засечная черта, заселение южных окраин России, Усёрдская песенная традиция.

Критика

Алексеев Сергей Викторович — доктор исторических наук, профессор, председатель Историко-просветительского общества «Радетель», профессор кафедры истории и исторического архивоведения Московского государственного института культуры.

Новое о «Слове»

Рецензия на монографию А.Н. Ужанкова ««Слово о полку Игореве» и его автор».

Ключевые слова: древнерусская литература, историография, литературоведение, «Слово о полку Игореве»

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ АВТОРАМИ

Требования к предоставляемым материалам.

Материалы, предлагаемые для публикации в альманахе «Историческое обозрение», просьба присылать в редакцию с использованием электронной почты (сохранение в форматах DOC, DOCX, RTF). Объем статьи не должен превышать 40000 знаков (за исключением случаев, предварительно согласованных с редакцией в персональном порядке). Просьба придерживаться при наборе следующих параметров: поля по 2,5 см, шрифт 14, Times New Roman, междустрочный интервал полуторный, выравнивание по ширине (заголовки по центру), абзац с отступом 1,25 см, автоматический перенос слов, контроль висячей строки. Нумерацию страниц при наборе просьба не проставлять. Ссылки даются в скобках в тексте с указанием фамилии автора или первых слов названия публикации и ее страниц: (Иванов, 1984: 656) или (Исторический сборник, 1967: 341). В конце материала (за исключением эссе и рецензий) должен прилагаться приставный список литературы, оформленный согласно ГОСТ. Просьба полностью указывать фамилию, имя, отчество, место работы или обучения, должность (должности), ученую степень и звание.

Порядок публикации

Не позже чем через месяц после представления материала автор будет уведомлен о решении редколлегии альманаха по вопросу публикации. В случае отказа в публикации редколлегия направляет автору мотивированный отказ. Все рукописи рецензируются. Редколлегия в обязательном порядке предоставляет рецензии по запросам авторов рукописей. Соблюдение авторских прав гарантируется. Редакция оставляет за собой право публиковать альманах в сети Интернет, а также предоставлять тексты статей в системы научного цитирования. Публикация бесплатная. Материалы, принятые к публикации в альманахе, не могут быть представлены в другие издания; в противном случае решение о публикации пересматривается. Автору каждой статьи предлагается бесплатный авторский экземпляр альманаха.

e-mail: iporadeta@mail.ru

Главный редактор альманаха: Алексеев Сергей Викторович